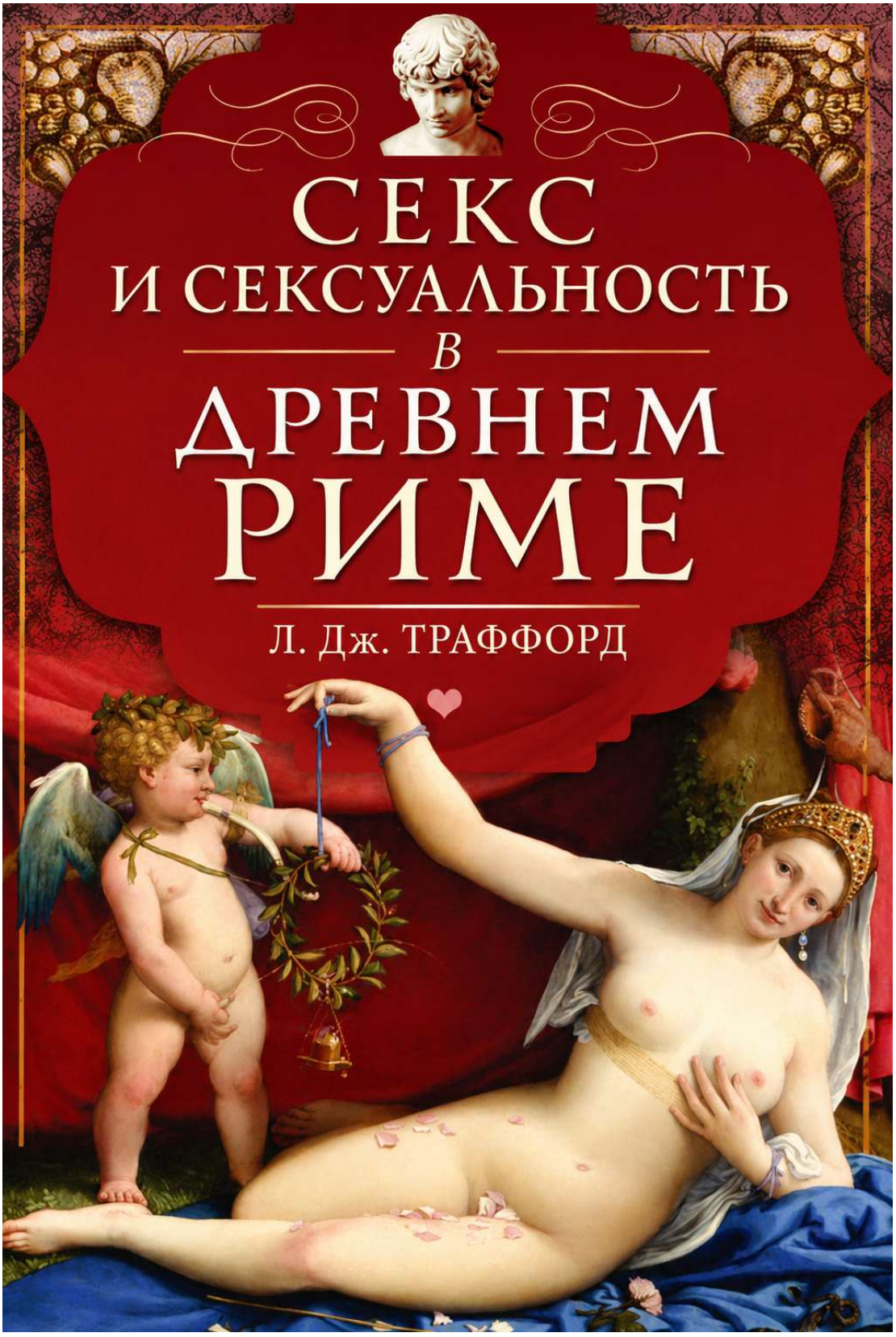

СЕКС
И СЕКСУАЛЬНОСТЬ
В
ДРЕВНЕМ
РИМЕ
Л. Дж. ТРАФФОРД

Л. Дж. Траффорд

Секс и сексуальность в Древнем Риме

Введение

В современном представлении Древний Рим предстаёт прежде всего городом, погрязшим в пороке и разврате, – местом, где царила полная сексуальная вседозволенность, где каждый мог делать с кем угодно всё, что ему заблагорассудится. Империей, нравственное разложение которой стало причиной её упадка и в конечном счёте гибели – во всяком случае, если верить Эдварду Гиббону.

Этот образ греховного города отчасти подтверждается сохранившимися письменными источниками и археологическими находками. Чего стоит хотя бы откровенно ошеломляющий рассказ биографа Светония о том, чем занимался император Тиберий на острове Капри! Или произведения поэта I века н. э. Марциала, среди которых встречаются гневные жалобы на подругу, отказывающую ему в анальном сексе, рассуждения о седых волосах на лобке и утверждение, будто один из его знакомых приглашает гостей на званые ужины исключительно исходя из размеров их мужского достоинства.

В других местах о своих сексуальных обидах, похождениях и достижениях повествуют безвестные авторы надписей, сохранившихся на стенах Помпей и Геркуланума. Из них мы узнаём, что гладиатор Целад заставляет всех девушек стонать от удовольствия, что некий Феофил доставляет женщинам удовольствие с помощью оральных ласк, а ещё знакомимся с откровением анонимного горожанина, который счёл стену одной из местных вилл подходящим местом, чтобы признаться согражданам: «Я совокуплялся с мужчинами».

Даже религия не была свободна от подобной непристойности. Сами боги предавались супружеским изменам, вступали в кровосмесительные связи и даже совокуплялись с животными. Всё это находило отражение в искусстве той эпохи, наряду с бесчисленными изображениями мужского полового органа, украшавшими стены и мостовые, святилища и жилища, пространства над входами в лавки и ювелирные украшения.

В Археологическом музее Неаполя существует особый, долгое время закрытый для широкой публики кабинет, где хранятся предметы, обнаруженные в Помпеях и окрестностях и некогда признанные слишком непристойными для глаз обычных посетителей. Оказавшись в этом тайном собрании, посетитель видел сотни терракотовых фаллосов, фрески с переплетёнными в любовных объятиях парами и поистине поразительную статую бога Пана, совокупляющегося с козой.

В Древнем Риме секс был выставлен напоказ. Его изображали в произведениях искусства, воспевали и высмеивали в стихах, о нём писали на стенах, а в политической борьбе сексуальные обвинения служили средством очернения противников. Стоит ли удивляться, что мы представляем себе

Древний Рим как одну нескончаемую оргию, продолжавшуюся четыреста лет? Но насколько этот образ соответствует действительности?

В период своего расцвета, в I веке н. э., Рим насчитывал около миллиона жителей. Было бы весьма странно, если бы все они придерживались одинаковых взглядов на что бы то ни было, в том числе на секс и сексуальность. И действительно, стоит лишь заглянуть глубже, за бросающиеся в глаза изображения фаллосов едва ли не на каждом углу и откровенные фрески, как перед нами открывается куда более сложная картина. Хотя римскому обществу было чуждо христианское представление о сексуальном грехе, полной вседозволенности в нём отнюдь не существовало. Сексуальное поведение регулировалось целым рядом ограничений – как общественных, так и правовых.

В книге «Секс и сексуальность в Древнем Риме» мы подробно рассмотрим эти правила, выясним, какого сексуального поведения ожидали от мужчин и женщин и насколько реальная жизнь соответствовала общепринятым идеалам. Мы узнаем, что было известно людям античного мира о сексе, деторождении и предотвращении беременности, какие действия действительно считались недопустимыми в спальне и почему в Помпеях сохранилось столь поразительное множество изображений фаллосов.

Оставьте свои предубеждения за порогом – и давайте заглянем в спальню к древним римлянам.

Глава 1

Язык

Людям с тонкой душевной организацией, пожалуй, лучше отложить эту книгу прямо сейчас, поскольку мы собираемся разобраться в том, как древние римляне говорили о сексе. Назвать их язык скабрёзным – значит не сказать почти ничего. Скорее это похоже на удар доской по лицу: римляне не выбирали выражений и обрушивали слова на противника с беспощадной грубостью. Однако начать именно с этой темы необходимо: она поможет нам понять многое в римском обществе, о чём пойдёт речь дальше, в том числе почему с именами императоров связано столько невероятных историй о сексуальной распущенности и как римляне относились к женской сексуальности.

Так что приготовьтесь – и, возможно, убедитесь, что никто не заглядывает вам через плечо, – нам предстоит основательно погрузиться в римскую брань. Считайте, что я вас предупредила!

Стихотворение начинается и заканчивается одной и той же строкой: «Я отымею вас в зад и в рот».[1] Эти слова обращены к Аврелию и Фурию, которых поэт Катулл называет женоподобным извращенцем и развратником. Что же они натворили, чтобы вызвать у него такую ярость?

Если вы предполагаете, что речь идёт о каком-нибудь ужасном оскорблении, нанесённом члену семьи Катулла, возможно даже со смертельным исходом, то вам придётся умерить свои ожидания. На самом деле Катулла возмутило лишь то, что его стихи, посвящённые великой любви к женщине, которую он называет Лесбией, сочли недостаточно мужественными.

Угроза «отыметь в рот» (по-латыни irrumo) была у Катулла универсальным ответом на самые разные обиды. Когда он заподозрил Аврелия в том, что тот положил глаз на мальчика, с которым встречался сам поэт, он предупредил: «Я первым делом отымею тебя в рот».[2] Обращаясь к целой таверне мужчин, которых он обвинял в том, что они спали с его возлюбленной, Катулл восклицает: «Вы думаете, я не посмею отыметь вас всех в рот, прямо здесь, всех двести человек разом?»[3] А однажды он пригрозил тому же Аврелию засунуть в задницу редьку и рыбу кефаль – традиционное римское наказание для мужчины, застигнутого обманутым мужем при прелюбодеянии, наряду с другими унижениями.[4] Можно подумать, что Катулл был слишком обидчив и ему не мешало бы на время отказаться от вина. Однако столь яростная, откровенно сексуальная брань была порождением не одного лишь разбитого сердца Катулла.[5] В Риме она встречалась буквально повсюду.

В 41 году до н. э. разразилась война между Октавианом, будущим императором Августом, и Фульвией, женой Марка Антония. Пока Антоний развлекался на Востоке с Клеопатрой, Фульвия внимательно следила за

действиями Октавиана в Риме и заботилась об интересах мужа. Некоторые античные авторы утверждают, что Фульвия развязала войну против Октавиана, желая выманить Антония из объятий его египетской царицы.[6] В этом объяснении отчётливо проявляется представление римских мужчин о женской неразумности.

Во время этого конфликта войска Фульвии и брата Антония, Луция, оказались осаждены в Перузии.[7] Для борьбы с осаждёнными армия Октавиана привлекла пращников. Эти воины метали камни с огромной скоростью при помощи кожаного ремня, который раскручивали над головой, а затем отпускали один из его концов. По расчётам специалистов, такие снаряды летели со скоростью до 160 километров в час, что делало пращу чрезвычайно смертоносным оружием.

Археологи также обнаружили пращевые снаряды с просверленными отверстиями, благодаря которым камни свистели в полёте. Представьте себе сотни таких снарядов, одновременно рассекающих воздух. Должно быть, этот звук изрядно действовал осаждённым на нервы.

Однако помимо жутковатого свиста римские пращники использовали и другое средство психологического воздействия – слова. На снарядах, найденных на месте осады Перузии, сохранились исключительно язвительные оскорбления, причём с обеих сторон. «Эй, Октавиан, ты сосёшь члены!» – гласит одно из таких жизнерадостных посланий. На снаряде, летевшем в противоположную сторону, было написано: «Целюсь в п…ду Фульвии». Встречаются и другие столь же любезные обращения: «Лысый Луций Антоний, и ты, Фульвия, раздвигайте задницы!» или «Эй, Октавиан, баба ты, садись на это!»

Поразительно, что один из участников этой войны непристойностей впоследствии превратился в великого блюстителя римской нравственности, наставлявшего сограждан, как подобает вести себя добропорядочным римлянам. Ведь тот самый женоподобный Октавиан, которого обвиняли в том, что он сосёт члены, и который направлял свои снаряды прямо в гениталии Фульвии, лет через тридцать преобразился и, словно бабочка из кокона, предстал перед миром в образе Августа, первого римского императора. Одним из главных направлений деятельности Августа, как мы увидим далее, стало исправление нравов и возвращение Рима к золотому веку, когда молодые люди не сочиняли непристойных стишков о замужних женщинах, с которыми им довелось воевать. Например, таких, как следующий стишок, приписываемый самому Октавиану:

«Раз Антоний трахает Глафиру, Фульвия придумала мне наказание: я должен трахнуть её саму. Трахнуть Фульвию? А если бы Маний попросил меня отыметь его в зад, я бы согласился? Только если бы совсем лишился рассудка».[8]

Ещё одним богатым источником подобного рода грубых оскорблений служат надписи, обнаруженные в Помпеях и Геркулануме. В одних только Помпеях найдено более одиннадцати тысяч таких надписей, позволяющих немало узнать о том, что занимало мысли горожан. Среди них встречаются

предвыборные объявления и реклама, но также и множество высказываний вроде следующего: «Плачьте, девушки! Мой член покинул вас. Теперь он проникает в мужские задницы. Прощай, дивная женственность!»

На стенах можно прочесть обвинения в том, что некий Филерос якобы евнух, а Атимер сделал девушке ребёнка. Нередко встречаются и хвастливые рассказы о сексуальных подвигах. Так, мы узнаём, что Апеллес Мус и его брат прекрасно провели ночь с двумя девушками, причём каждый успел заняться сексом дважды. Меньше повезло Флоронию, который сообщает, что служит в Седьмом легионе, и сетует: «Женщины не знали о его присутствии. Лишь шесть женщин познали его – слишком мало для такого жеребца». Бедняга Флороний!

Хотя мы не располагаем точными сведениями об уровне грамотности в Древнем Риме, известно, что он был выше, чем во многие последующие исторические эпохи.[9] Может быть, такие надписи оставляли лишь низы, люди предположительно более грубые? Вовсе нет. Некоторые граффити обнаружены не на наружных стенах зданий, а внутри весьма богатых домов. А вот надпись из Геркуланума: «Аполлинарий, врач императора Тита, хорошо здесь покакал». Если личный врач императора, человек весьма высокого положения, считал вполне уместным сообщить всем, где именно он справил нужду, можно с уверенностью сказать, что повседневная речь римлян отличалась известной грубостью.

Но за грубостью, режущей наш слух, стояло вполне определённое назначение. Возьмём, к примеру, Децима Валерия Азиатика, которого во времена правления Клавдия обвинили в женоподобии.[10] Он ответил обвинителю: «Спроси своих сыновей, Суиллий. Они подтвердят мою мужественность».[11] Подразумевалось, что Азиатик вступал с сыновьями Суиллия в анальные половые отношения в активной роли и уже поэтому никак не мог считаться немужественным. Это очень напоминает начальную строку Катулла, с которой мы начали главу. Важно здесь не столько само непристойное выражение, сколько заключённая в нём агрессия и угроза – черты, чрезвычайно характерные для римского общества.

Неудивительно, что общество, располагавшее крупнейшей постоянной армией известного тогда мира и завоевавшее с её помощью значительную часть Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, отличалось подчёркнуто воинственным представлением о мужественности. Это находило отражение и в характере оскорблений. Угрожать врагу сексуальным насилием и унижением было для римлянина одним из способов продемонстрировать собственную мужскую силу. Не будем забывать, что своего рода «наградой» римским легионерам за взятие вражеского города считалась возможность насиловать его жителей – и мужчин, и женщин. Это было предельное проявление насилия, призванное унизить побеждённых.

Существовала целая шкала оскорбительных выражений – от сравнительно безобидных до исключительно непристойных. Они могли использоваться где

угодно: в стихотворении, надписи на стене, политической речи, во время судебного разбирательства и, как мы с полным основанием можем предположить, в повседневном разговоре. В основе этих оскорблений лежало противопоставление активного и пассивного, проникающего и принимающего проникновение. Быть активным, осуществлять проникновение означало быть мужчиной. Быть пассивным, подвергаться проникновению означало быть женщиной или вести себя по-женски. Степень оскорбительности определялась способом проникновения, что непосредственно отражалось в языке.

Утверждать свою мужественность значило проникать, совершать половой акт – futuo; так мог действовать только мужчина. Мужчина мог также совершать pedicare, то есть анальное проникновение. Если же требовалось оскорбить другого мужчину ещё сильнее, его могли назвать cinaedus или catamitus – словами, обозначавшими мужчин, получающих удовольствие от половых отношений в пассивной роли. Назвать кого-либо одним из этих слов значило обвинить его в отсутствии мужественности и женоподобии. Подобные обвинения сопровождались и особым жестом: человек почёсывал голову определённым пальцем.

В 50-х годах до н. э. знаменитый возмутитель общественного спокойствия Публий Клодий подослал толпу, которая повсюду следовала за Помпеем Великим. Подобно хору в греческой трагедии, люди выкрикивали вопросы: «Кто наш распутный полководец?», «Кто чешет голову одним пальцем?» – а затем дружно отвечали: «Помпей!»[12] Сообщается, что Помпея это страшно раздражало и он предпочитал отсиживаться дома, лишь бы не встречаться с распевающей толпой.[13]

В том же духе выдержана и язвительная реплика Цицерона о Юлии Цезаре: «Когда я смотрю на его столь тщательно уложенные волосы и вижу, как он чешет голову одним пальцем, мне трудно поверить, что этот человек способен замыслить столь великое преступление, как ниспровержение римского государственного строя».[14] Иными словами, Цицерон изящно намекал, что Цезарю попросту не хватит мужественности, чтобы стать диктатором и осуществить задуманный им политический переворот. К досаде исследователей, нам неизвестно, каким именно пальцем следовало чесать голову, чтобы оскорбительный смысл жеста был совершенно очевиден. Не менее загадочны и многочисленные упоминания левой руки, которые, по-видимому, связаны с мастурбацией. Одна из помпейских надписей гласит: «Когда заботы угнетают моё тело, левой рукой я даю выход накопившейся жидкости».

Поэт I века н. э. Марциал не раз упоминает левую руку. В одном из стихотворений он замечает, что, если его возлюбленная не приходит на свидание, ему приходится прибегать к помощи левой руки. В другом он обвиняет некоего Понтика в столь скудной любовной жизни, что его единственной любовницей стала собственная левая рука. Похоже, римляне мастурбировали исключительно левой рукой. Но почему именно левой? Вероятно, чтобы не

осквернять правую: у римлян она ассоциировалась с достойными и благородными действиями – рукопожатиями, подписанием важных документов и энергичной жестикуляцией во время значительных политических выступлений.

Ещё одной частью тела, которую римляне стремились уберечь от осквернения, был рот, считавшийся священным. Причин тому существовало немало. Рот использовался для произнесения религиозных заклинаний, политических речей, принесения клятв и исполнения всевозможных священных обязанностей. К тому же римляне обычно здоровались поцелуем, так что неплохо было знать, чем прежде занимался рот того, кого вы собираетесь поцеловать.

Проникновение в рот считалось гораздо более постыдным и унизительным, чем анальное проникновение. Мужчину, выполнявшего фелляцию, называли fellator, и такое осквернение рта воспринималось как нечто особенно грязное. На это намекает следующая эпиграмма Марциала: «Зоил, зачем ты оскверняешь баню, погружая в воду нижнюю часть своего тела? Ещё грязнее она стала бы только в том случае, если бы ты окунул туда голову».[15]

Но существовала и ещё более низкая ступень унижения – самое дно этой оскорбительной иерархии. Худшим оскорблением, какое только можно было нанести римскому мужчине, было обвинение в том, что он cunnilingus, то есть совершает куннилингус. Перевод тут почти не нужен. Это был двойной удар по мужскому достоинству: мужчина не только осквернял рот, но и, по римским понятиям, подчинялся женщине – то есть становился пассивным сразу в двух смыслах. Поэтому неизвестные авторы надписи на стене в Помпеях – «Феофил, не лижи девкам между ног у городской стены, словно собака» – явно испытывали к Феофилу сильнейшую неприязнь и хотели опозорить его перед всем городом. Кто знает, возможно, Феофил отомстил обидчикам, оставив на какой-нибудь другой стене не менее оскорбительный ответ.

После всего прочитанного вас вряд ли удивит, что в латинском языке существовало не менее 120 различных слов для обозначения пениса. Словом sopio называли чудовищно огромный половой орган, подобный тому, каким изображали бога Приапа. На противоположном конце шкалы находилось pipinna – детское словечко для обозначения мужского органа, примерно соответствующее нашему «пиписька».

Возможно, вы уже заметили, что все рассмотренные нами оскорбления обращены к мужчинам и так или иначе связаны с использованием либо неиспользованием мужского полового органа. Однако за этим скрывается ещё кое-что, непосредственно связанное с двумя латинскими понятиями – virtus и stuprum. Оба слова трудно удовлетворительно перевести на современный язык, и позднее мы поговорим о них гораздо подробнее. Пока же достаточно сказать, что virtus обозначало совокупность качеств, составлявших идеал римского мужчины, тогда как stuprum – постыдное сексуальное деяние, каравшееся

законом. Совершить stuprum означало поставить под угрозу собственную virtus. Таким образом, главными силами, стоявшими за рассмотренными нами оскорблениями и выражениями, были унижение и публичный позор.

А как обстояло дело с женщинами? Подвергались ли они столь же яростным оскорблениям сексуального характера? Как мы уже видели, степень оскорбительности в римском обществе зависела от того, какую роль человек занимал в постели – активную или пассивную, поскольку мужчина, по римским представлениям, должен был господствовать и действовать. Добродетельная римлянка, как мы узнаем из одной из следующих глав, должна была отличаться целомудрием и пассивностью. Поэтому оскорбления, обращённые к женщинам, обычно ставили под сомнение именно эти качества, считавшиеся неотъемлемыми признаками достойной женщины. Так, Цицерон называл знатную Клодию «наглой и бесстыдной шлюхой».[16] Фульвия, с которой мы познакомились в начале главы, тоже вела себя совсем не так, как подобало женщине: «Она не заботилась ни о прядении, ни о домашних делах и не пожелала бы властвовать над простым человеком; ей хотелось повелевать властителем и командовать полководцем».[17] Тацит же прямо утверждал, что «женщина, однажды расставшаяся с добродетелью, уже не откажет и в прочих требованиях».[18]

Шкала оскорблений, обращённых к женщинам, простиралась от сомнений в их целомудрии до прямых обвинений в проституции. Стоило женской добродетели оказаться под подозрением, как от такой женщины, по мысли Тацита, можно было ждать чего угодно.

Прошу прощения за откровенность первой главы – к этой теме можно было подвести и деликатнее. Но теперь вы знаете важнейшие понятия и выражения, помогающие понять, как римляне воспринимали сексуальные отношения и каким языком пользовались, говоря о них. К этим представлениям и идеалам мы будем возвращаться снова и снова, продолжая наше исследование секса и сексуальности в Древнем Риме.

Глава 2

Обуздание желаний: краткая история законов о нравственности

После первой главы простительно решить, что древние римляне были помешаны на сексе и ругались невероятно грязно. Возможно, так оно и было. Однако здесь действовал ещё один важный фактор – общественное осуждение. Оскорбления, которыми римляне осыпали друг друга, ставили под сомнение нравственность человека, приписывая ему пристрастие к тем или иным сексуальным практикам. Частная жизнь считалась неразрывно связанной с общественной, а поведение человека в спальне могло служить мерилом его пригодности к исполнению публичных обязанностей.

И здесь мы сталкиваемся с особенностью Древнего Рима, которая, возможно, вас удивит: римское общество было глубоко консервативным и склонным к нравоучениям. У римлян существовали вполне определённые представления о достойном и правильном образе жизни. Сменявшие друг друга императоры принимали законы, призванные заставить население соблюдать эти нормы, хотя, надо признать, с переменным успехом. Как мы увидим далее, частная нравственность волновала и государство, и общество.

Рим превратился в выгребную яму порока – во всяком случае, многим это казалось очевидным. В изображении сатирика Ювенала это был город, где мужчины пользовались косметикой, женщины получали от местных массажистов услуги с «приятным завершением», школьники участвовали в супружеских изменах, а рабы удовлетворяли сексуальные прихоти как хозяев, так и хозяек. Катон Старший был твёрдо убеждён, что город нуждается в основательном очищении. Цицерон сокрушался о том, что древние добродетели оказались настолько забыты, что о них почти перестали упоминать даже в книгах. Плиний Старший видел вокруг себя общество, в котором люди поощряли друг в друге пороки, а не достоинства. Историк Тацит с тоской обращал взор к варварским германцам и замечал, что у них «никто не смеётся над пороком и не называет современным обычаем развращать и быть развращённым».[1]

Во введении к своему грандиозному повествованию об истории Рима Тит Ливий совершенно ясно сформулировал, какие уроки прошлого он хотел преподать читателю: «Пусть он проследит, как нравы нашего народа постепенно приходили в упадок, как сначала они медленно портились, затем падение ускорялось и наконец началось стремительное движение к гибели, пока мы не достигли нынешних времён, когда уже не можем вынести ни своих пороков, ни средств их исцеления».[2]

Очевидно, с Римом произошло что-то ужасное. Но когда же началось это нравственное разложение? Историк Саллюстий полагал, что перелом наступил в 80-х годах до н. э., когда власть в Риме захватил диктатор Сулла. Ювенал с нежностью вспоминал эпоху Второй Пунической войны, когда римляне сражались с Ганнибалом. По его мнению, тогда общество ещё не знало пороков: мужчины были заняты войной с карфагенянами, а женщины так выбивались из сил, ведя хозяйство без мужей, что им было попросту не до разврата. Греческий писатель Плутарх, создавая жизнеописание великого римского полководца Эмилия Павла, называл это время эпохой,, «когда столь многочисленны были великие и выдающиеся мужи, что слава и добродетель встречались буквально на каждом шагу».[3]

Любопытно, что и Вторая Пуническая война, и возвышение Эмилия Павла пришлись на годы жизни Катона Старшего, который, в свою очередь, был совершенно убеждён, что живёт во времена чудовищного нравственного падения.

Ясно, что этого золотого века никогда не было. Но римляне упорно верили в него и отчаянно мечтали вернуться к прежним временам – независимо от того, жили ли они, подобно Катону, в эпоху Римской республики (509–27 годы до н. э.) или при императорах I–II веков н. э., как Ливий, Ювенал и Плиний.

Римские авторы так и не договорились, когда именно их город свернул на путь порока, но в одном были единодушны: причиной стало богатство, хлынувшее в Рим из завоёванных владений. Философ Сенека размышлял о том, что, разбогатев, люди начинают чрезмерно заботиться о своей внешности и буквально одержимы благоустройством жилищ: «Как заставить стены сверкать привезённым из-за моря мрамором, как украсить потолок золотом, чтобы его сияние соперничало с блеском мозаичных полов».[4] Всё это весьма напоминает современную одержимость роскошными интерьерами и грандиозными дизайнерскими проектами.

В сознании римлян не существовало принципиальной разницы между чрезмерной любовью к богатству и роскоши и сексуальной распущенностью. В текстах той эпохи мы вновь и вновь встречаем представление о том, что стремление к роскоши неразрывно связано с развратным поведением.

Катон Старший баллотировался на должность цензора, обещая «выжечь, словно гидру, язвы роскоши и изнеженности».[5] В представлении римлян одно неизбежно вело к другому. Плиний полагал, что погоня за богатством заставила его современников забыть и о знаниях, и о детях. По мнению Ювенала, жажда денег привела к тому, что все – от школьников до невест, от почтенных замужних женщин до вдов – отказались от полового целомудрия. Описывая Эппию, благовоспитанную даму, которая сбежала с гладиатором, Ювенал замечает: «В роскоши выросла она, отец баюкал её на лебяжьем пуху, с детства окружал нарядами и излишествами».[6] Роскошь, в которой она выросла, сделала её податливой к разврату.

Особенно часто опасения по поводу развращающего воздействия богатства и роскоши обращались против женщин. Плиний Старший вспоминал, как однажды увидел императрицу Лоллию Паулину, жену Калигулы, на самом обыкновенном званом ужине, где она была буквально осыпана драгоценностями стоимостью сорок миллионов сестерциев. Существовала также почти сказочная история о Клеопатре, которая якобы растворила жемчужину в уксусе и выпила получившуюся смесь, чтобы выиграть пари: она утверждала, что её ужин обойдётся в десять миллионов сестерциев.

В 215 году до н. э. была предпринята попытка ограничить суммы, которые женщины могли тратить на себя. Закон Оппия (Lex Oppia) запрещал женщинам владеть более чем половиной унции золота и носить чрезмерно яркие одежды. Сторонники ограничений рассуждали примерно так: «Дайте волю их необузданной природе, этому неукротимому зверю, а потом попробуйте заставить их самих положить предел собственной распущенности!»[7] В 195 году до н. э. закон отменили.

Но нравственность, по мнению римлян, подтачивала не только роскошь, но и сама алчность – ненасытное стремление ко всё большему богатству. Связь между жадностью и излишествами настолько прочно укоренилась в римском сознании, что всякий раз, когда мы встречаем законы, направленные на регулирование сексуального поведения, рядом обнаруживаются и законы против роскоши, ограничивающие цены на дорогие товары или доступ к ним. Считалось само собой разумеющимся, что тот, кто неумерен в любви к роскоши, будет неумерен и в постели.

Эта связь между роскошью и сексуальной безнравственностью особенно отчётливо проявляется в невероятных рассказах о поведении некоторых императоров. Калигула совмещал развращение жён своих друзей с такими безудержными тратами, что умудрился опустошить огромную казну, оставленную ему предшественником Тиберием. Золотой дом Нерона, ставший едва ли не самым ярким воплощением расточительности и роскоши античного мира, вполне соответствовал его безумным выходкам с дворцовыми рабами, которых император заставлял участвовать в странных сексуальных ролевых играх.

Темы алчности и безнравственности встречаются в римской литературе так часто, что ясно: они всерьёз тревожили римлян. Поведение гражданина в собственной спальне – или где бы то ни было ещё – представляло для римлян вопрос исключительной общественной важности. Практически любая политическая речь непременно содержала обвинения противника в тех или иных сексуальных извращениях. Пожалуй, лучшим примером служит вторая «Филиппика» Цицерона, направленная против Марка Антония. В ней Антоний предстаёт пьяницей, который состоял в однополой связи со своим другом Курионом, занимался мужской проституцией, переодевался женщиной и водил

знакомство с актрисами весьма сомнительной репутации. Для нескольких юношеских лет – весьма внушительный послужной список.

Римляне исходили из того, что сомнительное поведение в частной жизни неизбежно означает столь же сомнительное поведение в общественной сфере. Человек, ведущий себя неподобающим образом в спальне, не годился для управления величайшим городом мира. Тревога за частную жизнь граждан была так велика, что в дело вмешалось государство и попыталось законом заставить римлян вести себя в постели «правильно».

Одним из инструментов, находившихся в распоряжении государства, была должность цензора. Главной обязанностью цензоров – а их всегда было двое – являлось ведение списков римских граждан с указанием дополнительных сведений, таких как сословная принадлежность и имущественное положение. Но цензор обладал и другой, весьма необычной властью: он мог не только записывать граждан в соответствующие сословия, но и по собственному усмотрению понижать их в статусе или вовсе исключать из списков. Достаточно было, чтобы цензор счёл человека недостойным своего сословия по нравственным качествам. Греческий историк Плутарх в жизнеописании Катона Старшего отмечал, что в обязанности цензора входило пресечение любых отступлений от традиционного, установленного предками образа жизни.

Наиболее серьёзные последствия эта власть имела для высших сословий – всадников и сенаторов. Чтобы принадлежать к одному из них, требовались деньги, и немалые. Для получения всаднического звания необходимо было обладать состоянием не менее четырёхсот тысяч сестерциев, для сенаторского – не менее миллиона. Для сравнения: жалованье римского легионера, которого отнюдь не считали бедняком (именно поэтому военная служба привлекала добровольцев), в конце I века н. э. составляло 1200 сестерциев в год. Представители всаднического и сенаторского сословий могли претендовать на выборные должности, связанные с управлением городом и империей. Государственная служба имела для римлян огромное значение: она считалась величайшей честью и окружала человека ореолом престижа. К тому же она открывала прекрасные возможности разбогатеть, особенно если удавалось стать наместником провинции. Исключение из сената означало потерю положения, влияния и власти, а заодно становилось тяжким позором для самого человека и всей его семьи.

Именно на должность цензора Катон Старший выдвинул свою кандидатуру в 184 году до н. э. Его предвыборная кампания была поистине необычной. Вместо того чтобы просить голосов, Катон поднимался на ростры – ораторскую трибуну на Форуме[8] – и грозил расправой всем, кто, по его мнению, не соответствовал традиционным нравственным нормам. Он обещал раз и навсегда очистить город от смрада безнравственности и заявлял, что доверить эту задачу можно только ему одному. У римлян были все основания верить, что Катон выполнит свои обещания: слова у него не расходились с делом. В городе, куда стекались

немыслимые богатства, Катон, казалось, оставался единственным человеком, не поддавшимся их развращающему влиянию.

До нас дошло множество историй о приверженности Катона простому образу жизни. Рассказывали, что он никогда не носил одежды стоимостью более ста драхм; что, получив в наследство роскошно расшитое вавилонское одеяние, он пришёл в такой ужас, что немедленно продал его; что в его доме не было ни одной оштукатуренной стены. Когда Катон занимал должность претора Сардинии, он обходил города пешком в сопровождении всего одного помощника, ничуть не стремясь поражать жителей провинции блеском и величием римской власти.

Роскошь Катона не интересовала. Совсем другое дело – тяжёлый труд. Говорили, что он работал в поле вместе со своими рабами и даже носил такую же одежду, как они. Он ел ту же пищу и пил то же вино, которое выдавал работникам. Но не стоит думать, будто Катон считал рабов ровней: просвещённым рабовладельцем он отнюдь не был. Он сознательно разжигал вражду между работниками, чтобы они не смогли объединиться против него, и без колебаний продавал рабов, как только те переставали приносить пользу.

Неприязнь Катона к роскоши, его равнодушие к богатству и личный пример сделали его в глазах избирателей идеальным человеком для защиты римских традиций от разлагающих иноземных влияний. Поэтому римляне дружно отвергли семерых других кандидатов, обещавших не слишком вмешиваться в их жизнь, и проголосовали за Катона. Его нравоучительные выступления и громогласные обличения ужасов богатства и роскоши как нельзя лучше соответствовали настроениям общества.

Получив власть, Катон наконец смог дать волю своему обличительному пылу и с размахом принялся очищать сенат – причём далеко не всегда без оснований. Как и всякий популист, Катон добился популярности потому, что сумел нащупать реальную проблему: Рим стремительно менялся, далеко не все перемены нравились его жителям, а в высших эшелонах власти действительно процветала коррупция.

Одной из мер Катона стало уничтожение водопроводных труб, по которым богатые горожане тайком отводили общественную воду в собственные дома. Так был положен конец великолепным фонтанам и декоративным водоёмам, которые они устраивали за счёт незаконно присвоенного водоснабжения. Кроме того, Катон повысил оценочную стоимость таких предметов, как драгоценности, мебель и дорогая столовая посуда, чтобы воспрепятствовать накоплению роскошных вещей и увеличить налоги на них.

Однако исключение одного политика из сената за то, что он обнял жену среди бела дня в присутствии дочери, уже граничило с абсурдом. За рвение, с которым Катон лез в чужую жизнь, судил ближних и всячески её отравлял, ему поставили статую. Надпись на ней гласила: «Когда Римское государство клонилось к гибели, он был избран цензором и мудрыми наставлениями,

разумными ограничениями и здравыми поучениями вновь восстановил его».[9] Хотя ничего подобного Катону, судя по всему, не удалось: роскошь, богатство, безнравственность и дурной образ жизни продолжали тревожить римлян ещё многие столетия.

Спустя пятьдесят лет после того, как Катон попытался исправить нравы столь суровыми средствами, другой цензор, носивший внушительное имя Квинт Цецилий Метелл Македонский, в своей речи при вступлении в должность также обрушился на общественную нравственность. Метелл полагал, что остановить нравственное разложение Рима можно лишь введением обязательного брака. Однако не все разделяли его убеждения, и предложение так и не стало законом.

Тем не менее некоторые попытки государственного контроля над нравственностью всё же получили законодательное воплощение – в частности, в законе Скантиния (Lex Scantinia). К сожалению, этот закон для историков досадно неуловим. По немногочисленным разрозненным упоминаниям в источниках можно заключить, что он был направлен против определённых форм поведения, однако свидетельств недостаточно, чтобы уверенно установить, каких именно. Упоминания закона Скантиния встречаются в связи с уже знакомым нам непростым словом stuprum – «постыдное деяние». На основании имеющихся сведений можно сделать несколько выводов: понятие stuprum применялось лишь к свободнорождённым, а закон Скантиния, по всей видимости, был призван защищать свободнорождённых граждан от сексуальных посягательств. Судя по сохранившимся упоминаниям, к таким нарушениям относились сексуальные отношения взрослых мужчин с мальчиками, супружеская неверность и неподобающее поведение в отношении весталок. Вероятно, закон предусматривал и множество других проступков, но каких именно – мы не знаем. Возможно, это само по себе показательно. Мы не можем восстановить закон Скантиния во всех подробностях, поскольку упоминаний о нём слишком мало, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в судебной практике к нему прибегали редко. И всё же, каким бы плохо известным и, вероятно, редко применявшимся он ни был, закон Скантиния важен как один из первых установленных государством механизмов борьбы с поступками, считавшимися нравственно предосудительными.

Спустя столетие после выступления Квинта Цецилия Метелла Македонского тема нравственного возрождения вновь прозвучала во всю силу – на этот раз из уст первого римского императора Августа. В предыдущей главе мы уже встречались с ним под именем Октавиана, когда его самого обвиняли во всевозможных нарушениях нравственности. Но, став Августом, он превратился в неутомимую машину по насаждению морали, все силы отдававшую тому, чтобы заставить подданных жить благопристойно.

Деятельность Августа стала первой по-настоящему всеобъемлющей попыткой исправления общественных нравов. Император с гордостью заявлял об этом в перечне собственных деяний – Res Gestae: «Посредством новых

законов, принятых по моему предложению, я восстановил многие достойные подражания обычаи предков, пришедшие в забвение».

Август пошёл гораздо дальше Катона Старшего, который ограничивался исключением отдельных сенаторов за нравственные проступки. Император ввёл целую систему законов, регулирующих общественную нравственность. Известные как законы Юлия и Поппея (Lex Julia и Lex Poppaea), они предусматривали поощрения за добродетельное поведение и наказания за порочное. К счастью для нас, об этих законах сохранилось куда больше сведений, чем о плохо известном законе Скантиния.

Эти законы всячески поощряли вступление в брак и рождение детей. Женщины, родившие троих детей, получали налоговые льготы и освобождались от опеки. Бывшим рабыням предоставлялись аналогичные права, но для этого они должны были родить четверых детей. Если учесть, что отпустить на волю раба можно было не раньше тридцати лет, невольно задумаешься, насколько это требование было выполнимо. Более позднее дополнение, известное как Флавиев муниципальный закон, предусматривало, что при равенстве голосов на выборах победителем объявлялся кандидат, состоявший в браке и имевший детей.

Но к прянику прилагался и кнут: если человек не вступал в брак, ему грозил штраф. Это правило распространялось на женщин старше двадцати лет и мужчин старше двадцати пяти, причём верхняя возрастная граница составляла пятьдесят лет для женщин и шестьдесят для мужчин. Если брак заканчивался разводом, бывшим супругам предоставлялось шесть месяцев, чтобы вновь вступить в брак, после чего они подвергались наказанию за безбрачие. Овдовевшим отводился год.

Август также ввёл суровые наказания за супружескую неверность. Рим был патриархальным обществом, поэтому неудивительно, что женщины оказывались в гораздо более невыгодном положении. Мужчина считался прелюбодеем лишь в том случае, если вступал в связь со свободнорождённой замужней женщиной. Женщину же наказывали за сексуальные отношения с любым мужчиной, кроме собственного мужа.

Помимо поощрения браков, государство уделяло большое внимание тому, чтобы браки были «правильными». Закон устанавливал ограничения на выбор супругов в зависимости от их сословной принадлежности. Представители сенаторского сословия имели значительно меньше свободы в выборе законного супруга, чем люди, стоявшие ниже на общественной лестнице. Например, свободнорождённым гражданам незнатного происхождения разрешалось вступать в брак с бывшими рабами и рабынями, тогда как сенаторам это запрещалось. Положение людей, находившихся на самом дне социальной иерархии, было закреплено законодательно: представителям всех сословий запрещалось вступать в брак с актёрами, актрисами, сводниками и проститутками. Людей этих профессий называли infames – «опозоренными», и

на них распространялось множество других правовых и социальных ограничений, о которых мы подробнее поговорим в одной из следующих глав.

Стоит обратить внимание не только на то, что содержалось в законах Юлия и Поппея, но и на то, чего в них не было. Они не предусматривали никаких ограничений на развод и вообще никак не затрагивали однополые отношения. Римлян беспокоили совсем иные вопросы, нежели те, которые позднее станут волновать христианский мир.

Сто лет спустя появился ещё один ревнитель нравственности, во многом напоминавший Августа, – император Домициан. Правивший в 81–96 годах н. э., он ужесточил принятые Августом законы о прелюбодеянии, установив более суровые наказания для виновных. Домициан лично принял на себя обязанности цензора и показал себя достойным наследником Катона Старшего, исключив одного чиновника из сената за чрезмерное увлечение актёрской игрой и танцами.

Домициан занялся и другими вопросами нравственности. Он запретил кастрацию мальчиков и ограничил цены на евнухов, чтобы работорговцы не могли наживаться на подобной торговле. Строго запрещалась также проституция свободнорождённых мальчиков – обратите внимание, что на рабов и бывших рабов этот запрет не распространялся. Это вдохновило придворного поэта Марциала на строки, от которых современному читателю становится не по себе. В восторге поэт восклицал: «Прежде, Цезарь, тебя любили мальчики, юноши и старики; теперь тебя любят даже младенцы!»[10]

Во II веке н. э. в законодательство о прелюбодеянии и евнухах были внесены новые изменения, расширившие круг лиц, подлежащих преследованию за соответствующие правонарушения. В частности, ответственность за прелюбодеяние теперь распространялась не только на непосредственных участников внебрачной связи, но и на тех, кто каким-либо образом способствовал её осуществлению, например предоставлял свой дом для любовных свиданий.

Примечательно, что между 200 и 400 годами н. э. римские законы в целом стали гораздо суровее. За этот период число преступлений, каравшихся смертной казнью, увеличилось в четыре раза, причём среди них появились и нарушения нравственных норм.

Если при таких блюстителях нравственности I века, как Август и Домициан, осуждённому за прелюбодеяние грозили потеря общественного положения и, возможно, изгнание, то в последующие столетия за то же преступление можно было поплатиться жизнью.

В законах Августа однополые отношения вообще не упоминались, тогда как в более позднем законодательстве они стали предметом прямого осуждения. Юстиниан, правивший с 527 года н. э. уже как христианский император, говорил о постыдных вожделениях и противоестественных действиях. Виновным предоставлялась возможность раскаяться, но в случае отказа Юстиниан без

колебаний прибегал к тому, что в законах именовалось «крайними наказаниями».

Столь же суровые кары предусматривались за сексуальные отношения свободной женщины с рабом, мужскую проституцию, изготовление евнухов, изнасилование и даже присутствие при изнасиловании, не говоря уже о множестве других правонарушений. Аборт, вообще не фигурировавший в более ранних законах, регулирующих частную жизнь граждан, теперь также стал считаться преступлением. Как и во многих других областях римского права, наказание зависело от общественного положения виновной. Женщину низшего сословия могли отправить на рудники, тогда как представительница высших слоёв общества порой отделывалась лишь изгнанием.

Само существование столь многочисленных законов, регулировавших частную жизнь граждан на протяжении многих столетий, ясно показывает, насколько серьёзно римляне относились к вопросам нравственности. Эти законы позволяют нам понять, какое поведение считалось недопустимым. В следующей главе мы отвлечёмся от вечных сетований на то, до чего докатилась нынешняя молодёжь, и попытаемся выяснить, к какому именно идеалу стремились вернуться Плиний, Ювенал, Катон и другие римские моралисты. Какими качествами должен был обладать и как вести себя идеальный римлянин? А чего ждали от женщин, какому образцу должны были следовать они?

Глава 3

Идеалы: добродетельный мужчина

У римлян существовало особое слово, обозначавшее качества, которыми должен обладать настоящий мужчина, – virtus. Оно происходит от латинского vir, то есть «мужчина», и принадлежит к числу тех понятий, которые с трудом поддаются переводу. Хотя от него произошло слово «добродетель», римское virtus заключало в себе гораздо больше, чем мы сегодня вкладываем в это понятие.

Virtus представляла собой совокупность качеств, необходимых идеальному римскому мужчине, способному служить государству. Неудивительно, что для народа завоевателей важнейшей составляющей virtus была воинская доблесть. Но одного умения сражаться было мало: в бой следовало идти с мужеством, решимостью и напором. Той же деятельной отваги ждали от мужчины и в мирной, общественной жизни, наряду с такими качествами, как самообладание, стойкость и твёрдость характера. Но не менее важными считались и более мягкие добродетели – милосердие и благоразумие.

Представление о virtus, о постоянном стремлении стать лучше, пронизывает письма философа-стоика Сенеки, наставника императора Нерона. Стоики выделяли четыре главные добродетели: мудрость, справедливость, мужество и умеренность. Они полагали, что счастья можно достичь, лишь следуя этим добродетелям.

Сенека исписал множество страниц, объясняя своим адресатам, как совершенствоваться ради будущего счастья. Среди его советов – разумно выбирать друзей, жить просто, но не выставлять свою скромность напоказ, хорошо обращаться с рабами, не позволять мыслям о неизбежной смерти лишать себя душевного покоя и много читать. Читая эти письма с их неизменными призывами к умеренности, отказу от роскоши и нравственному совершенствованию, невольно задумываешься, как мало из этого усвоил его ученик Нерон.

Врач Гален предлагал вполне практический способ обрести virtus: найти человека, который будет повсюду сопровождать вас и указывать на каждую допущенную ошибку. Если мысль о том, что кто-то будет без конца критиковать каждый ваш шаг, кажется вам невыносимой, – вы совершенно правы. Как предупреждал Гален: «На первых порах это будет трудно и неизбежно причинит немало явных душевных страданий».[1]

История предоставляла римлянам множество примеров людей, воплощавших virtus и достойных подражания. Как правило, эти герои принадлежали к республиканской эпохе – тому периоду римской истории, когда Рим уже начал покорять соседние народы, но ещё не успел развратиться от

богатства и роскоши, которые принесли завоевания. Чему же мы можем научиться у этих великих и выдающихся мужей? Какие качества делали римлянина идеальным мужчиной?

Милосердный победитель: Эмилий Павел

«Славу ему принесли доблесть, справедливость и верность слову. В этих качествах он с самого начала превосходил своих современников». Так греческий биограф Плутарх отзывался о римском полководце Эмилии Павле, жившем с 229 по 160 год до н. э.

Жизнь Эмилия Павла даёт нам немало примеров того, как качества, составлявшие virtus, проявлялись на деле. Он одержал победу над армией противника, вчетверо превосходившей его собственные силы, а после сражения ясно дал понять, что намерен проявить снисхождение к побеждённым лигурам.[2] Как сообщают источники, лигуры поверили Павлу и передали ему свои корабли и поселения. Полководец сдержал слово и вернул им поселения, предложив вполне приемлемые условия капитуляции. Воинский успех, милосердие и верность слову – сразу три грани virtus в одном поступке.

То же милосердие проявилось в отношении Павла к македонскому царю Персею, ещё одному побеждённому противнику. После обязательного триумфального шествия, в котором Персея заставили участвовать, Павел сжалился над бывшим царём и распорядился перевести его в тюрьму, где тот мог бы провести остаток своих дней. Павла восхваляли за искреннее желание помочь побеждённому врагу. Правда, Персей потом умер от голода, так что забота и милосердие Павла явно имели пределы.

В частной жизни Павла особенно прославляли за стоическое мужество, с которым он перенёс смерть двух сыновей. Первый умер за несколько дней до триумфа в честь победы над Персеем. Когда же скончался второй сын, Павел, как сообщают, в тот же день явился на народное собрание и произнёс речь о превратностях судьбы, признав, что в тот самый момент, когда его государственное счастье достигло вершины, личное счастье оказалось разрушено.

Но, пожалуй, наиболее ярко virtus Эмилия Павла проявилась на его похоронах, когда погребальные носилки несли испанцы, лигуры и македоняне. Все они принадлежали к народам, которые Павел лично помог покорить и присоединить к Римской державе. И всё же, как рассказывают источники, они испытывали к нему благодарность: после завоевания их земель Павел продолжал посещать эти области и «заботился об их жителях так, словно они были членами его собственного дома или семьи».[3] Именно это и восхищало римлян: умение беспощадно сокрушить врага в бою, а потом обходиться с ним благородно и справедливо.

Для Плутарха Эмилий Павел был почти идеальным римлянином: он обладал всеми подобающими добродетелями и вёл себя безупречно – за одним

исключением. Плутарх никак не мог одобрить развод Павла с первой женой, тем более что она родила ему детей. Не обнаружив в источниках ни причин развода, ни каких-либо проступков со стороны супруги Павла, биограф заключил: «Незначительные, но постоянно повторяющиеся раздражения, мелкие неприятности и несовместимость характеров становятся причиной непоправимого отчуждения между супругами».[4] Вывод сделан без всяких доказательств, и невольно подозреваешь, что в нём больше супружеского опыта самого Плутарха, чем семейной жизни Эмилия Павла.

От плуга к власти: Цинциннат

Ещё одним римским героем ранней республиканской эпохи, воплотившим в себе virtus во всей полноте, был Луций Квинкций Цинциннат.[5] Он прославился тем, что дважды становился диктатором Рима и оба раза добровольно отказывался от власти, как только необходимость в его правлении отпадала. Юлию Цезарю было бы чему у него поучиться.

Слово «диктатор» сегодня имеет совершенно иной смысл, нежели в Древнем Риме. Тогда диктатором называли человека, которому сенат предоставлял чрезвычайные полномочия для управления государством в условиях кризиса, причём лишь на строго ограниченное время. К этому не раз прибегали во время войн и внутренних потрясений. Так было и с Цинциннатом.

Дальнейшее, боюсь, напоминает сценарий исторического фильма. В 458 году до н. э. соседи римлян, сабиняне, предприняли полномасштабное вторжение. Не сумев прорваться за городские стены, они выместили свою ярость на окрестных землях, уничтожая посевы. Навстречу врагу выступила римская армия, однако вскоре сама оказалась в осаде. Положение стало отчаянным. Спасти Рим мог только один человек. И вот на сцене появляется Цинциннат.

Но где же находился спаситель Рима? В тот момент он трудился на крохотном клочке земли – чуть больше гектара. История о том, как Цинциннат стал бедным земледельцем вдали от столицы, по-настоящему трагична. Его своенравного сына обвинили в многочисленных тяжких преступлениях, включая политическое насилие и убийство. Понимая, что обвинительного приговора не избежать, юноша среди ночи бежал из Рима. Однако государство требовало возмездия, а поскольку самого обвиняемого невозможно было предать суду, расплачиваться за грехи сына пришлось Цинциннату. Он потерял всё своё имущество и был вынужден поселиться на скромной ферме, где и жил простой крестьянской жизнью, пока Рим не столкнулся с величайшей опасностью.

Посланцы сената нашли Цинцинната за плугом, когда солнце уже клонилось к горизонту. Они сообщили ему, что сенат назначил его диктатором. После всего пережитого Цинциннат имел полное право послать их куда подальше. Но, разумеется, не послал – иначе какой же это пример римской virtus? «Он велел жене Рацилии сбегать в хижину и принести его тогу. Когда тогу

принесли, он вытер с рук и лица грязный пот и облачился в неё».[6] Вот это мужчина!

Цинциннат отправился с посланцами в Рим, принял полномочия диктатора и выступил на выручку осаждённой римской армии. Врага он разгромил с поразительной быстротой. Всего через пятнадцать дней после получения диктаторской власти Цинциннат добровольно сложил полномочия и вернулся к своему плугу. Можно запускать финальные титры.

Вторая часть истории Цинцинната разворачивается девятнадцать лет спустя, когда Рим столкнулся с новой угрозой – на этот раз внутри собственных стен. Некто Спурий Мелий завоёвывал популярность среди народа, раздавая зерно беднякам. Его влияние стремительно росло, но и этого ему было мало: он мечтал стать царём.

По Риму распространились слухи, что Мелий собирает оружие и сторонников для полномасштабного восстания против государства. И снова спасти Рим мог лишь один человек – и он снова стоял за плугом. Хотя, может быть, и нет: ведь в 439 году до н. э. Цинциннату исполнилось уже восемьдесят лет, о чём он не преминул напомнить сенату. Но здесь, в сцене, которая в фильме наверняка сопровождалась бы вдохновляющей музыкой, сенаторы заглушили его возражения и объявили, что в сердце Цинцинната больше мудрости и мужества, чем у всех них вместе взятых.

На этот раз никакого грандиозного сражения не последовало. Вместо него – напряжённая сцена вызова Мелия, которая открывается великолепной фразой, опять-таки у Тита Ливия: «Диктатор требует твоего присутствия». Излишне говорить, что Мелия казнили. Его дом разрушили, а место, на котором он стоял, оставили пустым – как вечное напоминание о провалившемся заговоре. Завершив оставшиеся дела, Цинциннат вновь сложил диктаторские полномочия, пробыв у власти всего двадцать один день, и решительно зашагал обратно к своему плугу.

Вам может показаться, что главное в этой истории – или, скорее, легенде – в том, что человека, униженного и разорённого государством, позвали на помощь в час опасности и те самые люди, что сломали ему жизнь, вернули ему доброе имя и чествовали как спасителя. Но нет. Римские авторы вновь и вновь возвращаются совсем к другому эпизоду: Цинциннат оставляет плуг, принимает бремя государственной власти, а затем добровольно отказывается от неё. Вот поступок, воплощающий самую сущность римского характера, высочайшее проявление virtus: человек, который отказался от власти.

Но и плуг в этой истории имеет немаловажное значение. Римляне питали удивительную слабость к земледелию. Считалось, что в мифическом золотом веке каждый достойный римлянин изнурял себя честным физическим трудом. Помните Катона Старшего, работавшего в поле вместе со своими рабами? Так вот, он написал целый трактат о сельском хозяйстве, в котором, словно вторя

истории Цинцинната, утверждал: «Именно из земледельцев выходят самые храбрые мужи и самые крепкие воины».

Простой (но богатый) земледелец

Луций Юний Модерат Колумелла был автором труда о сельском хозяйстве, подобного сочинению Катона Старшего. Он также совершенно определённо связывал занятия земледелием с былым величием Рима. «Но, клянусь небом, истинное потомство Ромула, привычное к постоянной охоте и не менее усердное в полевых трудах, отличалось исключительной физической силой. Закалённые мирным трудом, эти люди легко переносили тяготы войны, когда того требовали обстоятельства, и всегда ставили сельских жителей выше городских».[7]

Как и авторы, с которыми мы познакомились во второй главе, Колумелла немало рассуждает о том, как развращает римлян городская жизнь. Правда, читатели его многотомного труда вряд ли сами ходили за плугом. Колумелла посвящает немало страниц выбору идеального места для загородной виллы, включая обстоятельные рекомендации о расположении летних спален и ванных комнат. Само употребление множественного числа здесь весьма показательно.

Предполагается также, что земледельцы Колумеллы владеют многочисленными рабами, которые и выполняют всю работу. Разделы, посвящённые управлению рабами, содержат такие ценные советы, как следующий: «Я заметил, что благодаря дружелюбному отношению хозяина их бесконечный труд становился легче; порой я даже шутил с ними и позволял им шутить со мной более свободно».[8]

Наш «добрый» рабовладелец рекомендует другим следовать его примеру: освобождать от работы рабынь, родивших много детей, и регулярно проверять, надёжно ли закованы рабы в кандалах.

Книга Колумеллы исключительно подробно рассматривает все стороны сельского хозяйства: какими качествами должен обладать хороший надсмотрщик за рабами, где лучше построить хлев, как определить качество почвы и каким образом правильнее запрягать волов. Земледелец Колумеллы совсем не похож на Цинцинната, но это образованный человек, потративший немало времени на изучение своего дела, – времени, которое иначе ушло бы на сомнительные городские развлечения.

Быть римским мужчиной означало обладать физической силой, быть трудолюбивым, честным и заслуживающим доверия. Проявлять доброту, но при необходимости уметь быть суровым. Принимать на себя бремя ответственности перед государством, но не стремиться жадно к власти. Обладать образованностью и знаниями. Всё это требовало непрерывных усилий – и хорошо, ведь праздность таила свои опасности. Некоторая доля досуга допускалась, но чрезмерное безделье могло оказать разрушительное воздействие на virtus. Особенно велик был этот риск в период, наступавший сразу после достижения юношей совершеннолетия.

В детстве римские мальчики носили на шее особый амулет, называвшийся буллой (bulla). В зависимости от общественного положения и достатка семьи булла могла представлять собой простой кожаный мешочек или искусно украшенный золотой медальон. Она служила оберегом: внутри, независимо от того, была ли оболочка кожаной или золотой, находились амулеты, призванные защищать ребёнка от злых духов и несчастий.

Булла также служила видимым знаком детского возраста и означала, что любые сексуальные посягательства на её обладателя недопустимы. Свободнорождённые мальчики обладали тем, что римляне называли pudicitia, – целомудрием и нравственной неприкосновенностью. Нарушение этой неприкосновенности могло повлечь судебное преследование.

Примерно в пятнадцать лет римские мальчики достигали совершеннолетия и становились мужчинами. В знатных семьях это событие отмечалось особой церемонией. Утром юноша снимал защитную буллу и детскую тогу, известную как toga praetexta, и облачался в белую тунику и мужскую тогу – toga virilis. Затем совершалось жертвоприношение домашним богам – ларам, после чего юноша в сопровождении семьи направлялся на Форум.

От Форума процессия поднималась на Капитолийский холм к Табуларию – государственному архиву Рима, где имя юноши вносилось в список граждан. Затем следовало посещение храма Юпитера, где он приносил в дар волосы своей первой бороды. Впрочем, мало кто делал это с таким размахом, как Нерон, поместивший сбритую бороду в золотую шкатулку, усыпанную бесценным жемчугом. Что было дальше, источники рассказывают скупо, но, вероятно, семья возвращалась домой и устраивала небольшой праздник.

Надеть toga virilis было важнейшим, исполненным смысла событием в жизни юноши. С этого дня он официально признавался римским мужчиной. И что же делал этот новоиспечённый римлянин? По большей части – почти ничего. От представителей высших, сенаторских семей ожидали, что они посвятят себя государственной карьере, последовательно поднимаясь по лестнице должностей, известной как cursus honorum, вплоть до высшей – консульской. Однако претендовать на первую ступень этой лестницы можно было лишь по достижении двадцати пяти лет. В результате в Риме оказалось множество молодых людей от пятнадцати до двадцати пяти лет, располагавших слишком большими деньгами и слишком большим количеством свободного времени.

Поэт Гораций рассказывает о том, как безбородый юноша, освободившись от надзора наставника, мог находить удовольствие в лошадях, собаках и солнечных ваннах на Марсовом поле. К другим развлечениям римской молодёжи относились борьба, охота, посещение бань, театров и амфитеатров, а также азартные игры. В римской семье глава рода – paterfamilias – распоряжался

всеми семейными средствами, включая деньги взрослых сыновей. С одной стороны, это означало, что даже совершеннолетние мужчины оставались материально зависимыми от отцов. С другой – именно глава семейства нёс полную ответственность за все долги родственников. Надо думать, скучающих молодых игроков это только раззадоривало.

Всё это похоже на приятную беззаботную передышку перед десятилетиями упорного труда. Но римляне видели в этой поре время величайших опасностей. Как замечал Гораций о своём безбородом юноше: «Он мягок, словно воск, и легко поддаётся соблазнам порока».[9]

Едва расставшись с детской тогой и сбрив первую бороду, римский юноша считался уязвимым перед всевозможными дурными влияниями. Всё, что происходило в этот период его жизни, могло навсегда запятнать его репутацию. Во всяком случае, грехи молодости непременно припомнили бы ему, стоило выставить свою кандидатуру на выборах или оказаться в суде.

Цицерон, непревзойдённый мастер извлекать на свет давно забытые грязные истории и с размаху бросать их в лицо противнику, давал родителям такой совет: «Предоставим молодости некоторую свободу; позволим юношам немного сбиваться с пути; не станем запрещать им всякое удовольствие; пусть идеальная и строгая жизнь порой допускает отступления; пусть разум иногда уступает место страсти и желанию. Лишь бы при этом не переходились определённые границы».[10] Под границами, которые нельзя переступать, Цицерон подразумевал связь с чужой женой, накопление долгов, насилие, участие в интригах и преступления.

У римской молодёжи было одно весьма своеобразное развлечение, вполне подпадавшее под упомянутые Цицероном категории насилия и преступления: они переодевались в простую одежду, отправлялись в местные таверны и избивали посетителей. Как ни странно, подобными забавами не гнушались даже императоры. Рассказывали, что Нерон любил нападать на мужчин, возвращавшихся с ужина, избивать их и сбрасывать в сточные канавы. Друг Нерона, впоследствии ставший императором Отон, предпочитал издеваться над пьяницами: он заворачивал их в одеяло и бросал в реку. Об императоре Коммоде говорили, что своими ночными походами по тавернам и борделям он едва ли не пропил всё богатство империи.

По утверждению Цицерона, Марк Антоний, едва надев мужскую тогу, немедленно занялся проституцией. Достойное начало для римского юноши, не правда ли? Антоний, впрочем, ответил на обвинение, но направил его не против Цицерона, а против Октавиана, утверждая, что тот продал себя за три тысячи золотых монет. При желании это можно было бы счесть даже комплиментом: сумма-то огромная! Антоний также заявлял, будто Юлий Цезарь усыновил Октавиана и сделал его наследником исключительно потому, что тот оказывал Цезарю сексуальные услуги в пассивной роли. Изящнейший образец античной

показной добродетели: смотрите, я не стал наследником Цезаря лишь потому, что, в отличие от некоторых, не опустился до таких мерзостей.

Из этих историй следовало, что римский юноша мог не только сам погрязнуть в пороках, но и быть развращён другими. Впрочем, по части развращения молодёжи Цезарь был жалким любителем рядом с Луцием Сергием Катилиной. Потерпев поражение на консульских выборах в 64 году до н. э., Катилина решил вместо этого свергнуть Римскую республику и захватить всю власть в собственные руки.

Готовясь осуществить свой замысел, Катилина собирал войско, в которое входило множество молодых людей. Цицерон воспользовался этим обстоятельством в серии сокрушительных речей против будущего мятежника. Катилина предстал в них величайшим развратителем юношества: «Эти мальчики, столь изящные и утончённые, научились не только любить и быть любимыми, не только петь и танцевать, но также размахивать кинжалами и готовить яды».[11]

По мнению Цицерона, пагубное влияние Катилины увело молодых людей далеко за пределы обычных пирушек и развлечений с проститутками, азартных игр, долгов и разорения. Теперь они предались совершенно новому преступному занятию – заговору против государства. Вот это уже было подлинное злодеяние. Юность и в самом деле представлялась опаснейшим возрастом.

Благополучно миновав ловушки и соблазны молодости, взрослый римлянин должен был затем всю оставшуюся жизнь бороться с собственными слабостями, развивать самообладание и приобретать все качества, составлявшие virtus. Этой теме посвящено бесчисленное множество сочинений – от Цицерона до Галена и Сенеки, не говоря уже о философах самых разных направлений. Человеку приходилось постоянно искать верное равновесие: жить просто, но не проявлять скупости к гостям; быть милосердным, но не казаться слабым; доблестно сражаться, но не переходить грань жестокости. Должно быть, утомительное занятие.

Но какое место во всём этом занимал секс? Мы уже видели, насколько важно было в юности избегать неосмотрительных связей со взрослыми мужчинами. А что происходило потом? Какими сексуальными отношениями мог позволить себе заниматься добродетельный римлянин?

Прежде всего – умеренными, без чрезмерных излишеств. Во-вторых, с подходящими партнёрами. Об этом свидетельствует реплика из пьесы Плавта: «Люби кого пожелаешь, только держись подальше от замужних женщин, вдов, девственниц, юношей и свободнорождённых мальчиков».[12] Почему именно от них? Потому что они находились под защитой законов о stuprum. Примечательно, что рабы и проститутки в этот перечень не входили.

Но в бесчисленных свитках, посвящённых virtus, сексу уделено на удивление мало места. Да, порой авторы предупреждают об опасностях чрезмерной похоти, но такие представления, как необходимость ограничивать

сексуальные отношения исключительно браком или полное воздержание, были римлянам чужды. Если, конечно, речь не шла о женщине. В отличие от мужчин, она должна была соответствовать идеалу, самым непосредственным образом связанному с тем, как она распоряжалась собственным телом. Именно об этом мы и поговорим в следующей главе.

Глава 4

Идеалы: целомудренная женщина

Жизнь в строгих рамках

В предыдущей главе мы рассмотрели, каким должен был быть идеальный римский мужчина. Теперь обратимся к женщинам. Как и во многие другие исторические эпохи, женщины в Древнем Риме обладали значительно меньшими правами, чем мужчины. Их участие в общественной жизни было строго ограничено: они не могли занимать государственные должности, участвовать в выборах или служить в армии.

В частной жизни женщины оставались под властью мужчины-опекуна. В детстве эту роль исполнял paterfamilias – глава семейства. Его власть над домочадцами была огромной и распространялась на всех членов семьи – мужчин, женщин и рабов. Он распоряжался их имуществом, даже когда они достигали совершеннолетия, и имел право подвергать их телесным наказаниям за поведение, которое считал недопустимым. Рассказывают, например, что отец будущего императора Отона регулярно порол сына за разгульный образ жизни и расточительность. Правда, на поведении Отона это, похоже, никак не сказалось.

Власть paterfamilias была столь велика, что распространялась даже на жизнь и смерть домочадцев. По закону он мог лишить жизни членов собственной семьи: например, застав женщину из своего дома за супружеской изменой, он имел право убить обоих участников прелюбодеяния.[1] Впрочем, нам известно очень немного случаев, когда главы семейств действительно убивали своих близких, а сохранившиеся рассказы относятся к глубокой древности, ещё ко временам Ромула. Так, некий Эгнаций Метенн, как утверждают, забил жену до смерти за то, что она пила вино, однако был оправдан по обвинению в убийстве. Плиний Старший рассказывает о другой женщине, имя которой не сохранилось: родственники уморили её голодом за то, что она украла ключи от винного погреба. Правда, сколько-нибудь надёжных подтверждений этой истории нет.

Где paterfamilias действительно распоряжался жизнью и смертью, так это при рождении ребёнка. Именно он решал, следует ли оставить новорождённого и воспитывать его или бросить на произвол судьбы. Обычай оставлять младенцев восходит к самым истокам римской истории: достаточно вспомнить близнецов Ромула и Рема, которых бросили на берегу реки умирать. Этот мотив постоянно встречается в мифологии, где оставленный ребёнок обычно чудесным образом спасается, а позднее воссоединяется с родными. Если, конечно, речь не об Эдипе, чья встреча с настоящими родителями обернулась куда менее счастливо.[2]

В мифах рядом с брошенным младенцем всегда кстати оказывается пастух, который находит ребёнка и растит как родного, пока не начнутся главные события. В жизни, тем более на улицах Рима, вряд ли бродило столько бездетных пастухов, мечтающих о прибавлении в семействе.

Не все оставленные младенцы погибали. Некоторые, вероятно, попадали в рабство, других, возможно, подбирали семьи, желавшие обзавестись ребёнком. У Ювенала есть строки, позволяющие предположить, что подобное действительно случалось: «Подложные дети, подкидыши, подобранные возле грязной цистерны и выданные за отпрысков благородного рода».[3] Но если смотреть на вещи трезво, многие из этих младенцев, должно быть, попросту умирали от голода.

Причин отказаться от новорождённого было множество. Самая очевидная – ограничить число детей в семье, когда противозачаточные средства были ненадёжны. Несомненно, бросали и больных младенцев. Греческий врач Соран составил целый перечень признаков, по которым можно судить, стоит ли растить новорождённого. Он советовал повитухам прежде всего обращать внимание на то, достаточно ли громко и энергично плачет ребёнок. Затем надлежало проверить, правильно ли двигаются его суставы, нормально ли сформированы все части тела и нет ли каких-либо препятствий в естественных отверстиях. Особое значение придавалось здоровью матери, тому, как протекала беременность, а также тому, чтобы ребёнок родился не ранее девятого месяца. Свою главу Соран завершал безжалостным заключением: «При наличии признаков, противоположных перечисленным, младенца следует признать недостойным воспитания».[4]

Среди оставленных детей девочек было больше, чем мальчиков. Как и во многих других частях света даже сегодня, дочерей считали более тяжёлым бременем для семьи: они не могли заниматься теми же доходными видами деятельности, что и сыновья, а при замужестве им требовалось приданое. Толкователь сновидений Артемидор прекрасно выразил это отношение: «Вырастив сыновей, родители не несут дальнейших расходов, тогда как дочерям необходимо приданое».[5] Показательно, что приснившаяся дочь сулила убытки и долги, а приснившийся сын – удачу в делах.

Письмо из Египта, датируемое I веком до н. э., с пугающей откровенностью показывает этот образ мыслей. Находившийся вдали от дома муж по имени Иларион писал своей беременной жене Алиде: «Если родишь прежде моего возвращения и будет мальчик – оставь его жить; если девочка – выбрось».[6]

Брак был ещё одной областью, в которой paterfamilias обладал практически неограниченной властью. Минимальный брачный возраст для девушек составлял двенадцать лет, и большинство женщин впервые выходили замуж между двенадцатью и пятнадцатью годами. Выбирать супруга им почти не приходилось: решение принимал глава семьи, который при желании мог также расторгнуть заключённый брак.[7]

Браки и помолвки, особенно в эпоху Поздней республики, нередко заключались по политическим соображениям. Политика того времени была бурной, и помолвки с браками оказывались столь же непрочными.

Хороший пример – Октавиан, чьи бесконечные помолвки менялись вслед за политической обстановкой после убийства своего двоюродного деда и приёмного отца Юлия Цезаря. Сначала Октавиан был помолвлен с Сервилией, дочерью весьма влиятельного бывшего консула Публия Сервилия Ватии Исаврика. Однако вскоре ему понадобился союз с Марком Антонием, самым могущественным человеком в тогдашнем Риме. Ради этого Октавиан разорвал прежнюю помолвку и обручился с Клавдией, падчерицей Антония.

Но и этот союз вскоре потерял привлекательность: мать Клавдии, Фульвия, развязала войну против Октавиана. Тот немедленно расторг помолвку и обручился со Скрибонией. Она оказалась родственницей Секста Помпея, беспокойного морского предводителя, которого римляне считали пиратом и который доставлял Октавиану немало неприятностей. На этот раз помолвка действительно завершилась свадьбой. Но брак оказался крайне несчастливым, и Октавиан с радостью развёлся со Скрибонией в тот самый день, когда она родила ему дочь Юлию.

Сегодня подобная поспешность может показаться нам жестокой, но у Октавиана имелась веская причина поскорее избавиться от Скрибонии: он хотел жениться на Ливии Друзилле. На первый взгляд этот брак не сулил особых политических выгод, тем более что Ливия уже была замужем и к тому же беременна, что вызвало немалый скандал. Её родня не только не годилась в полезные союзники, но и поддерживала убийц Цезаря. Однако род Ливии – Клавдии – на протяжении столетий принадлежал к самым влиятельным семействам Рима и играл важнейшую роль в его истории. Октавиан же мог похвастаться родством с Юлием Цезарем лишь по материнской линии, которая считалась менее престижной, тогда как по отцовской линии у него почти не было выдающихся предков. Его отец стал первым представителем семьи, получившим место в сенате. Как насмешливо заметил Антоний, Октавиан был «внуком канатного мастера».

Так что на вид странный брак с Ливией вполне мог быть плодом не столько любви, сколько тонкого расчёта одного из самых искусных политиков в истории. К тому же этот союз оказался удивительно долговечным – он продлился более пятидесяти лет – и прекрасно соответствовал позднейшему образу Октавиана, ставшего Августом, хранителем традиционных римских нравов и поборником брака.

Подобные политические расчёты лежали и в основе брака Юлии, дочери Юлия Цезаря, с Помпеем. Юлия была моложе своего супруга на тридцать лет, однако её замужество связало семейными узами двух самых могущественных

людей Рима. Считалось, что именно её преждевременная смерть при родах привела к разрушению отношений между ними и в конечном счёте к гражданской войне.

Женщины были удобным орудием политики, и ценились они по семейным связям, а в решении собственной судьбы голоса не имели. Врач I века н. э. Соран весьма точно выразил господствовавшее представление: «Женщин обычно берут в жёны ради рождения детей и продолжения рода, а не ради одного лишь удовольствия».[8]

Если мужчины после смерти paterfamilias могли освободиться от его власти, то женщины оставались под опекой всю жизнь. После смерти отца им назначали нового опекуна. Он контролировал имущественные дела женщины и должен был присутствовать при покупке или продаже земли, принятии наследства, составлении завещания и совершении других важных сделок.

Такая система открывала опекунам широкий простор для злоупотреблений и даже откровенного воровства. Поэтому существовали законы, призванные защищать женщин от опекунов с недобрыми намерениями. Один из них гласил: «Мужчина, вступивший в брак со своей подопечной вопреки постановлению сената, не считается состоящим в законном браке».[9]

Насколько тяготила женщин эта зависимость, видно по одной из наград, введённых законами Августа: роди троих детей – и освободишься от мужской опеки.

Какими должны быть женщины: примеры для жизни и смерти

Наряду с правовыми ограничениями существовали весьма определённые представления о том, какой должна быть женщина и какими качествами ей надлежит обладать. Хорошо представить себе римский идеал «доброй женщины» помогают надгробные надписи, которые, разумеется, говорят только о достоинствах покойной. Вот один из примеров: «Та, что ушла из жизни прежде меня, была моей единственной супругой, целомудренной телом и любящей душой. Она оставалась верна верному мужу, всегда сохраняла надежду и даже в горестные времена не уклонялась от своего долга».[10] Или другая надпись: «При жизни меня звали Аврелия Филематио. Я была целомудренна, скромна, чужда порочным нравам толпы и верна своему мужу».

Обратите внимание на слово «целомудренна». Женское целомудрие имело для римских мужчин и самого римского государства особое значение, что прекрасно видно из историй о героинях республиканской эпохи. Одной из них была Лукреция, утрата целомудрия которой стала поводом для свержения монархии, правившей Римом со времён его основания Ромулом.

Жертва во имя добродетели: Лукреция

В VI веке до н. э. Римом правили цари. Седьмым из них был Тарквиний, носивший весьма подходящее прозвище Гордый. Он и вправду был

высокомерен. Жестокого деспота подданные не любили, но лишь история Лукреции превратила недовольство в открытое восстание.

Однажды ночью, изрядно выпив, царский сын Секст заспорил с друзьями о том, чья жена достойнее. Его собутыльник Коллатин не уставал восхвалять свою супругу Лукрецию, утверждая, что ни одна женщина не может сравниться с ней ни красотой, ни добродетелью. Разрешить спор можно было лишь одним способом: приятели вскочили на коней и среди ночи поскакали проверить, так ли безупречна Лукреция.

Они застали её спокойно прядущей шерсть при свете светильника. Она и вправду была прекрасна. В этот миг Секст воспылал преступной страстью к жене друга – и задумал запятнать её безупречную добродетель. Несколько дней спустя, когда Коллатина не было дома, Секст вернулся, проник в спальню Лукреции и, приставив меч к её горлу, изнасиловал её.

После ухода Секста Лукреция послала за мужем. Тот прибыл вместе со своим другом Луцием Юнием Брутом. Со слезами на глазах Лукреция рассказала о случившемся. Она заставила обоих мужчин поклясться, что Секст понесёт наказание. Когда они принялись утешать её, Лукреция ответила: «Но я не освобождаю себя от наказания. Пусть впредь ни одна женщина, утратившая целомудрие, не сможет оправдать свою жизнь примером Лукреции».[11]

С этими словами она достала спрятанный в одежде нож и вонзила его себе в грудь. После этого Брут произнёс вдохновенную речь о свободе, независимости и зле царской власти. Речь и правда впечатляет – советую при случае прочитать. Но нас сейчас занимает не Брут, а Лукреция. Её, как и Брута Освободителя (так его прозвали за свержение царей), прославляли как образец для подражания – хотя в её случае скорее образец того, как следует умирать, чем того, как жить. Как она сама заявила, её судьба не должна стать оправданием для женщин, которые после утраты целомудрия продолжают жить как прежде, даже если их целомудрие было отнято силой.

Не менее любопытно, как Тит Ливий объясняет, почему Лукреция в конце концов покорилась Сексту. Дело было вовсе не в угрозе смерти: она готова была умереть, лишь бы не покориться насильнику. Секст пригрозил убить собственного раба и положить его тело рядом с её трупом, чтобы все решили, будто Лукреция совершила прелюбодеяние с человеком самого низкого общественного положения.

Героиней Лукрецию делает верность чести и своему положению вкупе с нежеланием жить после малейшего урона супружескому целомудрию. Это женский аналог неуловимой virtus – только неразрывно связанный с сексуальным поведением.

Честь дороже жизни: Вергиния

В «Истории Рима» Тита Ливия встречается ещё один рассказ, во многом напоминающий историю Лукреции. Его события разворачиваются в V веке до н.

э., то есть в эпоху, которую римляне также относили ко временам, предшествовавшим нравственному разложению под влиянием чужеземных обычаев, богатства и роскоши.

Вергиния была дочерью уважаемого плебейского семейства и незадолго до описываемых событий обручилась с прославленным воинским трибуном. Юная красавица приглянулась некоему Аппию Клавдию, и тот принялся обольщать её испытанными средствами – подарками и посулами. Но добродетельная Вергиния устояла и отвергла его ухаживания.

Дальше начинается судебная драма, достойная воскресного детективного сериала. Зная, что отец Вергинии находится в действующей армии, Аппий уговорил своего приятеля заявить, будто девушка – его рабыня, родившаяся в его доме, откуда её похитили и передали в семью Вергиния. Вергинию и её служанок перехватил на Форуме приближённый децемвира[12] и препроводил в суд, где приятель Аппия изложил судье свою нелепую историю. Судья постановил вызвать отца девушки для рассмотрения обвинений, но до его прибытия Вергиния должна была находиться у человека, утверждавшего, что она принадлежит ему как рабыня.

Жениху Вергинии такое решение, понятно, не понравилось. Он произнёс пламенную речь, смысл которой сводился к тому, что, если с невестой что-нибудь случится, Аппию не поздоровится. И вновь примечательно, какое значение придаётся целомудрию и чести. «Я собираюсь жениться на этой девушке и намерен получить целомудренную супругу»,[13] – заявляет жених. Да, он готов защищать её до возвращения отца, но прежде всего его заботит собственная честь: «Я скорее отдам жизнь, защищая её свободу, чем пожертвую своей честью».[14]

Страсти между противоборствующими сторонами накалялись. Почувствовав, что дело грозит перерасти в народные волнения, Аппий Клавдий уступил и разрешил передать Вергинию под опеку родственников до возвращения отца. На следующий день Вергиний прибыл в Рим, и все вновь отправились в суд, где стороны изложили свои доводы. К всеобщему потрясению, судья постановил, что Вергиния действительно является рабыней, как и утверждал Аппий, а вовсе не дочерью Вергиния.

Ошеломлённый Вергиний взмолился о разрешении поговорить с дочерью. Судья согласился, и отец отвёл девушку, теперь официально объявленную рабыней, в тихое место. Там он выхватил нож мясника и вонзил его ей в грудь. Как он объяснил свой поступок? Поскольку Вергиния больше не могла сохранить целомудрие, отец предпочёл её смерть грозившему ей бесчестью. Как и в истории Лукреции, смерть здесь оказывается предпочтительнее позора, связанного с утратой женского целомудрия. И в обоих случаях судьба одной женщины меняет судьбу государства. Смерть Лукреции привела к свержению монархии, а убийство Вергинии – к упразднению власти децемвиров, после того как Вергиний повёл своих воинов на Рим и потребовал справедливости.

Ещё одна история, где женское целомудрие тесно связано с судьбой государства и которая почти укладывается в римский золотой век, – история Клавдии Квинты.

Во время Второй Пунической войны[15] Рим переживал тяжёлые времена. Особенно страшным ударом стало сражение при Каннах, когда римская армия была практически полностью уничтожена войсками Ганнибала.[16]

Вслед за бедствиями повсюду пошли дурные знамения, а страну охватил голод. Боги явно гневались. Римляне обратились к Сивиллиным прорицаниям,[17] согласно которым положение государства можно было исправить, если включить в сонм римских богов богиню Кибелу. Её также называли Magna Mater – «Великая Мать». Культ Кибелы процветал на Востоке и происходил из Фригии, расположенной на территории современной Турции. Уже сама готовность римлян принять чужеземную богиню в свой пантеон показывает, насколько отчаянным было их положение.

Новую богиню встретили в Остии представитель римского государства и группа почтенных римских матрон, среди которых находилась Клавдия Квинта. Женщинам предстояло отбуксировать священное изображение богини в Рим. Клавдия была целомудренной женщиной, однако о ней ходили злые сплетни: утверждали, будто её целомудрие – лишь притворство. Поводом служили её наряды, причёска и какая-то неуловимая манера держаться, казавшаяся окружающим неподобающей.

Во время путешествия по Тибру судно со святыней в какой-то момент застряло в иле. Тогда Клавдия Квинта выступила вперёд, опустилась на колени, распустила свою якобы непристойную причёску и обратилась к богине с молитвой: «Благая и плодоносная Матерь богов, прими мольбу просительницы при одном условии. Меня обвиняют в утрате целомудрия: если ты осудишь меня, пусть я буду признана виновной и заплачу за это жизнью. Но если я невиновна, яви знак моей невиновности своим деянием: уступи моим целомудренным рукам, если я действительно чиста».[18] Затем Клавдия взяла буксирный канат и потянула. И случилось чудо: судно с богиней тотчас освободилось из ила и поплыло за Клавдией до самого нового святилища в Риме.

У этой истории те же черты, что и у рассказов о Лукреции и Вергинии: если выяснится, что Клавдия нецеломудренна, она должна будет поплатиться жизнью. Однако здесь связь между сексуальным поведением женщины, государством и государственной религией проявляется ещё отчётливее. Целомудрие Клавдии угодно богине, и потому та откликается на её просьбу.

Благополучие государства зависело от благосклонности богов. Если боги были недовольны, их следовало умилостивить или выяснить причину их гнева. Иногда ответственность за божественное недовольство прямо возлагали на женщин. И нигде это не проявлялось столь явно, как в истории весталок.

Поддерживать священный огонь: девы-весталки

Весталки были жрицами, на которых возлагалась обязанность поддерживать неугасимый священный огонь богини Весты. Срок их служения составлял тридцать лет, и на протяжении этого времени они пользовались правами, недоступными большинству римских женщин. Например, им предоставлялись почётные места в первых рядах на общественных зрелищах,[19] а также освобождение от мужской опеки. Вступая в должность, весталки приносили обет целомудрия. Значение, придававшееся этому обету, было столь велико, что за его нарушение предусматривалось особенно страшное наказание – погребение заживо.

Хотя римское право изобиловало жестокими наказаниями, далеко не всегда удаётся найти свидетельства того, что они действительно применялись. Например, Законы двенадцати таблиц, восходящие к ранней республиканской эпохе, предусматривали возможность буквально разрубить должника на части и разделить их между кредиторами. Однако нам неизвестен ни один достоверный случай подобной расправы. Полиции не было, и наказания должны были устрашать сами по себе – отсюда их крайняя жестокость. Но в отношении весталок мы точно знаем, что некоторых из них действительно предавали смерти, замуровывая живыми.

Впрочем, слово «казнь» тут не вполне уместно: скорее это было своего рода испытание, напоминавшее то, через которое прошла Клавдия Квинта. Предполагалось, что целомудренную весталку непременно спасёт богиня, тогда как нарушившая обет погибнет в своём подземном заточении. Римская история сохранила рассказ по крайней мере об одной весталке, сумевшей опровергнуть предъявленное ей обвинение благодаря божественному вмешательству. Её звали Тукция.

Подобно Клавдии Квинте, Тукция обратилась к богине с молитвой, прося засвидетельствовать её целомудрие. Доказательством невиновности должно было стать невозможное на первый взгляд действие: ей предстояло зачерпнуть воду из Тибра решетом и донести её до храма Весты, не пролив ни капли. И – о чудо! – Тукция пронесла полное решето через весь Форум, не пролив ни капли. Сама богиня Веста засвидетельствовала невиновность своей жрицы.

Но в ту же эпоху весталок обвиняли и в другой раз – и уже без счастливого конца. Дело происходило во время самого тяжёлого периода Второй Пунической войны, когда в Рим привезли Кибелу. Город был охвачен страхом перед многочисленными зловещими знамениями. Среди них Тит Ливий упоминает нарушение обета целомудрия двумя весталками – Опимией и Флоронией. Опимию погребли заживо, а Флорония покончила с собой. Это и другие бедствия сочли столь грозными, что Квинта Фабия Пиктора отправили в Дельфы к знаменитому оракулу, чтобы узнать, какие молитвы и жертвоприношения необходимы для возвращения Риму божественной благосклонности.

Отсюда, как и из рассказа о Тукции, видно: когда самому существованию Рима грозила опасность, под подозрение попадало целомудрие весталок – считалось, что именно их проступки могли разгневать богов-покровителей города.

Весталки могли пасть и жертвой императора, желавшего показать свою приверженность строгим нравам. Именно так Плиний Младший оценивал событие, свидетелем которого он стал во время правления Домициана: «Император решил, что Корнелия, старшая из дев-весталок, должна быть погребена заживо, поскольку вообразил, будто подобные образцовые проявления суровости придадут блеск его царствованию».[20]

Подобно Тукции и Клавдии Квинте, Корнелия взывала к богам, прося подтвердить её невиновность. Она утверждала, что никак не могла совершить преступление, в котором её обвиняли, ведь само благополучие императорского правления служило доказательством её чистоты. В этом был свой резон. В конце I века н. э. Рим находился в состоянии мира, стабильности и процветания. Это был уже совсем не тот город, которому в прежние столетия угрожала смертельная опасность.

Плиний не берётся с уверенностью утверждать, была ли Корнелия невиновна или действительно нарушила обет. Но, по его наблюдениям, она до самого конца держалась как невинная – особенно в последние мгновения. Когда Корнелию опускали в подземное заточение, её одежда за что-то зацепилась. Палач попытался помочь освободить ткань, но жрица взглянула на него с ужасом и отшатнулась, не желая допустить даже случайного прикосновения мужчины.

Вполне возможно, Корнелия стала невинной жертвой политики. Та же опасность грозила и мужчинам, оказавшимся по другую сторону обвинения. В источниках встречается несколько случаев, когда высокопоставленных римлян обвиняли в нарушении целомудрия весталки. Среди них был и Марк Лициний Красс, богатейший человек Рима в позднереспубликанскую эпоху. Мужчину, признанного виновным в любовной связи с весталкой, ожидала публичная порка. То есть его жестоко, до крови засекали розгами насмерть. Именно такую казнь устроили на Форуме предполагаемым любовникам Корнелии. Но даже если дело не доходило до суда и обвинительного приговора, само подозрение в интимной связи с весталкой бросало тень на нравственные качества мужчины. И здесь вновь видна римская убеждённость в том, что частная жизнь показывает, годится ли человек для общественной. Если утрата целомудрия весталкой ставила под угрозу сами основы общества, то обвинённый мужчина демонстрировал безрассудное пренебрежение святостью богов, готовность поставить собственное удовольствие выше интересов государства. Как можно доверить такому человеку государственную должность, если ради мимолётного сексуального наслаждения он с такой лёгкостью готов пренебречь богами?

Прекрасный пример – император Гелиогабал, перечень непотребств которого кажется почти неправдоподобным. Едва читателю покажется, что ниже

падать некуда, как выясняется, что император нарушил целомудрие весталки и даже женился на ней. Это сексуальное преступление неразрывно связывается с преступлением против государства: Гелиогабал разграбил храм Весты, похитив его святыни. Как сурово замечает «История Августов», «удалив священные предметы, он осквернил священные обряды римского народа».[21]

Помимо целомудрия римляне ожидали от женщин и других добродетелей, в частности самоотверженности. Плиний Младший рассказывает странную и тревожную историю о женщине, муж которой мучился от язв, по словам Плиния, на срамных местах. Умолив супруга показать ей поражённые места – а состояние их было весьма тяжёлым, – женщина решила, что вскоре останется вдовой. Однако вместо того, чтобы сидеть у постели умирающего мужа и утешать его в последние мгновения жизни, она стала убеждать его покончить с собой. По-видимому, одних слов оказалось недостаточно, потому что «она сама повела его навстречу смерти и заставила последовать своему примеру: привязала себя к нему верёвкой и бросилась вместе с ним в озеро».[22] Это больше похоже не на эвтаназию, а на самое настоящее убийство – но Плиний в полном восхищении.

Приводит он и пример Аррии, прославившейся, похоже, попытками самоубийства с удивительно меткими прощальными репликами. Первым её «славным деянием» было то, что она вонзила себе в грудь кинжал, а затем протянула окровавленное оружие мужу со словами: «Это не больно, Пет».[23] Согласитесь, реплика великолепная.

Позднее муж Аррии, Пет, оказался замешан в восстании. Супругов доставили к императору Клавдию, и положение их было мрачным. Но Аррия решила сделать его ещё мрачнее. Не дожидаясь приговора – который, предположительно, мог оказаться не столь суровым, учитывая её принадлежность к сенаторскому сословию,[24] – она вскочила со стула и со всего размаху ударилась головой о противоположную стену. Голову она разбила изрядно, но, к счастью, не настолько, чтобы не произнести очередную эффектную фразу: «Я ведь говорила тебе, что найду мучительный способ умереть, если ты не позволишь мне выбрать лёгкий».

Если оставить в стороне последние поступки Аррии, связанные с угрозой казни, в обоих рассказах Плиния обнаруживается общий мотив. И Аррия, и безымянная жительница берегов озера Комо, которая, по мнению Плиния, заслуживала гораздо большей известности, предпочли смерть жизни без мужа или сына. Это вполне согласуется с мужским римским взглядом на женщину как на приложение к мужчине: без него ей остаётся разве что умереть, ведь сама по себе она как будто ничего не значит.

Менее крайний, но не менее показательный пример того, насколько ценность женщины определялась потребностями мужчин, можно найти в чрезвычайно трогательной надписи I века до н. э. Известная как Laudatio Turiae, «Похвальное слово Турии», она представляет собой надгробную речь мужа,

посвящённую супруге. В ней он рассказывает об их совместной жизни и обо всех случаях, когда жена приходила ему на помощь.

Действие происходит во времена гражданских войн, раздиравших Рим после убийства Юлия Цезаря. Поэтому и подвиги Турии – подвиги жены в очень тяжёлые времена. Например, нам сообщают, что за день до свадьбы родители Турии были убиты. Однако она, как подобало преданной дочери, добилась наказания виновных. Речь явно шла не о том, чтобы заявить магистрату и спокойно ждать правосудия: после приговора Турии пришлось немедленно покинуть собственный дом ради «сохранения своей скромности и чести». Это уже звучит тревожно.

Ещё более тревожно то, что позднее Турии пришлось самой отбиваться от шайки мужчин, намеревавшихся разграбить их дом.[25] Не говоря уже о том случае, когда она пыталась спасти мужа, пав ниц перед Марком Лепидом, тогдашним соратником Октавиана по власти. Как пишет её супруг, Турию оттащили прочь «словно рабыню». Нетрудно представить, как грубо с ней обошлись: она была вся в синяках. Словом, на протяжении супружеской жизни Турия не только давала мужу советы и поддерживала его, но порой буквально защищала его собственным телом.

У Турии и её мужа не было детей, и здесь её безграничная преданность супругу проявилась вновь: она сама предложила выход из положения, вызванного её бесплодием. «Ты прямо предложила развод и пожелала уступить наш дом другой женщине, способной родить детей».

Преданность Турии была столь велика, что она готова была отказаться от положения законной супруги и жить в подчинении у новой жены своего мужа. К чести безымянного мужа, это предложение привело его в ужас. Брак не был расторгнут, и, судя по всему, Турия с мужем прожили вместе долгую и счастливую жизнь.

Сестра Августа Октавия проявила сходную преданность долгу вопреки собственным интересам после смерти своего бывшего мужа Антония и его супруги Клеопатры. Пока брат расправлялся – попросту говоря, убивал – с Цезарионом, сыном Клеопатры от Юлия Цезаря, Октавия решила взять на воспитание остальных детей Антония и Клеопатры. Этот поступок возвёл её в ранг образцовой добродетельной женщины.

Все эти истории показывают, что римляне особенно восхищались женщинами, проявлявшими безграничную преданность семье. Если идеальный римский мужчина должен был исполнять свой долг перед обществом – подобно Цинциннату, оставившему плуг ради служения государству, – то идеальная римская женщина была занята исполнением обязанностей в частном мире дома и семьи.

Мы увидели, каким образом законы и культурные представления формировали мужской идеал женского поведения. Но действительно ли женщины вели себя именно так?

Лукреции, как и Цинциннаты у мужчин, были идеалом, достижимым для немногих. Римские писатели-мужчины обращались к образам женщин прошлого, которые, возможно, вообще никогда не существовали, и использовали их как оружие против своих современниц.

Найти достоверные сведения о повседневной жизни реальных женщин гораздо сложнее, чем о мужчинах. О них не писали удобных для историков жизнеописаний с перечнем заслуг,[26] а в исторических сочинениях женщины редко появлялись, если только не совершали чего-нибудь совершенно ужасного. Поэтому нам приходится восстанавливать отдельные фрагменты их жизни по другим источникам – надписям, посвящениям и памятным текстам.

Один из самых показательных источников – список прислуги Ливии, жены Августа. Он не только рассказывает о том, сколь разнообразны были обязанности рабов в императорском доме, но и начисто опровергает одну из любимых баек самого Августа. Как мы уже знаем, император стремился восстановить традиционные ценности и привычные женские роли. Нам сообщают, что «дома он носил простую одежду, изготовленную его сестрой, женой, дочерью или внучками».[27]

Август стремился создать образ скромной жизни в духе Катона Старшего: сопротивление соблазнам роскоши, ведение хозяйства по старинным обычаям. Ранее в этой главе мы видели, как прядение шерсти служило одним из доказательств добродетельности Лукреции. Подразумевалось, что женщина, занятая дома пряжей, вряд ли станет искать приключений в опасном большом городе.

Но список прислуги Ливии не оставляет от этой пропаганды камня на камне. Среди многочисленных служителей её дома числились человек, взвешивавший шерсть, сапожник, мастер по починке одежды, раб, отвечавший за одеяния для святилища, другой – за пурпурные одежды, третий – за церемониальные наряды, специальный гардеробщик, слуга, заведовавший всей остальной одеждой, и даже отдельный работник, обязанностью которого было складывать вещи. Скромной жизнью здесь и не пахло.

Сатирик Ювенал посвятил свою шестую сатиру подробному перечислению всего, что ему не нравилось в женщинах его эпохи – конца I века н. э. А не нравилось ему очень многое – это настоящий поток негодования. Читая, невольно представляешь, как Ювенал наливается краской от ярости. Но сквозь эту малоприятную женоненавистническую тираду проступают римлянки, прежде всего знатные, ничуть не похожие на благородных героинь, предпочитавших смерть малейшему ущербу своему целомудрию.

Женщины времён Ювенала были образованны и начитанны. Особенно бесят сатирика женщины, которые на званых ужинах цитируют неизвестных ему поэтов и со знанием дела рассуждают о Вергилии и Гомере. Его раздражают

женщины, следящие за политическими событиями и обсуждающие последние новости из Армении, Фракии или Парфии. Он не может вынести того, что женщины нередко сами затевают судебные процессы, живо интересуются их ходом и даже дают советы собственным адвокатам.

Женщины, описанные Ювеналом, посещают театры, цирки и амфитеатры, бывают на званых ужинах и празднествах, ходят за покупками и проводят время в термах. А ещё, если верить Ювеналу, бесконечно заводят любовные связи. Нет, это вовсе не Лукреции, ждущие мужей дома за прялкой.

В других источниках мы встречаем женщин, владевших предприятиями и самостоятельно управлявших ими. Благодаря одной погребальной урне нам известно о Селлии Эпире, которая руководила процветавшим производством одежды с золотым шитьём. Её мастерская выпускала дорогие изделия и располагалась на престижной Священной дороге – Via Sacra, ведущей к Форуму.

Женщина-предприниматель: Евмахия

Помпеи оказались настоящей сокровищницей сведений о деятельности женщин в I веке н. э. Женские имена встречаются на клеймах кирпичей и водопроводных труб, свидетельствуя, что женщины владели соответствующими производствами. Одной из таких предпринимательниц была Евмахия.

Она приобрела огромное состояние благодаря семейному делу по производству кирпича и, подобно состоятельным мужчинам своей эпохи, направила часть средств на общественное строительство. На Форуме сохранилось громадное здание, носящее её имя, а надпись сообщает, что оно было возведено на её деньги. В дальней части здания находилась даже статуя Евмахии, установленная и оплаченная корпорацией сукновалов, покровительницей которой она являлась. Кроме того, Евмахия исполняла обязанности жрицы. Голосовать и избираться она не могла, но это не мешало ей деятельно участвовать в жизни города.

О других формах участия женщин в политической жизни Помпей свидетельствуют предвыборные надписи, покрывавшие городские стены. В Помпеях найдено более двух тысяч подобных объявлений, и в некоторых из них упоминаются отдельные женщины или целые группы женщин, поддерживавшие того или иного кандидата.

Но общественная роль женщин не исчерпывалась покровительством и щедрыми пожертвованиями. Некоторые женщины исполняли публичные обязанности и обладали влиянием даже на самых высоких уровнях власти.

Распорядительница гардероба евнуха: Кальвия Криспинилла

Кальвия Криспинилла – из тех женщин, о которых античные авторы отзывались с презрением. На идеальную знатную римлянку, о которой шла речь выше, она уж точно не походила. При дворе Нерона Кальвия занимала должность распорядительницы гардероба и отвечала за наряды любимого

евнуха императора – Спора. Историк Тацит, связывая её имя с излишествами последних лет неронова правления, называл Кальвию «наставницей Нерона в пороках».[28]

После того как Нерон был вынужден покончить с собой, многие влиятельные представители его двора стали объектами преследований и мести. Кальвия избежала расправы, уехав в Африку. Там она сблизилась с наместником Клодием Макром, который вдруг предпринял весьма решительный шаг. Он перекрыл путь зерновым судам, шедшим из Египта в Рим и снабжавшим столицу продовольствием. Тацит совершенно определённо утверждает, что этот мятеж – а иначе происходившее назвать трудно – был организован исключительно по инициативе Кальвии.

По-видимому, целью блокады было заставить римские власти вступить в переговоры с Макром. Чего он добивался? Денег? Или, возможно, сам мечтал стать императором? Во всяком случае, он стал чеканить монету со своим профилем в лавровом венке, что весьма многозначительно. Впрочем, конечные намерения Макра так и остались неизвестными: каким бы ни был его замысел, он провалился, а сам Макр был казнён по приказу преемника Нерона – Гальбы.

Кальвия же, несмотря на то что именно она подстрекала к восстанию против Гальбы и принадлежала к ближайшему окружению Нерона,[29] избежала не только казни, но и вообще какого-либо наказания. Спас её на редкость выгодный брак. Имя её нового супруга нам неизвестно. Тацит лишь упоминает, что это был высокопоставленный государственный деятель, но не называет его. Возможно, потому, что в годы жизни самого историка этот человек ещё оставался жив и влиятелен.

Кальвия Криспинилла пережила многих советников Нерона, которым подобное не удалось. Более того, как сообщают источники, она сохранила прежнее влияние и при последующих императорах. Тацит с любопытной откровенностью объяснял это тем, что Кальвия была богатой женщиной, не имевшей наследников, и добавлял: «И в благополучные, и в тяжёлые времена подобные качества сохраняют свою силу».[30]

Глядя на ограничения, которым подвергались римлянки, можно решить, что в общественной жизни им вообще не было места. Но вот Кальвия Криспинилла – представительница сенаторского сословия, служившая при императоре, подстрекавшая к политическому перевороту, сумевшая избежать всех последствий и сохранившая влияние в своём кругу. Более того, благодаря клеймам на амфорах, поднятых с затонувшего корабля, мы знаем, что она участвовала в производстве оливкового масла, вероятно владея обширными земельными угодьями.

Итак, мы убедились, что римские женщины владели предприятиями, получали образование, разбирались в литературе и текущих событиях, а некоторые даже занимали определённые общественные должности. Всё это плохо согласуется с идеалом, который мы рассмотрели в начале главы. Да и

образ Лукреции, предпочитающей смерть малейшему урону целомудрию, плохо выдерживает столкновение с реальностью.

Ювенал, помимо жалоб на женщин, оказавшихся умнее его, приводит длиннейший перечень сексуальных проступков своих современниц. Разумеется, Ювенал писал сатиры, поэтому следует помнить, что его истории намеренно преувеличены ради комического эффекта. Но чтобы сатира была смешной, в её основе должна лежать хотя бы узнаваемая крупица правды. Сделав эту оговорку, вернёмся в девяностые годы I века н. э. и посмотрим, чем же занимались современницы Ювенала.

«Во времена царствования Сатурна, полагаю, Целомудрие ещё обитало на земле, и некоторое время его можно было увидеть среди людей»,[31] – заявляет Ювенал, и тут же принимается безжалостно громить нравы своей эпохи. Женщины, посещавшие игры и театры, по его мнению, приходили туда вовсе не ради искусства или развлечения. Нет, все они изнывали от желания при виде актёров и полуобнажённых гладиаторов. Уроки музыки означали общение с учителем – и возможность поиграть совсем на другом инструменте. Посещение общественных бань открывало перспективу получить «приятное завершение» благодаря искусным рукам массажиста. Свекрови и тёщи предавались удовольствиям со своими рабами, а вдовы пользовались услугами охотников за наследством, вившихся вокруг них целыми стаями. Словом, развратом занимались все!

Всё это – язвительная сатира и риторическая бравада. Но чтобы рассказы о женщинах, вожделеющих к актёрам и заводящих интрижки с рабами, вызывали смех, они должны были казаться читателям хотя бы отчасти правдоподобными. Отсюда можно заключить, что у римских женщин имелись и средства, и желание, и возможности для любовных приключений – если они сами того хотели. Во всяком случае, целыми днями сидеть взаперти за прялкой, как хотелось бы римским мужчинам, они явно не собирались.

Глава 5

Ни мужчина, ни женщина

Мы уже видели, что римляне вполне определённо представляли себе, каким должен быть мужчина и какой – женщина. Но были люди, не вписывавшиеся ни в одну из этих категорий. «Существуют люди, обладающие признаками обоих полов. Мы называем их гермафродитами. Прежде их считали предзнаменованием, теперь же они служат развлечением».[1]

«Служат развлечением» – подход чисто римский. Римляне обожали всё диковинное, особенно в человеческом облике. Плиний рассказывает об аравийце Габбаре ростом около трёх метров, которого при Клавдии возили по империи на потеху публике. Император Домициан постоянно держал при себе мальчика с непропорционально большой головой, который, как утверждали, давал ему советы по важнейшим государственным вопросам. Устраивали даже гладиаторские поединки слепых и калек. К тем же диковинкам относили и гермафродитов.

Гермафродиты

Первый Гермафродит появляется в греческой мифологии. Он родился мальчиком и был сыном Гермеса и Афродиты. Поскольку ребёнок удивительно походил на обоих родителей, его имя составили из их имён – Гермафродит.

Жизнь Гермафродита изменилась, когда водяная нимфа Салмакида с первого взгляда воспылала к нему страстью. Она увлекла юношу в свой водоём, где их тела слились воедино, образовав существо, одновременно обладавшее мужскими и женскими признаками. Гермафродит стал героем множества произведений искусства, из которых самое известное, пожалуй, – «Спящий Гермафродит». Если вам доводилось бывать в крупных художественных музеях, вы наверняка видели хотя бы одну копию этой скульптуры. Её варианты хранятся в парижском Лувре, римской галерее Боргезе, петербургском Эрмитаже, нью-йоркском Метрополитен-музее и других собраниях (см. иллюстрацию 7).

Скульптура изображает Гермафродита, лежащего на боку. С одной стороны зрителю открываются округлые ягодицы и плавные очертания женской груди. Но стоит обойти статую с другой стороны, как картина совершенно меняется: на ложе обнаруживаются мужские половые органы Гермафродита. Неожиданное открытие вызывает улыбку и смех, разом переворачивая первое впечатление.

Само число позднейших копий говорит о том, что этот фокус не надоедает. Вероятно, в Древнем Риме скульптура производила сходный комический

эффект, а хозяин дома с удовольствием наблюдал за реакцией гостей, когда те обнаруживали тайну его статуи.

Перемена пола

Гермафродит был не единственным, кто сменил пол, с которым появился на свет. У Плиния Старшего есть целая глава под названием «Превращения пола». Он начинает её словами: «То, что женщины превращались в мужчин, – не выдумка»,[2] после чего приводит несколько примеров подобных превращений. Так, Плиний рассказывает о девочке из Казина, города в Центральной Италии, которая превратилась в мальчика буквально «на глазах у родителей». Сведения об этом удивительном происшествии он обнаружил в исторических записях и даже называет точную дату превращения – 171 год до н. э.

Источником рассказа об Аресконте для Плиния послужил Лициний Муциан. Некогда этот человек был женщиной по имени Аресскуса. Она даже успела выйти замуж, однако после свадьбы постепенно приобрела мужские признаки, включая весьма внушительную бороду. Супруг, надо думать, был не в восторге: когда Муциан познакомился с Аресконтом-Аресскусой, тот уже был женат на женщине. Плиний не видел оснований сомневаться в рассказе Муциана, и у нас, пожалуй, тоже нет причин отвергать его свидетельство.

Муциан был богатым и уважаемым политиком, которому незачем было зарабатывать сомнительными байками. В 69 году н. э. ему хватило здравомыслия понять, что императором ему не быть, и вместо этого помог взойти на престол чрезвычайно практичному Веспасиану. Пока Веспасиан добирался с Востока до Рима, чтобы облачиться в императорский пурпур, Муциан успешно управлял столицей в его отсутствие. Так что, если Муциан говорил, что встретил мужчину, рассказавшего, будто прежде был женщиной, такая встреча, скорее всего, и правда была. Другое дело – насколько достоверен был рассказ самого Аресскусы-Аресконта.

Однако даже эти истории о перемене пола, подтверждённые свидетельствами очевидцев, меркнут перед следующим сообщением: «В Африке я сам видел человека, который стал мужчиной в день своей свадьбы».[3] Да, Плиний собственными глазами наблюдал превращение женщины в мужчину, причём в столь драматический момент, как день бракосочетания. Казалось бы, вот оно – подробный рассказ очевидца! Ничуть не бывало: непростительным образом это всё, что Плиний счёл нужным сообщить. Заметьте: пчёлам и мёду он посвятил не менее восемнадцати глав. А свадьбе, на которой невеста превратилась в мужчину, – одну-единственную строчку.

С медицинской и биологической точки зрения все эти истории, разумеется, невозможны: женщина не может самопроизвольно превратиться в мужчину. Но дело не в этом. Важно, что римляне в такие превращения верили, а это многое говорит об их взгляде на различия полов. Видимо, эти различия казались им не

столь однозначными и незыблемыми, как можно подумать, глядя на строго разграниченные мужские и женские роли из двух предыдущих глав.

Евнухи

Гермафродит обрёл признаки обоих полов, слившись с нимфой; другим приписывали самопроизвольную перемену пола. Но была и ещё одна группа, которую римляне помещали между полами, – евнухи.

В античном мире, по-видимому, применялись два способа кастрации. Первый заключался в хирургическом разрезе мошонки и удалении яичек. При втором будущего евнуха помещали в ванну с горячей водой и сдавливали яички до их разрушения. Последний способ был применим только к детям, у которых половые органы ещё не завершили развитие.[4] Евнухов, подвергнутых такому вмешательству, иногда называли thlibias – от слова «сдавливать», или thladias – «раздавливать».

Упоминания о евнухах встречаются в самых разных областях римской жизни, в том числе при императорском дворе. Античные авторы сурово осуждали императора Клавдия за возвышение евнуха Посида, которого, по-видимому, особо отличили во время триумфа Клавдия в честь завоевания Британии. Ювенал насмехался над его домом, будто бы превосходившим роскошью сам императорский дворец.

Другой евнух, Галот, служил дегустатором пищи Клавдия. Со своей обязанностью он, мягко говоря, не справился: Клавдий умер от яда. А может, Галот служил совсем другому хозяину? Во всяком случае, при преемнике Клавдия, Нероне, он не только сохранил положение, но и весьма преуспел.

Судя по всему, число евнухов при императорском дворе постепенно росло, поскольку во времена Александра Севера, правившего в 222–235 годах н. э., предпринимались специальные меры для ограничения их количества. «Если Гелиогабал был рабом своих евнухов, то Александр сократил их число и отстранил от всех дворцовых обязанностей, оставив им лишь надзор за женскими банями. Если Гелиогабал назначал многих из них управлять финансами и занимать должности прокураторов, то Александр лишил их даже тех постов, которые они занимали прежде».[5]

Но рост влияния евнухов при дворе эти меры, очевидно, не остановили. К IV веку, во времена Констанция II, сына Константина Великого, они достигли весьма значительного могущества. Особенно выделялся великий камергер Евсевий, которого Аммиан Марцеллин с замечательной выразительностью характеризовал как человека, «весьма склонного к злонамеренным поступкам».[6] В IV и V веках встречаются и другие евнухи, имевшие не меньшую власть над императорами, которым они будто бы служили.

Вершины могущества евнухи достигли в византийскую эпоху, начиная с VI века, когда в руках великого камергера сосредоточилась огромная власть. Этот пост занимали исключительно евнухи, а по рангу он соответствовал должности

префекта претория, отвечавшего за императорскую охрану. Уже одно это показывает, насколько влиятельными могли быть такие придворные.

Мы встречаем евнухов, подобных Феофилу, возглавлявших военные походы; евнуха Баана, замещавшего императора, пока тот находился в действующей армии; евнуха Аманция, сыгравшего важную роль в определении преемника престола. История этого периода полна рассказов о коварных и вероломных евнухах, строивших интриги и предававших друг друга на самых высоких уровнях власти. Они стали неотъемлемой частью императорского двора.

Почему евнухов так охотно ставили на высокие придворные должности? Быть императором опасно: велик шанс погибнуть от руки убийцы, и жизненно важно окружить себя людьми, которым можно доверять. Считалось, что евнухи, не имеющие собственной семьи, должны проявлять особую преданность правителю и императорскому дому. Их преданность будто бы укрепляли неприязнь и отвращение окружающих, отгораживавшие их от общества. Такова была теория. Но история придворных евнухов её, похоже, начисто опровергает: они оказывались столь же честолюбивыми и корыстными, как любые другие римские мужчины.

Но, помимо высоких постов вроде должности великого камергера, евнухов ждало и другое: сохранённая кастрацией юная внешность делала их предметом сексуального интереса. То, что евнухов использовали для секса, ясно видно из закона II века, запрещавшего кастрацию мужчин ради развратных удовольствий. Ещё более наглядный пример даёт префект претория Сеян, назвавший своего невероятно дорогого евнуха Пезоном – именем, которое можно перевести как «мальчик для забав». Откровеннее и не скажешь. И всё же существует история, перед которой даже этот случай меркнет: история любимого евнуха Нерона – Спора.

Евнух, которому предстояло стать императрицей: Спор

Историю Спора часто приводят как самое яркое свидетельство безумного разврата Нерона. В 65 году н. э., во время ссоры из-за того, что император слишком долго задержался на состязаниях колесниц, Нерон ударил свою жену Поппею Сабину ногой в живот. К несчастью, Поппея была на позднем сроке беременности, и удар, нанесённый в приступе гнева, привёл к её смерти.

Нерон был потрясён гибелью Поппеи. Он устроил ей великолепные государственные похороны, во время которых сожгли больше благовоний, чем вся Аравия производила за целый год. Тело покойной забальзамировали ароматическими веществами, а сам император произнёс надгробную речь, прославляя многочисленные достоинства умершей супруги.

Горе Нерона было столь велико, что, услышав о женщине, удивительно похожей на Поппею, он приказал немедленно привести её к себе. Но сходства,

видимо, оказалось мало: она скоро наскучила императору, и он нашёл нового двойника покойной жены – на сей раз мальчика.

Рассказывают, что Нерон приказал кастрировать мальчика и во всём обращался с ним как с Поппеей. Он наряжал своего двойника в роскошные одежды императрицы и возил в носилках по улицам Рима. Нерон называл Спора «Сабиной» или «императрицей». Эта необычная императрица сопровождала его во время путешествия по Греции. В Дельфах они даже совершили свадебный обряд со всеми положенными атрибутами – приданым и фатой невесты. Роль человека, выдававшего «невесту» замуж, исполнял префект претория Тигеллин. Греки, польщённые тем, что именно на их земле состоялась императорская свадьба, устроили молодожёнам великолепное празднество.

Разумеется, к тому времени Нерон уже состоял в браке со своей третьей женой, Статилией Мессалиной, которая, вполне возможно, тоже сопровождала супруга в греческом путешествии. Что она думала о публичной свадьбе мужа с любимым евнухом, история, к сожалению, умалчивает.

Что же, собственно, вытворял Нерон? Неужели он настолько обезумел от горя и чувства вины за смерть Поппеи, что действительно поверил, будто Спор и есть его покойная жена? В конце концов всё путешествие по Греции представляло собой одну нескончаемую фантазию, в которой император завоевал полторы тысячи наград на общегреческих состязаниях. В их числе была и победа в гонках колесниц на Олимпийских играх, хотя Нерон разбил колесницу и даже не сумел завершить заезд. Может, свадьба со Спором и новая «жена» были ещё одной иллюзией, которую поддерживала дворцовая челядь?

Возможно, ключ к разгадке скрывается в самом имени Спора, которое можно перевести как «семя» или, в более грубом значении, «сперма». Какая жестокая ирония – дать подобное имя евнуху, лишённому возможности производить семя! Так не было ли всё это чудовищной шуткой? Неужели оскопить мальчика, нарядить покойной женой и возить напоказ по городу казалось Нерону забавой?

Во всей этой истории есть нечто глубоко театральное и очень нероновское: переодевания, преувеличенно страстные поцелуи на публике, свадебная церемония. К тому же это была далеко не первая его «неофициальная» свадьба. Ранее Нерон уже вступал в подобный брак со своим вольноотпущенником Пифагором. Правда, тогда император выступал не женихом, а невестой. Светоний добавляет особенно выразительную подробность: в брачную ночь Нерон изображал крики девушки, лишаемой девственности.

Это заставляет взглянуть на свадьбу со Спором под другим углом. Может быть, это лишь театр, своего рода эротическое представление? Ответа мы уже не узнаем. Но одно можно сказать наверняка: Спор был важен для Нерона. Он оказался одним из трёх человек, которых император взял с собой во время своего последнего бегства из Рима. Евнух-супруга находился рядом с Нероном, когда тот вонзил в себя кинжал. Перед этим император умолял Спора помочь ему

покончить с собой, первым показав, как это следует сделать. Спор жертвовать собой не стал, и Нерон ушёл из жизни один.

После смерти Нерона судьба Спора сделала ещё более странный поворот, окончательно запутывающий эту историю. Он вновь появляется в источниках рядом с Нимфидием Сабином, префектом претория, который убедил гвардейцев покинуть императора. Рассказывают, что Сабин послал за Спором, когда тело Нерона ещё горело на погребальном костре.

Ранее мы предположили, что Нерон, обезумев от горя, мог искренне верить, будто Спор – это Поппея. Но если так, то заблуждение оказалось заразительным. Нимфидий Сабин тоже называл Спора Сабиной и, как сообщают, обращался с ним как со своей супругой – императрицей. Неужели Сабин мог разделять ту же иллюзию, что и Нерон?

Поведение Сабина и правда заставляет усомниться в его здравом уме. Пока новый император Гальба находился в провинциях, Сабин управлял Римом от его имени. Постепенно он проникся манией величия и стал вести себя так, словно сам был императором. Когда Гальба, прослышав о его выходках, сделал ему выговор, префект нашёл поразительный выход: решил провозгласить императором себя. Своё притязание он обосновывал тем, что якобы являлся сыном Калигулы и потому имел больше прав на престол, чем Гальба.

Так мог рассуждать человек отчаявшийся или потерявший рассудок – а может, и то и другое. Даже если его заявление соответствовало действительности (что не совсем невероятно, поскольку мать Сабина, Нимфидия, была дворцовой проституткой и состояла в близких отношениях с Калигулой), он всё равно был незаконнорождённым. Кроме того, происхождение от прежнего императора само по себе не давало права на власть: сыновья вовсе не наследовали императорский титул автоматически. Впервые в истории Рима власть перешла непосредственно от отца к сыну лишь в 79 году н. э., когда Тит наследовал Веспасиану. Следующий подобный случай произошёл только в 180 году, когда Коммод стал преемником Марка Аврелия.

Подчинённые Сабина видели безрассудство его затеи, даже если сам он её не видел, и пресекли переворот способом, не раз испытанным в Риме на зарвавшихся политиках: попросту изрубили его на куски.

Но что же стало со Спором? Он снова появляется на исторической сцене в роли императрицы – теперь уже при Отоне. Отон оказался куда более ловким заговорщиком, чем Сабин: в январе 69 года н. э. он сверг Гальбу за один чрезвычайно кровавый день. И вновь, подобно Нерону и Сабину, Отон называл Спора Сабиной. Здесь ситуация приобретает ещё более странный оттенок, ведь сам Отон прежде был женат на настоящей Поппее Сабине.

Брак Отона с Поппеей распался после того, как Нерон увлёкся ею и потребовал, чтобы друг развёлся с женой. По другой версии, Отон женился на Поппее лишь для того, чтобы придать видимость благопристойности её продолжающейся связи с императором, однако неожиданно сам влюбился в

супругу. В обеих версиях Отон отказывается развестись и оказывается в ссылке – правда, ссылкой это можно назвать лишь условно: его назначили наместником Лузитании – территории современной Португалии. Одни видели в этом способ избавиться от ревнивого мужа, другие – награду Нерона за уступленную жену. Высказывались даже предположения, что первоначально все трое состояли в любовной связи, пока чувства Отона не нарушили установившегося равновесия.

Когда Отон становится императором, ситуация делается не менее запутанной. Он не только поддерживает отношения со Спором, называя его именем своей умершей жены, но одновременно ухаживает за вдовой Нерона Статилией Мессалиной и собирается на ней жениться. Однако после всего трёх месяцев правления войска Отона потерпели поражение от армии Вителлия, и император покончил с собой.

Новый император Вителлий тоже приказал привести к себе Спора, но его намерения были куда мрачнее. Ему не нужна была ни императрица, ни любовница, ни даже блистательная придворная диковинка. Будучи большим любителем зрелищ, Вителлий задумал заставить Спора сыграть главную роль в театрализованном представлении похищения и изнасилования Прозерпины. Но Спор наотрез отказался и предпочёл покончить с собой, лишь бы не терпеть позора публичного представления.

История Спора, как видим, исключительна. До IV века, когда евнухи становятся заметной политической силой, ни одному другому евнуху историки не уделяли столько внимания. Трудно понять, кем же в действительности был Спор и какую роль он играл. Неужели он представлял собой всего лишь жестоко истязаемую игрушку безумного императора – мальчика, которого чудовищно изувечили и заставили изображать женщину?

Его присутствие рядом с Нероном в последние минуты жизни императора заставляет предположить, что он значил для того больше, чем простая шутка. То, что Сабин продолжил обращаться со Спором так же, как Нерон, наводит на мысль, что Спор так убедительно играл императрицу и так сжился с ролью, что его вполне могли принимать за настоящую супругу правителя. А тот факт, что Отон, прекрасно знавший подлинную Поппею, тоже приблизил к себе Спора, позволяет предположить, что сходство евнуха с покойной императрицей было поразительным. Наконец, решение Спора покончить с собой, но не подчиниться требованию Вителлия, ясно показывает, что он не считал себя простым слугой, обязанным исполнять любые приказы и играть навязанные роли. Он ставил себя выше.

В истории Спора слишком много «если» и «возможно». Но в одном, думаю, можно не сомневаться: женщиной он, должно быть, выглядел необыкновенно привлекательной и убедительной.

Примерно через двадцать лет после трагической гибели Спора император Домициан, автор множества законов о нравственности, особо привязался к евнуху по имени Эарин.

В отличие от Спора, Эарин почти не фигурирует в исторических сочинениях, зато ему посвящены приторно-восторженные стихи придворных поэтов Стация и Марциала. Стаций называет Эарина «сияющей звездой несравненной красоты». Марциал утверждает, что среди всех придворных именно Эарин «дороже всех сердцу императора».

Оба поэта сочинили стихи по случаю достижения Эарином совершеннолетия, отмеченного обрезанием его волос. Стихотворение Стация начинается словами: «Ступайте, локоны, спешите по благосклонным морям», – и дальше становится лишь слащавее. Впрочем, нельзя не восхититься тем, как виртуозно Стаций увязал стихи о любимце двора с недавним императорским законом против кастрации.

> Родись ты позже – и, окрепнув телом,
> Ты знал бы тень на щеках и зрелость членов;
> И радовался б, посылая Аполлону
> Не только пряди, но и срезанную бороду.[8]

И Марциал, и Стаций сравнивают Эарина и Домициана с мифологической парой – Ганимедом и Юпитером.

Ганимед был прекрасным юношей, которого Юпитер похитил, приняв облик орла, и сделал своим виночерпием на небесах. Отношения Юпитера и Ганимеда изображались как сексуальные. На это намекает, в частности, строка из «Энеиды», где говорится об «улыбке Юпитера, обращённой к похищенному орлом Ганимеду».[9] Возникает естественный вопрос: не были ли отношения Домициана и Эарина столь же интимными?

Внешность Эарина, несомненно, воспевали самыми цветистыми словами. Но отсюда вовсе не следует, что между ним и императором существовала сексуальная связь. Домициан был особенно предан Юпитеру, которому приписывал своё спасение во время гражданской войны 69 года. Сравнения Домициана с Юпитером встречаются в придворной поэзии того времени буквально повсюду. Поэтому уподобление Эарина Ганимеду могло быть лишь продолжением этой привычной поэтической традиции.

К тому же придворные поэты, похоже, считали хорошим тоном изображать всех слуг Домициана прекрасными и блистательными – этому посвящено немало стихов. Отчасти потому, что достоинства придворных отражали величие императора, сумевшего подобрать таких слуг. Но была и более практическая причина: поэты зависели от влиятельных императорских вольноотпущенников, способных обеспечить их произведениям доступ к августейшему читателю.[10]

Из стихотворения Стация и законодательства самого Домициана, направленного против кастрации, можно предположить, что его отношение к Эарину основывалось скорее на сочувствии к положению евнуха. Правда, Светоний утверждал, будто Домициан принял эти законы исключительно назло своему брату Титу, известному особой любовью к евнухам. Довольно странная месть, если учесть, что Тит к тому времени давно умер.

Ещё одним свидетельством того, что отношения Домициана и Эарина, вероятно, не имели сексуального характера, служит то, что их никогда не пускали в ход, чтобы очернить императора, – а уж Домициан был крайне непопулярен и давал врагам массу поводов. Впрочем, следует помнить: какими бы ни были эти «отношения», равноправными они быть не могли. Император получал всё, чего желал, а у избранного им человека не было возможности отказаться.

Но евнухами интересовались не только мужчины – подозревали, что и женщины к ним неравнодушны. Ювенал был убеждён, что жеманная походка евнуха лишь маскирует его неистовую мужскую силу. Он предполагал, что евнухи особенно привлекательны в качестве любовников: у них гладкие, лишённые бороды подбородки, делающие поцелуи нежнее, и к тому же от них совершенно невозможно забеременеть. В этом изображении евнухи выступают сексуальными игрушками скучающих и охваченных желанием замужних женщин.

Жрецы Кибелы

За пределами императорского двора евнухи встречались и в религиозной жизни, прежде всего в культе Великой Матери – Кибелы – и её возлюбленного Аттиса. Как и в случае с большинством мифов, история Аттиса существовала в нескольких вариантах. Однако все они сходятся в том, что Аттис был прекрасным юношей из Фригии. На изображениях его обычно можно узнать по характерному фригийскому колпаку.[11] Согласно одной версии мифа, нимфа Агдистис влюбилась в Аттиса. К несчастью для неё, юноша уже собирался жениться на другой. Агдистис, надо признать, приняла это близко к сердцу и прибегла к радикальному средству: она наслала безумие на участников свадебного торжества. В охватившем его исступлении Аттис оскопил себя острым кремнём.

> «Пусть погибнет то, что стало причиной моих страданий!
> Пусть погибнет!» – воскликнул он, отсекая бремя своего паха,
> И в одно мгновение лишился всех признаков мужества.
> Его безумие стало примером: лишённые мужественности слуги
> Распускают волосы и отсекают свои члены, словно ненужную вещь.[12]

В другой версии мифа безумие, приведшее Аттиса к самооскоплению, было наслано самой Кибелой в наказание за то, что он нарушил целомудрие, вступив в связь с нимфой.

В память о трагической судьбе Аттиса все жрецы Кибелы, называвшиеся галлами, были евнухами. Для римлян это было проблемой. Их отношение к евнухам можно выразить так: иметь евнуха приятно, но стать им самому – немыслимо. Немыслимо было представить, чтобы свободный римский гражданин, независимо от своего сословия, добровольно лёг под нож или вообще служил столь откровенно чужеземному культу. Выход нашли довольно простой: жрецов-галлов начали привозить с Востока.

Запрет римским гражданам служить культу Magna Mater, Великой Матери, был далеко не единственным ограничением, наложенным на поклонение Кибеле. Опасаясь, что восточный культ заразит общество чуждыми нравами, римляне фактически изолировали галлов. Жрецы оставались в своём храме на Палатинском холме и покидали его лишь тогда, когда этого требовал ритуал. Такой случай наступал каждый апрель, во время праздника Мегалесий.

Мегалесии начинались 4 апреля и длились шесть дней – пышный праздник со всевозможными зрелищами. Галлы, выпущенные из храмового уединения, танцевали по улицам в шафрановых одеждах под звуки бубнов и флейт. Они везли изображение богини к Большому цирку, где затем начинались гонки колесниц в её честь.

Неистовые пляски галлов и их пронзительные вопли, подражавшие безумию Аттиса, должно быть, производили на горожан странное впечатление. Десятого апреля богиня и её жрецы-евнухи возвращались в своё святилище на Палатине, чтобы вновь исчезнуть из виду до следующего года.

Закон

Евнухи, как мы видели, были в Риме всегда, а владеть ими было даже престижно, но отвращения к кастрации римляне так и не преодолели. В ней чудилось что-то восточное, изнеженное и упадочное – словом, недостойное настоящего римлянина. Поэтому не раз пытались законом ограничить появление евнухов и определить их положение.

Законы о нравственности, принятые Домицианом в конце I века н. э., запрещали кастрировать любых мальчиков – как свободнорождённых, так и рабов. Император понимал, что дефицит евнухов обрадует работорговцев и взвинтит цены, поэтому заодно установил на евнухов предельную цену.

Видимо, законы Домициана либо действовали недолго, либо не помогли: позднее Адриану пришлось принять новый закон, полностью запрещавший кастрацию мальчиков. Интересно, даже поразительно, что закон Адриана прямо признавал: некоторые люди добровольно соглашались подвергнуться кастрации.

«Никто не имеет права оскоплять свободного человека или раба, независимо от того, согласен тот на это или нет; равно как никто не вправе добровольно предлагать себя для оскопления. Если кто-либо нарушит мой

эдикт, врач, совершивший операцию, должен быть наказан смертью, как и тот, кто добровольно предложил себя для лишения мужской силы».[13]

И тут возникает вопрос: кто, скажите на милость, шёл на кастрацию добровольно и зачем? Были ли это исступлённые последователи Аттиса и Кибелы, желавшие вступить в ряды галлов? Или кастрация сулила какие-то материальные выгоды? Увы, ответа источники не дают.

Наказания за любую причастность к кастрации были ясны и суровы – большинству грозила смерть. Но остановить её, судя по всему, не удалось. Уже в III веке н. э. римским правоведам приходилось разбираться в тонкостях правового положения евнухов: «Евнухи могут составлять завещание по достижении возраста, в котором большинство мужчин вступает в пору зрелости, то есть по исполнении восемнадцати лет».[14] Спрос на евнухов, очевидно, был так устойчив, что никакие императорские запреты не могли покончить с этим рынком.

Глава 6

Искусство быть привлекательным: красота и мода

В предыдущих главах мы рассмотрели качества, которыми должен был обладать идеальный гражданин Рима. Теперь обратимся к материям куда более поверхностным – к внешности. Что считалось красивым в Древнем Риме? Какие качества мужчины и женщины искали в своих избранниках? И как сделать себя ещё привлекательнее, чтобы очаровать и завоевать избранника?

В погоне за красотой

«Приходится быть красивой, когда нынешние мужчины так щеголеваты. Ваши мужья наряжаются не хуже женщин – невесте уже почти нечем их превзойти».[1]

Идеальному римлянину не полагалось много думать о своей внешности: суровый, закалённый трудом, он с утра до вечера пахал землю, лишь изредка отвлекаясь на важнейшие государственные дела. Идеальной римлянке тоже было не до суетных забот о красоте: счастливая в браке, она так была занята пряжей, что о внешности ей думать было некогда.

Но в реальном мире, за пределами воображаемого золотого века, и мужчины, и женщины тратили на внешность уйму времени, денег и сил. Мы знаем это хотя бы потому, что Ювенал и ему подобные без устали над этим издевались. Но оставим пока их недовольство в стороне и посмотрим, из чего состояли повседневные заботы о красоте в Древнем Риме.

Как ни удивительно, поэт Овидий написал целое сочинение под названием «Средства для ухода за женским лицом», и оно наглядно показывает, сколько сил, по общему мнению, женщина должна была тратить на свою привлекательность.

> Красота – дар богов. Но многим ли он достаётся?
> Большинство из вас таким даром обделено.
> Красота рождается из заботы; без ухода она увядает.[2]

Рецепты Овидия и правда требовали немалых трудов. Например, рекомендуемый им крем для лица состоял из ячменя, десяти яиц, растёртого оленьего рога, двенадцати луковиц нарцисса, двух унций тосканских семян и мёда. Раз поэт подробно расписывает, как готовить смесь, вплоть до точного количества ингредиентов, значит, крем предполагалось делать дома.

Вряд ли у простой римлянки было время собрать столько ингредиентов, не говоря уж о том, чтобы поймать оленя, отпилить ему рога и истолочь их в

порошок. Нет, советы Овидия предназначались дамам высшего света – точнее, им и их рабыням, которым и предстояло чистить луковицу за луковицей.

На знатность читательниц указывают и описания знакомых поэта: они носят платья с золотой отделкой и украшают себя драгоценностями. Согласитесь, это явно не жена мясника из соседней лавки.

Хлопотные снадобья Овидия служили в основном для цвета лица. Веснушки считались недостатком, который следовало скрывать с помощью пасты из птичьего гнезда, смешанного с мёдом. Свежего, сияющего цвета лица можно было добиться благодаря составу из ароматических смол, очищенной камеди, мирры, фенхеля, розовых лепестков, ладана и ячменной жидкости. Надо думать, удовольствие стоило целое состояние.

Впрочем, после всех этих хлопот выясняется, что настоящая красота всё-таки идёт изнутри. Как заявляет Овидий, «прежде всего, женщины, заботьтесь о своём поведении: лицо будет прекрасно, если прекрасен характер». И стоило ради этого толочь оленьи рога!

В других источниках встречаются дополнительные рекомендации по улучшению цвета лица. Для предотвращения морщин использовали ослиное молоко – вероятно, втирая его в кожу. А жена Нерона Поппея пошла дальше и принимала в нём ванны – возможно, подчёркивая статус императрицы, которая может держать толпу рабов только для того, чтобы доить ослиц. Ещё одним средством для ухода за лицом, неоднократно упоминаемым в источниках, был крокодилий помёт. Тут воображение – а заодно и обоняние – отказывается служить!

Хлебные припарки должны были смягчать кожу, а растению девясилу приписывали способность не только придавать лицу здоровое сияние, но и усиливать сексуальную привлекательность женщины, одновременно излечивая астму и прогоняя печаль. Поистине чудодейственное растение![3]

Ценилась бледная кожа – знак богатства и праздности: её обладательнице не приходилось трудиться под открытым небом. Добивались такого цвета лица чаще всего свинцовыми белилами – cerussa. Для их приготовления свинец обрабатывали уксусом, затем полученное вещество высушивали, растирали и прессовали в таблетки. Были и замены этой губительной для кожи основы, например смесь глины с карбонатом кальция, известная как melinum, или меловая пудра, разведённая уксусом.

Некоторые женщины, очевидно, слишком увлекались косметикой. Ювенал язвительно описывал лица, «покрытые толстыми слоями хлебной пасты и пропитанные жирными кремами Поппеи, которые пристают к губам несчастного мужа».[4]

Менее опасными, чем свинцовые белила, были сурьмяная краска и шафран, которыми подводили глаза. В качестве теней использовали зелёный малахит, а губам и щекам соблазнительный румянец придавали маковой краской или, если позволяли средства, охрой.

Но главное, по Овидию, – делать всё это втайне. Женщина должна была плотно закрывать дверь спальни и прятать свои баночки и порошки: мужчинам ни в коем случае не следовало знать, чего стоит её красота. Возможно, поэтому античные авторы-мужчины и отзывались о женских стараниях так неблагодарно: они просто понятия не имели, сколько времени, денег и труда стоит привлекательность.

Духи

«Благовония – самая бесполезная из всех роскошей. Их главная заслуга состоит лишь в том, что проходящая мимо надушенная женщина способна привлечь внимание даже тех, кто занят другими делами».[5]

Как нетрудно догадаться по этим словам, Плиний Старший не любил духи. Более того, говорил он о них с совершенно несвойственной ему яростью. Кто бы мог подумать, что благовония способны так распалить человека!

Причина негодования Плиния заключалась в том, что духи ассоциировались с роскошью, которую он, как и многие его современники, считал виновницей нравственного разложения Рима. Любопытно, что в «Естественной истории» есть даже глава «Упадок нравственности, вызванный дарами моря», так что хотя бы тут духи ни при чём.[6]

Благовония стоили так дорого, что знать устроила настоящее состязание в расточительности. Богатым дамам мало было капнуть духов за ухо – им хотелось выставить богатство напоказ куда заметнее. Именно Отон убедил своего друга, императора Нерона, душить даже подошвы ног. Этот поступок привёл Плиния в совершенное бешенство: «Каким образом, скажите на милость, кто-нибудь мог это заметить? И какое удовольствие можно было получить от благоухания этой части тела?»

Благовониям нашлось место даже в архитектуре. Нерон приказал устроить приспособления, разбрызгивавшие ароматические жидкости со стен прямо на гостей, а Калигула велел ароматизировать воду в собственной ванне. Император Гелиогабал держал личного парфюмера и отказывался купаться в бассейне, если воду предварительно не надушили шафраном. Все эти причуды, пусть и дорогие, кажутся безобидными рядом с модой времён Плиния – пить благовония, чтобы благоухать и снаружи, и изнутри. Поневоле подумаешь, что Плиний был не так уж неправ, связывая богатство с упадком нравов.

Духи существовали с самыми разными ароматами – от простой розовой воды до царских благовоний парфянских правителей, в состав которых входили листья корицы, кипарис, лотос, мёд и вино. Использовали и бальзам, который приходилось привозить из Иудеи, поскольку только там произрастало растение, дававшее эту ароматическую смолу. Ещё одним важнейшим компонентом благовоний был ладан. Его везли из далёкой Аравии, где, чтобы утолить ненасытный римский спрос, смолу собирали дважды в год.

В теории всё это звучит восхитительно. На практике же иные римляне душились так щедро, что окружающим приходилось несладко. «От тебя разит так, словно опрокинули целый сосуд с коричным благовонием», – жалуется Марциал и добавляет совершенно лишнюю колкость: «Если бы я надушил так свою собаку, она пахла бы ничуть не хуже».[7] Какая любезность!

Волосы

В отношении волос у римлян действовало довольно простое правило, распространявшееся на оба пола: волосы на голове – хорошо, волосы на остальных частях тела – плохо.

Женские причёски менялись от эпохи к эпохе, и сегодня по ним историки датируют бюсты и статуи. При императорах династии Юлиев-Клавдиев – Августе, Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне – мода постепенно переходила от простого пучка, который носила жена Августа Ливия, к значительно более сложным причёскам Агриппины и Поппеи. Волосы заплетали вокруг головы, а на шею спускались завитые локоны.

Более поздние причёски, например у Матидии, свояченицы Адриана, представляли собой множество косичек, искусно переплетённых и уложенных в пучок, дополненный диадемами и головными повязками (см. иллюстрацию 10). В III веке императрица Юлия Домна носила волнистые волосы, свободно ниспадавшие до плеч (см. иллюстрацию 11). Римлянки тут же перенимали эти причёски: дамы императорского дома были законодательницами моды.

Особо стоит упомянуть время, когда женские причёски достигли вершины – в самом буквальном смысле. Речь идёт о правлении династии Флавиев (69–96 годы н. э.). Модница той эпохи носила надо лбом огромную башню из завитков, а сзади заплетала волосы в пучок. И когда я говорю «башня», я имею в виду именно башню: сооружение надо лбом поднималось сантиметров на тридцать. Это была эпоха поистине ГРАНДИОЗНЫХ причёсок (см. иллюстрацию 9).

Никто до конца не знает, каким образом создавались подобные сооружения.[8] Возможно, волосы сильно начёсывали, и тогда безупречные локоны на бюстах – художественное преувеличение. А может, к причёске пришивали накладные пряди. Точного ответа нет.

Но одно мы знаем наверняка: самостоятельно создать такую причёску было невозможно. Требовалась помощь специалиста – особой рабыни-парикмахера, называвшейся ornatrix. Это были искусные мастерицы, стоившие очень дорого, но дороговизна и мастерство не спасали их от дурного обращения. Ювенал описывает властную госпожу, которая за один неправильно уложенный локон в своей флавиевской причёске наказывает парикмахершу, вырывая ей волосы. Овидий умоляет женщин не мучить своих служанок, не щипать и не царапать их. Отсюда видно и то, как жестоко в Риме обходились с рабами, и то, каких нервов стоила безупречная причёска.

Помимо завивки – для которой использовались нагретые металлические стержни, вокруг которых накручивали волосы, почти как сегодня, – и всевозможных сложных плетений, женщины могли также окрашивать волосы. Популярным красителем служила хна, а также смеси ягод и ореховой скорлупы. Но страннее всего был, пожалуй, состав для чёрного цвета: пиявок смешивали с уксусом, оставляли смесь бродить несколько месяцев и лишь затем наносили на волосы.

Красили волосы не только женщины, но и мужчины, что неизменно становилось поводом для насмешек. Марциал язвительно замечал: «Был ты лебедем, а теперь стал вороном. Но всех не проведёшь».[9]

Если же мысль о пиявочном зелье была невыносима, оставались накладные пряди и парики. Волосы везли из стран, где у жителей был нужный цвет. Например, для создания образа ослепительной блондинки прекрасно подходили волосы германок: «Теперь Германия пришлёт тебе локоны пленниц, и дар покорённого народа спасёт твою красоту!»[10]

Казалось бы, женщины, тратившие на причёски столько времени, сил и денег, могли рассчитывать хоть на какую-то благодарность мужчин. Увы! Овидий пространно сетует на то, что его возлюбленная красит волосы и, по его мнению, портит их щипцами для завивки. Ювенал не менее беспощадно высмеивает великолепные флавиевские причёски, утверждая, что женщины выглядят с ними нелепо. Ясно же, что он ничего не смыслит в красоте.

Напасть под названием облысение

Пристально следили за волосами не только римлянки, но и мужчины. Император Домициан даже написал целую книгу «Об уходе за волосами». Правда, позже, начав лысеть, он горько об этом пожалел. Показательно, как Светоний это описывает: он говорит об «уродстве облысения». То же выражение встречается у Светония и в рассказе о Юлии Цезаре. По словам биографа, враги Цезаря не упускали случая насмехаться над этим его «уродством».

Цезарь придумал собственный способ скрывать лысину: зачёсывал оставшиеся редкие волосы вперёд, прикрывая ими обнажившуюся верхнюю часть лба. А ещё он добился таких успехов, что сенат даровал ему право всегда носить лавровый венок – на редкость удобное украшение для лысеющей головы.

Император Отон пошёл ещё дальше и обзавёлся специально изготовленным париком, скрывавшим лысину. Светоний утверждает, что парик был настолько искусно сделан, что никто даже не подозревал о его существовании. Правда, верится в это с трудом: Светоний писал об этом больше семидесяти лет спустя, а на бюстах и монетах Отона накладные волосы видны до смешного явно.

Калигула защищал свою лысину от чужих глаз куда более властно: смотреть на него сверху вниз стало наказуемо. Надо думать, нелегко пришлось римлянам, которым не повезло вырасти высокими.

Облысение было для мужчин очень больной темой. Возможно, поэтому среди вотивных приношений встречаются терракотовые изображения волос – например, в храме Асклепия на греческом острове Кос. Если вам кажется чрезмерным ехать ради лысины на Кос – дорога занимала не меньше двенадцати дней[11] и не одну пересадку, – чтобы просить бога врачевания вернуть шевелюру, то у нас есть свидетельства, что люди так и делали. В храме Асклепия в Эпидавре, на материковой части Греции, исцелившиеся оставляли короткие благодарственные надписи. Вот одна из них: «У этого человека не было волос на голове, зато на подбородке их было много. Он спал здесь, потому что стыдился насмешек окружающих. Бог намазал ему голову лекарством, и волосы выросли».

Выпадение волос считалось медицинской проблемой в трудах Галена и в сочинениях Гиппократова корпуса. Их представления об облысении основывались на гуморальной теории медицины, согласно которой человеческое тело состояло из четырёх основных жидкостей – крови, жёлтой желчи, чёрной желчи и слизи. Каждая обладала определёнными свойствами тепла, холода, сухости и влажности. В здоровом организме эти жидкости должны были находиться в равновесии, а нарушение их соотношения считалось причиной болезней.

По мнению Галена, облысение могло быть вызвано избытком холода и влаги, но одновременно, как ни парадоксально, и чрезмерной сухостью кожи головы. Врачи Гиппократовой школы предлагали другое объяснение. Волосам необходима влага; у лысых мужчин особенно сильно выражен слизистый темперамент, а во время полового акта слизь в коже головы нагревается и приходит в сильное движение, отчего волосы выпадают. Следовательно, рассуждали они, евнухи не лысеют, поскольку не испытывают того бурного телесного возбуждения, которое сопровождает половое сношение. Женщины же во время секса подвергаются меньшему возбуждению, чем мужчины, и потому также не теряют волосы.

Итак, облысение считалось не естественным спутником возраста, а болезнью, уродующей не меньше, чем зудящая сыпь, которой, по слухам, страдал Тиберий. Отчасти поэтому императоры так болезненно переживали потерю волос, а простые мужчины молили богов избавить их от этой напасти. Но не отчаивайтесь: у Плиния Старшего имеется безотказное средство против облысения – мазь из медвежьего жира, ладана и папоротника венерин волос. Можно лишь вообразить, как она пахла.

Волосы на теле

«Пусть из-под мышек не несёт вонью дикого козла, а ноги не щетинятся жёсткими волосами!»[12]

Если волосы на голове ценились, то к растительности на теле относились куда неоднозначнее. Избавляться от лишних волос умели и мужчины, и женщины. Если вы плохо переносите боль – а кто, скажите на милость,

переносит её хорошо? – вам лучше было держаться подальше от специалистов по выщипыванию волос. Эти садисты подстерегали посетителей в общественных банях, заставляя жертв – простите, клиентов – вопить от боли. Именно на это жаловался Сенека, поселившийся в квартире над термами: его покой нарушали не только крики страдальцев, но и пронзительный голос мастера, зазывавшего новых клиентов.

Ещё волосы опаливали нагретой ореховой скорлупой – вряд ли менее болезненно, чем выщипывание. Использовали также смолы, действовавшие примерно как современный воск: им давали затвердеть, после чего резко отрывали вместе с волосами. И снова удовольствие сомнительное. Наконец, можно было просто стереть волосы пемзой. Долго и, вероятно, не слишком действенно, зато без слёз и с целой кожей.

Для женщин удаление волос считалось в целом приемлемым, хотя и здесь античные авторы не упускали случая поязвить. Марциал с поразительной грубостью высмеивал пожилых женщин, удалявших волосы на лобке: «Помни, что сказал мудрец: не выщипывай бороду у мёртвого льва».[13] Жестоко.

Плиний Старший испытывал сходное отвращение к тому, что сегодня назвали бы полной бразильской депиляцией. «Женские срамные части выставлены на всеобщее обозрение благодаря средствам для удаления волос»,[14] – возмущался он. Любопытно, где же бывал Плиний, если так часто видел обнажённые женские прелести? Скорее всего, в общественных банях, где мужчины и женщины мылись вместе.

Удаление волос у мужчин вызывало гораздо больше споров. С одной стороны, чрезмерная волосатость считалась нежелательной и могла принести мужчине прозвище «козёл». Кстати, Калигула запретил упоминать при нём коз: это напоминало императору о собственной чрезмерной волосатости. С другой – римлян не оставляло подозрение, что усердное выщипывание делает мужчину женоподобным. Особенно ярко это отношение проявляется в следующей непристойной эпиграмме Марциала:

> Хрест, твои яйца выщипаны дочиста,
> А член гладок, словно шея стервятника.
> Твоя голова глаже ягодиц проститутки,
> И на ногах не осталось ни единой щетинки.
> Безжалостные щипцы очистили даже твои бледные губы.[15]

Далее Марциал продолжает высмеивать Хреста за то, что тот отдался в руки мастера по выщипыванию волос, противопоставляя ему волосатых предков республиканской эпохи. И вот мы снова в мифическом золотом веке – на сей раз в эпохе, когда мужчины ходили волосатыми, то есть, вернее, совсем не заботились о внешности. Овидий придерживался сходного мнения, утверждая, что некоторая небрежность во внешнем виде мужчине только к лицу, а заботы о натирании тела пемзой лучше оставить жрецам-евнухам Кибелы.

Пристальная забота о внешности считалась недостойной настоящего римлянина. Мужчина должен был думать об общественных делах, политике и долге, а не об уходе за кожей, окрашивании волос и удалении растительности с ягодиц. Особенно наглядно это отношение проявляется в рассказах об императоре Отоне.

Щёголь, встретивший смерть достойно

Мы уже встречались с Отоном, когда он учил Нерона душить подошвы ног. Но заботы Отона о внешности не ограничивались благоуханием ног. У него был, как он считал, безотказный способ не давать расти бороде: он накладывал на щёки и подбородок влажные хлебные припарки. Кроме того, Отон носил парик и тщательно удалял все волосы на теле.

Такая забота о внешности снискала Отону славу изнеженного нарцисса. Ювенал изображал зеркало его постоянным спутником и насмешливо утверждал, что даже перед выходом на поле боя Отон любовался в нём своим отражением в доспехах. Его считали немужественным, и потому его смерть всех поразила.

Столкнувшись с огромным численным превосходством войск Вителлия, Отон предпочёл покончить с собой, чтобы не приносить в жертву своему делу ещё больше людей. Эта смерть в лучших римских традициях вызвала всеобщее восхищение – не в последнюю очередь потому, что от Отона ничего подобного не ждали. Как писал Светоний: «Я склонен полагать, что именно из-за этих привычек его смерть, столь мало соответствовавшая его жизни, вызвала ещё большее изумление».[16] Настоящие римские мужчины не смягчали лица хлебными припарками и не пользовались благовониями. Кто так делал, был на подозрении.

Если Отон считался немужественным из-за удаления волос на теле, то император Гелиогабал вывел женоподобие на совершенно новый уровень. Он не только удалял собственные волосы, но и лично натирал женщин средствами для депиляции в общественных банях, а также собственноручно брил пах своим слугам! Особенно омерзительна подробность, что той же бритвой он потом брил себе бороду.

Как и во всём в жизни римского мужчины, в вопросе растительности на теле требовалась мера. Слишком много волос – и тебя сочтут волосатым варваром; слишком мало – и под сомнением окажется сама твоя мужественность.

Краткая история бороды

Как мы видели в одной из предыдущих глав, борода играла важную роль в превращении римского мальчика во взрослого мужчину. Однако её носили и просто ради моды.

На протяжении истории Древнего Рима борода то входила в моду, то выходила из неё. Впервые бороды были в моде в тот самый мифический золотой

век, когда мужчины были настоящими мужчинами и так были заняты покорением чужеземцев, что на бритьё и прочие цирюльные процедуры времени не оставалось. Мы знаем об этом благодаря Плинию Старшему, который утверждал, что первый цирюльник появился в Риме лишь в 300 году до н. э. До того, глубокомысленно сообщает Плиний, римляне вообще не стриглись. Это порождает массу любопытных вопросов и невольно рисует Цинцинната с пучком на затылке.

По словам Плиния, обычай регулярно бриться был введён в Риме во II веке до н. э. одним из родственников Сципиона Африканского, первым начавшим бриться ежедневно. Это была настоящая революция: прежде брились, похоже, лишь мужчины за сорок. С тех пор гладко выбритое лицо постепенно превратилось в общепринятую норму.

Бритьё и прочий уход за собой стали признаком цивилизованного человека – особенно ясно это видно в минуты тяжких потрясений. Например, когда полководец Вар погиб вместе с тремя легионами в засаде, устроенной германскими племенами, Август был настолько потрясён, что, как рассказывают, несколько месяцев не стриг волосы и не брил бороду. Он бился головой о стены дворца и восклицал: «Вар, верни мне мои легионы!» После смерти любимой сестры Друзиллы Калигула тоже обезумел от горя и, подобно Августу, перестал следить за собой, забывая стричься и бриться.

Одной из многочисленных причин, по которым Светоний осуждал Нерона, было полное пренебрежение императора к собственному внешнему виду. По словам Светония, Нерон отпускал длинные волосы – тут, видимо, полагается неодобрительно поцокать языком – и нередко выходил на люди в домашнем платье, туфлях и с платком на шее. Платок я склонна считать шейным платком, а домашнее платье – халатом, что лишь подтверждает артистические наклонности и своеобразный вкус Нерона.

В позднереспубликанскую эпоху среди щеголеватой знати вошли в моду аккуратно подстриженные бородки. Цицерон восхитительно прозвал их обладателей «франтами с бородками».[17] Лучше не скажешь. Затем, если не считать жуткой нероновской бороды, сползавшей на шею (поищите изображения в интернете, если хватит смелости), гладкий подбородок держался до II века. И тут на историческую сцену выходит, пожалуй, самый знаменитый обладатель бороды во всём Древнем Риме – император Адриан.

Вероятно, Адриан вовсе не собирался становиться законодателем моды. Говорят, он отрастил бороду лишь для того, чтобы скрыть некоторые недостатки кожи лица. Но поскольку его изображали чаще, чем любого другого человека в империи, неизбежно нашлись желающие последовать его примеру. Борода перестала восприниматься как признак грубости или нецивилизованности и превратилась едва ли не в обязательный атрибут достойного мужчины. Рассказывают, что Адриан отказывался назначать военным трибуном человека, не имевшего густой бороды. Неудивительно, что все честолюбивые римляне тут

же распрощались с цирюльниками и бросили силы на то, чтобы отрастить бороду, достойную императорского одобрения.

За Адрианом последовали другие бородатые императоры: Антонин Пий, Марк Аврелий, Коммод и обладатель, пожалуй, самой великолепной бороды всех времён – Луций Вер. Вер правил совместно с Марком Аврелием, и сохранившиеся статуи изображают его с самой блестящей, кудрявой и роскошной бородой за всю историю римской моды. «История Августов» характеризует её как почти варварскую по виду и добавляет, что ради придания блеска своим светлым волосам Вер посыпал их золотой пылью. Включая, разумеется, бороду. Да-да, у Луция Вера была сверкающая золотая борода. Не могу не восхититься.

Одежда

Женский костюм в Древнем Риме состоял из трёх основных предметов: туники, столы и паллы. Туника – это ткань, сшитая трубой и скреплённая на плечах пуговицами или застёжками. Поверх длинной, доходившей до щиколоток туники надевали столу – верхнее платье. Стола могла быть как с рукавами, так и без них. Зимой её шили из шерсти, а летом предпочитали более лёгкий льняной вариант.

В сознании римлян стола прочно ассоциировалась с благопристойностью и нравственной чистотой. Например, проституткам запрещалось её носить, а женщина, нарушившая законы о нравственности, могла лишиться права надевать эту одежду. Последним элементом женского костюма была палла – большой платок или накидка. Она представляла собой прямоугольный кусок ткани, который женщина могла набросить на голову или задрапировать вокруг тела по собственному вкусу.

Три слоя одежды давали не только тепло и благопристойность, но и возможность играть цветом. Всё богатство и яркость подобных сочетаний можно увидеть на фресках Помпей, Геркуланума и других древнеримских городов.

К сожалению, наши античные авторы – все как один мужчины – досадно молчат о том, какие великолепные платья римские дамы выбирали для особо модных званых ужинов или императорских пиршеств. Мы почти ничего не знаем о предпочтениях в одежде таких знатных женщин, как Ливия или Агриппина. Можно подумать, мужчин вообще не интересовала женская мода.

Зато произвести впечатление можно было выбором ткани. Шерсть, лён и хлопок были повседневными материалами. Если же женщина хотела выделиться, она могла надеть шёлк, который считался воплощением роскоши и изнеженности. Шёлк, кстати, принадлежал к числу вещей, особенно возмущавших Плиния Старшего. Он негодовал: «Даже мужчины не постыдились перенять обычай носить летом шёлковые одежды из-за их лёгкости».[18] Единственным утешением для Плиния было то, что мужчины пока

ещё не начали носить ассирийские шёлковые платья. «Пока ещё», – многозначительно добавлял он, видимо, втайне надеясь, что до этого не дойдёт.

Другим лёгким материалом был шифон, обладавший дополнительным преимуществом – соблазнительной прозрачностью. Похожего эффекта можно было добиться с помощью муслина. Плиний упоминает полупрозрачные наряды из этой ткани, в которых щеголяли женщины его времени.

Разумеется, подобные ткани считались не вполне пристойными. Гораций прекрасно объясняет это в отрывке, где противопоставляет выбор супруги посещению проститутки:

> Подол её платья доходит до щиколоток, поверх – накидка,
> И тысяча преград скрывает её от любопытного взгляда.
> С женщиной другого рода всё гораздо проще:
> Сквозь косский шёлк она видна почти нагой.[19]

Основой мужского костюма служила туника. Тоги считались церемониальной одеждой и редко использовались за пределами политических собраний и религиозных праздников. Туника была вещью простой, но мужчины охотно украшали её, чтобы выделиться из толпы и, конечно, похвастаться достатком. В IV веке, по-видимому, вошли в моду туники с изображениями животных. Их сочетали с плащами из настолько лёгкой ткани, что те развевались от малейшего ветерка. Но скептик Аммиан Марцеллин подозревал, что модники нарочно размахивали плащами, чтобы все видели дорогие туники под ними.

Плащ тоже был прекрасным поводом показать богатство. Друг Калигулы Птолемей однажды явился на игры в таком великолепном пурпурном плаще, что император счёл нужным его казнить. А один из приятелей Марциала заплатил за пурпурный плащ баснословную сумму – десять тысяч сестерциев.

Откуда такая страсть к пурпуру? Разумеется, потому, что это был самый дорогой краситель. Пурпур получали из морских моллюсков рода Murex, а наиболее модный и ценный его оттенок производили в Тире.[20] Полосы на одежде, обозначавшие принадлежность к сенаторскому или всадническому сословию, окрашивали тирским пурпуром. Из ткани того же цвета, украшенной золотом, изготавливали триумфальные одеяния. Но ко временам Плиния Старшего пурпур уже перестал быть исключительно церемониальным цветом и проник в повседневную жизнь. Плиний с ужасом отмечал, что пурпур стал настолько обычным, что почти в каждом богатом доме появились обитые пурпурной тканью ложа для пиров.

Самыми роскошными модниками Рима были, конечно, императоры, и до нас дошли описания поистине невероятных нарядов. Например, Коммод являлся на игры в длинной, доходившей до щиколоток шёлковой тунике, затканной золотом, а затем переодевался в пурпурное одеяние, усеянное золотыми блёстками. Калигула предпочитал расшитые плащи, украшенные драгоценными камнями, и – Плиний Старший, лучше отвернитесь! – шёлковые

туники. Гелиогабал пошёл ещё дальше и стал первым римлянином, носившим только шёлк. Лён, по его мнению, годился только для нищих.

Что такое красота?

Мы рассмотрели, как римские мужчины и женщины использовали косметику, благовония, причёски и одежду, стремясь стать привлекательнее. Но что именно считалось красивым? Какая внешность делала женщину прекрасной, а мужчину – красивым?

Как ни удивительно, античные авторы оставили нам очень мало описаний идеальной женской красоты. Даже любовная поэзия, где, казалось бы, следовало ожидать восторженных перечислений достоинств возлюбленной, оказывается на удивление скупой на подробности. Можно прочесть всего Катулла и так и не понять, как выглядела его Лесбия: тёмные глаза, изящная ступня, маленький нос, длинные пальцы – согласитесь, на портрет не хватит.

В другом стихотворении Катулл перечисляет привлекательные черты некой Квинтии: светлый цвет лица, высокий рост и хорошую осанку. Но и тут подробностей слишком мало, чтобы понять, чем Квинтия так хороша.

К счастью, Овидий несколько подробнее рассказывает о том, что привлекало его в возлюбленной Коринне: белая шея, гладкий живот, высокая грудь и длинная талия. Правда, вкусы у Овидия были самые широкие, в чём он честно признавался: «Нет единого облика, который неизменно возбуждал бы мою любовь».[21] Ему нравились блондинки, рыжеволосые, брюнетки и женщины с иссиня-чёрными волосами. Высокие девушки – или, может, маленькие? Юные красавицы и зрелые дамы. Он готов был приласкать даже женщину, которая критиковала его стихи! Впрочем, и восторженная поклонница вполне могла рассчитывать на его внимание. Думаю, вы поняли мысль.

Марциал гораздо определённее в своих предпочтениях: женщина не должна быть ни слишком худой, ни слишком полной. Или, как он выразился с присущим ему изяществом: «Мне подавай хорошее мясо, а не кусок сала».[22] Его идеальная женщина – «жена, которая верна мужу, но в постели вовсе не ханжа».[23]

Кое-что об идеале красоты подсказывает Гораций, описывая то, что ему не нравится: «Ах, какие ноги, какие руки! Правда, бёдра узкие, нос длинный, талия короткая, а ступни огромные».[24] Отсюда можно заключить, что желанными считались широкие бёдра, короткий нос, длинная талия и маленькие ступни.

С мужчинами картина ещё менее ясна, тем более что у нас практически отсутствуют свидетельства самих женщин о том, какие мужские черты они находили привлекательными. Луций Вер, несомненно, пользовался большим успехом у женщин. Но чем он их брал – великолепной бородой или тем, что был всемогущ и баснословно богат, – мы не знаем.

Тацит описывает некоего Цецину как молодого, красивого и высокого мужчину, но не объясняет, чем он был так привлекателен. Любопытно, что

Цецина, настоящий римлянин, пробыв в Германии каких-нибудь два года, настолько проникся местными обычаями, что начал носить узорчатые штаны и клетчатый плащ. Возможно, именно эта грубоватая варварская внешность и придавала ему особое очарование?

Лукиан описывает идеального мужчину как человека, который упорным трудом добился гармоничного телосложения – не слишком худого и не слишком полного. Он должен обладать силой и выносливостью, загорелым лицом и пламенным мужественным духом. Смысл вполне ясен: совершенное мужское тело, как и совершенный мужской характер, требует постоянного труда и самоотдачи. Всё очень по-римски.

Кое-что о том, какая мужская внешность считалась если не возбуждающей, то хотя бы приятной, можно узнать у врача Сорана. В главе, посвящённой уходу за новорождёнными, он советует кормилицам массировать различные части тела младенца, чтобы в будущем они приобрели красивую форму. Из его описаний можно заключить, что желательными чертами римского мужчины считались прямой позвоночник, округлые ягодицы, голова не слишком вытянутой и не слишком заострённой формы, гладкие колени и отсутствие орлиного носа.

Заглянем под столу и тогу

Наш обзор римских представлений о привлекательности был бы неполон без тех частей тела, что непосредственно участвуют в половом акте. Мы уже немного поговорили о том, что находится «там, внизу», когда выясняли, подразумевало ли удаление волос полную бразильскую депиляцию (и пришли к выводу, что да). Теперь опустимся ещё немного ниже – как в анатомическом, так и в нравственном смысле – и рассмотрим эстетические представления римлян о половых органах.

Мужчины

Пора поговорить о пенисах. Римляне-то говорили о них постоянно и рисовали их на любой подходящей поверхности. Скорее всего, эти изображения приносили удачу. А может, и нет: никто из римлян не удосужился оставить рядом с нарисованным фаллосом пояснение, за что мы их мысленно и проклинаем. В одной из следующих глав мы подробно рассмотрим бесчисленные изображения мужских половых органов в античном искусстве и попытаемся разобраться в их смысле. Сейчас же поговорим о том, каким должен был быть идеальный пенис.

Об идеальном половом органе римлянина заботились чуть ли не с рождения. Соран, описывая осмотр новорождённого мальчика, совершенно определённо утверждал, что крайняя плоть – вещь необходимая. Чтобы во взрослом возрасте римлянин обладал крайней плотью надлежащей длины, кормилица после купания должна была осторожно натягивать её так, чтобы она полностью покрывала головку пениса. Если длины не хватало, Соран

рекомендовал закреплять крайнюю плоть кусочком шерстяной ткани. Заодно он советовал придавать правильную форму мошонке.

То, что наличие крайней плоти считалось нормой для римских мужчин, подтверждают события времён Домициана. Император обложил налогом евреев Рима и с присущей ему дотошностью распространил его не только на людей, открыто исповедовавших иудаизм, но и на тех, кто уже не соблюдал его обряды. Это приводило к весьма неприятным сценам, свидетелем которых лично был биограф Светоний: пожилых мужчин раздевали прямо перед судом и осматривали, чтобы установить, подвергались ли они обрезанию.

Хотя обрезание допускалось для последователей иудаизма,[25] в отношении римских граждан оно рассматривалось почти наравне с кастрацией. Соответствующие положения были закреплены в законодательстве времён Антонина Пия во II веке н. э. Наказания за участие в обрезании были поразительно суровыми. Римлянам, позволявшим обрезать себя или своих рабов, грозили конфискация имущества и пожизненная ссылка на остров. Врачи, выполнявшие подобную операцию, подвергались смертной казни.

При римской любви к общественным баням и общим уборным скрыть обрезание было непросто. Возможно, суровость этих законов отчасти объясняет одержимость Сорана необходимостью обеспечить римскому мальчику достаточно длинную крайнюю плоть буквально с первых дней жизни.

Когда мы представляем себе римское искусство, особенно изображения обнажённого тела, перед глазами возникают белые мраморные статуи с рельефными торсами, крепкими бёдрами, упругими ягодицами и – если соответствующие части сохранились – удивительно маленькими пенисами. Именно небольшие половые органы обычно изображались на статуях как богов, так и императоров. Видимо, идеальный римский пенис, о котором мечтал каждый мужчина под своей набедренной повязкой, был скромным и аккуратным.

Но были и исключения. Иногда изображался sopio – чудовищно увеличенный пенис. Самым знаменитым обладателем подобного органа был бог Приап. Не одно поколение посетителей Помпей изумлённо вскидывает брови при виде Приапа – на фресках и в весьма откровенных скульптурах, способных не только поразить воображение, но и, кажется, ткнуть зрителю в глаз.

Что тут скажешь – поразительно! Вас вряд ли удивит, что Приап был богом плодородия, а также покровителем домашнего скота, растений и садов. Именно в садах традиционно и устанавливали его статуи.

Приапу посвящён целый сборник непристойных эпиграмм. Эти короткие стихотворения прикрепляли к основаниям его статуй, подчёркивая защитную функцию божества. Под защитой я имею в виду угрозы самыми унизительными сексуальными расправами всякому, кто осмелится посягнуть на сад или дом, находящийся под покровительством Приапа: «Тебя, мальчишка, отымеют в зад; тебя, девчонка, трахнут; а бородатого вора ждёт третье наказание».[26]

Да, перед нами снова типично римские угрозы сексуальным насилием. Третье наказание, предназначенное бородатому вору, – разумеется, irrumo, принуждение к оральному сексу. Эта угроза встречается снова и снова. Грабителю обещают: «Я отымею тебя в зад своим фаллосом длиной в фут. Но если столь суровое и мучительное наказание не поможет, я ударю выше».[27]

Однако огромный орган Приапа служил не только орудием угроз. В других стихотворениях сборника неоднократно встречается мысль, что статуи бога доставляли удовольствие местным женщинам: «Эй, римляне! Либо отрубите мой детородный член, который соседские женщины, вечно снедаемые желанием, изнуряют всю ночь напролёт, будучи похотливее воробьёв весной, либо я попросту лопну!»[28]

И здесь неизбежно возникает вопрос: имел ли размер значение? Мы уже видели, как охотно римляне судили и оценивали друг друга, так что неудивительно, что соперничали они не только нравом и поведением, но и телесными достоинствами. А как следует разглядеть соперников можно было, конечно, в общественных банях – этих рассадниках порока.

Сохранившиеся рассказы о подобных наблюдениях позволяют утверждать, что для некоторых римлян размер действительно имел огромное значение. К их числу относился Гостий Квадра, человек настолько отвратительный и развращённый, что, когда его убили собственные слуги, Август, взвесив обстоятельства, решил вопреки закону не казнить всех рабов Квадры за смерть хозяина: тот попросту не заслуживал мести. Решение примечательное, если вспомнить, как Август держался традиций.

Сенека подробно объясняет, что именно делало Квадру столь исключительным мерзавцем. Одной из причин была его одержимость большими пенисами. «Во всех общественных банях он подыскивал себе любимцев, выбирая мужчин по размерам, которые невозможно было не заметить».[29] Квадра был настолько помешан на размерах, что заказал специальные зеркала, увеличивавшие отражение. Благодаря им он мог любоваться преувеличенными размерами половых органов своих партнёров во время анального секса.

Впрочем, Квадра был далеко не единственным римлянином, оценивавшим мужские достоинства в банях. Судя по Марциалу, разглядывание чужих достоинств стало там чуть ли не зрелищным спортом. «Если из бани доносятся бурные аплодисменты, значит, все наверняка восхищаются огромным членом Марона».[30] Был у Марциала и свой Гостий Квадра – некий Котта. Правда, Котта оценивал размеры пенисов, чтобы решать, кого приглашать на званые ужины. К большому раздражению Марциала, его собственные анатомические достоинства не соответствовали требованиям Котты.

Император Гелиогабал, как и Квадра, твёрдо верил, что чем больше, тем лучше, – и приоритеты государственной деятельности расставил предельно ясно. Как сообщают источники, император «только тем и занимался, что

рассылал людей на поиски мужчин с особенно большими половыми органами и приказывал доставлять их во дворец, чтобы наслаждаться их мужской силой».[31]

И Квадру, и Гелиогабала изображают последними развратниками, а их пристрастие к большим пенисам прямо связывают с извращённостью. Огромные органы привлекали их потому, что они предпочитали пассивную роль в анальном сексе – положение, которое римляне считали глубоко недостойным мужчины.

Помимо Приапа, чрезмерно большими эрегированными пенисами нередко изображались сатиры – волосатоногие, полукозлиные спутники Вакха. Их полно на древнегреческих вазах, где они предаются всевозможным непристойным забавам: удерживают сосуды с вином на собственных эрегированных членах, пытаются совокупиться с винными мехами или занимаются сексом друг с другом. Сатиры служили комическими персонажами, и их половые органы играли в этом немаловажную роль. Постоянная эрекция символизировала непрерывную похоть, толкавшую сатиров на нелепые и непристойные поступки – вплоть до попыток соблазнить козу.

И снова мы возвращаемся к важнейшему римскому представлению: ни в чём не следует допускать чрезмерности, в том числе и в сексе. Сатиры этого урока не усвоили и потому смешны. Непомерно большой эрегированный пенис воспринимался как нечто непристойное и отталкивающее, указывавшее на нравственную ущербность своего обладателя. Иными словами, на недостаток virtus.

Последнее слово в этом вопросе предоставим греческому комедиографу Аристофану, который так описывал идеальное мужское тело: «Блестящая грудь, чистая кожа, широкие плечи, маленький язык, крепкие ягодицы и небольшой член».[32]

Женщины

В предыдущих главах мы уже говорили о патриархальном характере римского общества, о мужской одержимости собственными половыми органами и о том, куда именно римляне стремились их поместить, чтобы утвердить своё превосходство в мире жесточайшего соперничества. Мы рассмотрели законы, касавшиеся увечий мужских гениталий, в частности обрезания и кастрации. В одной из следующих глав мы поговорим о повсеместном изображении фаллоса, встречавшемся буквально на каждом шагу в Древнем Риме. После такого пристального внимания к тому, что у мужчины между ног, вас вряд ли удивит, что женскому телу в этом месте уделяли несравнимо меньше внимания.

Хотя влагалище упоминается в медицинских трактатах, за их пределами в литературе о нём говорят редко. А если и говорят, то не как о предмете вожделения, а скорее как о чём-то отталкивающем. Вспомните стихотворение Марциала о седых волосах на лобке. Если оно показалось вам жестоким,

приготовьтесь изменить своё мнение: впереди нас ждут ещё более беспощадные высказывания поэта о женских половых органах. Соберитесь с духом.

Марциал начинает стихотворение словами: «У Лидии такая широкая щель, как задница бронзового коня с всадником».[33] И дальше становится только хуже: поэт сравнивает влагалище Лидии со всё более просторными предметами. В их числе – штаны нищего британца и глотка пеликана. Согласитесь, такое лучше не представлять. Завершает он стихотворение совершенно отвратительной шуткой: «Говорят, будто я трахнул её в солёном рыбном садке. Не уверен: по-моему, я трахнул сам садок».

Боюсь, на этом претензии Марциала к женской анатомии не исчерпываются. Вот что он пишет о своей знакомой Галле: «Всякий раз, когда я приходил к тебе и наши тела соединялись в любовных движениях, ты молчала – но твоё влагалище молчать не желало».[34] Да, помимо чрезмерно широких влагалищ Марциал недолюбливал ещё и шумные: «Кто способен смеяться над хлопками болтливой женской щели? Когда она издаёт эти звуки, у какого мужчины не пропадёт желание и не опадёт член?»

Марциал заключает, что гораздо охотнее занялся бы с Галлой анальным сексом. Что, пожалуй, многое говорит о сексуальных вкусах римских мужчин.

Глава 7

В поисках любви: ухаживания на улицах Рима

Брак считался для римлянина естественным и достойным способом устроить личную жизнь; в высших кругах его обычно заключали по договорённости семей. Но секс вовсе не ограничивался супружеством – по крайней мере для мужчин. Правда, и тут были свои ограничения, правовые и общественные. «Люби кого пожелаешь, только держись подальше от замужних женщин, вдов, девственниц, юношей и свободнорождённых мальчиков»,[1] – советовал Плавт. К этому перечню можно добавить и свободнорождённых женщин вообще.

Свободнорождённым женщинам назначали опекуна-мужчину, который распоряжался их имущественными делами и, вероятно, не упускал случая сунуть нос и во всё остальное. Кроме того, они находились под защитой законов о stuprum. Недоступность свободнорождённых девушек – одна из постоянных тем римской любовной поэзии. Добиться любви прекрасной дамы – оказывается, полбеды; куда труднее продолжать отношения, и главная помеха здесь – дверь, препятствие и метафорическое, и вполне деревянное. Как сетует Тибулл: «Суровая дверь наглухо заперта крепким засовом».[2]

С дверями у Тибулла вообще отношения непростые. Он отчаянно мечтает, чтобы дверь распахнулась и перед ним появилась возлюбленная Делия. Бог знает сколько часов поэт смотрит на эту дверь, пока не доходит до отчаяния, знакомого всякому, кто ждал безнадёжно опаздывающий автобус, мысленно умоляя: «Господи, ну пусть он наконец придёт!»

> О дверь сурового хозяина, пусть хлещет тебя дождь,
> Пусть молнии, посланные Юпитером, обрушатся на тебя!
> Откройся же, дверь, побеждённая одними моими мольбами![3]

Проперций – ещё один поэт, которому двери отравляют жизнь. «Почему твои крепкие двери теперь закрыты передо мной и безмолвствуют?»[4] – вопрошает он. Измученный этой болезнью запертых дверей, поэт начинает подумывать, что с проститутками было бы куда проще.

Это стихотворение особенно интересно тем, что показывает, как трудно ухаживать за свободнорождённой женщиной без согласия её семьи. И дело не только в дверях. Бедному Проперцию приходится подкупать рабов, чтобы те передавали записки возлюбленной, бродить по Риму в поисках любимой и, наконец, снова раскошеливаться – теперь уже ради того, чтобы уговорить привратника отпереть ненавистную дверь.

Овидий возводит страдания у запертой двери на новую высоту, посвятив целое стихотворение привратнику своей возлюбленной: «Взгляни – ты сам увидишь! Отопри засов: порог уже мокр от моих слёз!»[5] Но Овидий был человеком предприимчивым и нашёл способ проникнуть к подруге без подкупа: подружился с её доверенной рабыней. «Подружился», разумеется, значит переспал.

Правда, как замечает Гораций, слуг на пути к желанной женщине может оказаться немало.

> Если тебя влечёт запретное – ведь именно оно так возбуждает, –
> Если желаешь того, что скрыто за стенами,
> Тебя ждут бесчисленные препятствия: стража, закрытые носилки,
> Парикмахерши и целая толпа прислужников.[6]

Готов ли Овидий ради цели переспать ещё и с парикмахершами и охраной? Думаю, да. Несомненно, да.

Помимо вполне осязаемой двери, были и другие, менее деревянные преграды. Мужчина должен был беречь свою virtus, а женщина – репутацию целомудренной особы. Свободнорождённая римлянка могла потерять очень многое из-за неосмотрительной сексуальной связи или даже одного только слуха о ней. Это вовсе не означает, что подобные связи не случались, – мы уже видели обратное и ещё вернёмся к этой теме. Но роман со свободнорождённой давался куда труднее, чем с женщиной попроще.

Свободнорождённые, независимо от пола, пользовались особыми правами, в том числе защитой законов о stuprum. Но, возможно, именно эта недоступность делала запретную любовь ещё более возбуждающей. У Марциала есть язвительная эпиграмма, обращённая к некоему Цецилиану. Его жена никого не интересовала, пока он не нанял охранника для собственного дома – одного из тех самых стражей, из-за которых Овидий проливал слёзы. И тут же вокруг неё собралась целая толпа поклонников.

Но если свободнорождённые женщины так надёжно защищены, как же римлянину за ними ухаживать? Передадим слово Публию Овидию Назону – поэту I века н. э. и знаменитому изгнаннику, которого мы в последний раз видели за советами по уходу за собой. Интересы Овидия не ограничивались подмышками и румянами: он охотно советовал и в делах любовных, этакий глянцевый журнал античного мира.[7]

В «Науке любви» поэт подробно излагает свой, как он уверяет, испытанный способ покорять женщин. Сразу предупреждаю: собирать родню и торговаться о приданом он не предлагает.

Несмотря на докучные законы о нравственности и общественные ожидания, реальность, очевидно, была иной. Есть основания полагать, что римлянки вовсе не были недоступными затворницами за вечной пряжей, к которым не смел прикоснуться никто, кроме отца или мужа. Одна из этих причин

– само существование римской любовной поэзии, которую одна моя знакомая из Twitter как-то назвала «нытьём в стихотворном размере». Это жанр о том, как мужчина любит женщину, добивается её, завоёвывает – и горько жалеет о победе, потому что избранница оказывается сущим кошмаром и безжалостно топчет его нежное сердце своими лучшими сандалиями на высоком каблуке.

За пределами любовной поэзии остроумный сочинитель эпиграмм Марциал, похоже, без особого труда находил женщин на улицах Рима. Да и злобные тирады вечного ворчуна Ювенала о женских нравах не были бы сатирой, если бы женщины и правда проводили дни за пряжей и примерным ведением хозяйства.

В одной из следующих глав мы познакомимся с женщинами, которые по-настоящему разрушали привычные представления о благопристойности и своими скандалами доводили городских сплетников до изнеможения. А пока устроимся поудобнее у ног дядюшки Овидия и послушаем его советы по искусству соблазнения. Свою школу любви он открывает заявлением: «Кто в этом городе ещё не владеет искусством любви, пусть прочтёт эту книгу и научится у мастера».

Но не будем спешить объявлять Овидия великим мастером, пока не узнаем, что он предлагает. Начнём с лучших советов о том, как найти женщину мечты. Первый поистине великолепен: «Она ведь не свалится к тебе с неба! Подходящую девушку надо искать – так смотри по сторонам».

Что, пожалуй, многое говорит об умственных способностях его аудитории. Дальше Овидий пускается в пространное сравнение любовных поисков с охотой – звучит благородно, вдохновляюще и наверняка воспламеняет юношу, снедаемого желанием. Но весь эпический размах тут же испаряется, когда следующий раздел оказывается озаглавлен: «Ищи, когда гуляешь». Похоже, ребята, копьё и охотничью сеть можно оставить дома.

Впрочем, не будем слишком строги к Овидию: в Древнем Риме познакомиться с привлекательной свободнорождённой женщиной было куда сложнее, чем сегодня. Таверн и харчевен в городе хватало, но женщину из круга Овидия там не встретишь – нравы там царили такие грубые, что императоры время от времени закрывали все харчевни разом, чтобы дать передышку городским когортам, без конца разнимавшим драки.

Где же тогда знакомиться с женщинами? В разделе, посвящённом прогулкам по городу, Овидий предлагает несколько вариантов. Среди них – колоннады театра Помпея: вероятно, за колонной можно было уединиться. Упоминаются также театр Марцелла, портик Ливии, святилище Адониса и храм Исиды. Только не забудьте надеть удобные сандалии: расстояние от театров Помпея и Марцелла до портика Ливии составляет около 1,7 километра, а оттуда до храма Исиды придётся пройти ещё 1,8 километра. Вроде бы немного, но в жаркий день, продираясь сквозь толпы перенаселённого Рима, быстро устанешь. А ведь ещё нужны силы на сами овидиевы приёмы соблазнения.

Где же ещё, кроме улиц, искать прекрасный пол? На гонках колесниц. Овидий объясняет, что скамьи для зрителей расположены так близко друг к другу, что сидящие буквально прижимаются телами. Остаётся лишь позаботиться о том, чтобы на всё время состязаний оказаться зажатым рядом с привлекательной дамой.

Устроившись, можно пустить в ход убийственную первую фразу от Овидия: «А это чья команда?» Для пущего эффекта спрашивать надо с самым искренним видом и, надо думать, с некоторой придурковатостью: ведь команды различались по цветам – красные, зелёные, синие и белые, – и все участники носили одежды соответствующих цветов. Хотя, возможно, притворная наивность входила в хитрый замысел – усыпить бдительность дамы перед следующим советом, который уже граничит с откровенным домогательством.

Поэт рекомендует смахнуть с груди соседки воображаемую пылинку. Приподнять край её платья под предлогом, что он может испачкаться в грязи. Поправить подставку для ног или подушку, на которой она сидит, причём делать это, как подчёркивает Овидий, следует ловкими прикосновениями. Подозреваю, что речь о весьма искусном ощупывании ягодиц.

Заезд длился семь кругов, а заездов в день бывало до двадцати четырёх, так что времени на ухаживания у учеников Овидия хватало. Если дама выдержит такое долгое внимание и не влепит вам пощёчину, вы, наверное, и правда созданы друг для друга.

Ещё одним прекрасным местом для знакомства с женщинами Овидий считал гладиаторские игры.[8] Тут он советует подробно комментировать соседке происходящее, ничуть не заботясь о точности, – а то и выдумывать всё от начала до конца. Выйдет либо очаровательная фантазия, либо сущая чепуха, смотря по вашему обаянию или его отсутствию. Оставим без внимания снисходительную мысль, будто женщины сами не разберутся, что творится на арене.

Ещё одно место для настойчивых ухаживаний, по Овидию, – пиры, главным образом потому, что там много пьют. Или, как он выражается с присущим ему изяществом: «Вино разжигает пламя страсти в душе, а заботы тают и исчезают в полной чаше». Правда, поэт тут же предупреждает об осторожности: «Ночь и вино искажают твой взгляд на красоту».[9] Должно быть, это одно из самых ранних упоминаний чудесного свойства алкоголя делать окружающих краше.

Театр, по мнению Овидия, тоже был прекрасным местом для поисков возлюбленной – как для длительных отношений, так и для мимолётного приключения. Как несколько зловеще выражается наш наставник, здесь найдёшь и игрушку на вечер, и радость на всю жизнь. Душевным волнением зрителей непременно стоит воспользоваться.

Правда, тут Овидия могло ждать разочарование. По словам Ювенала, женщины в театре мечтали соблазнить не соседей по зрительским местам, а самих актёров. У тех было огромное преимущество – волшебный ореол славы, и пользовались они им, судя по всему, без стеснения: Ювенал утверждает, что

поклонницы даже собирали вещи на память о любимых артистах. Актёры были так неотразимы, что у иных зрительниц их игра вызывала весьма конфузные телесные реакции: «Когда гибкий Батилл танцует пантомиму о Леде, Туция теряет власть над мочевым пузырём, а Апула издаёт пронзительные, надоедливые вскрики, словно предаётся любви».[10]

Помимо прогулок по людным местам, штудирования «Науки любви» и репетиций фразы «А это чья команда?» с нужной долей искренней придурковатости, знакомиться можно было и прямо на работе. Если, конечно, вы адвокат.

Овидий советует адвокатам использовать своё положение для активного флирта на рабочем месте, бросая многозначительные, соблазнительные взгляды на привлекательных женщин, присутствующих на судебном заседании. Остаётся надеяться, что о клиентах они при этом не забывали. Правда, судебная речь в Риме могла длиться до семи часов – трудно представить, сколько выразительных взглядов пришлось бы бросить за это время, не повторяясь.

Куда приятнее совет Овидия отправиться в Байи – необычайно модный курорт на берегу нынешнего Неаполитанского залива, судя по всему, совершенно восхитительный. Об этом говорит, в частности, очередное нравоучительное письмо Сенеки, где философ беспощадно его бранит: «Следует выбирать места для проживания, благоприятные не только для тела, но и для характера».[11]

Особенно возмущали Сенеку пьяные гуляки, бродившие по пляжам, «ночные серенады» – вероятнее всего, обычное пьяное пение – и лодочные пирушки с развратными женщинами. Другу, несчастному адресату бесконечных писем, Сенека настойчиво советовал «выбирать строгое и чистое место для жизни» – то есть никак не Байи, где сам Сенека тем не менее почему-то оказался. Видимо, философ полагал, что его стойкость устоит перед здешними соблазнами, и наезжал туда снова и снова исключительно ради проверки: всё ли так же развратен курорт, как прежде?

Байи пользовались весьма определённой репутацией. Говорили, что туда отправляются старики, чтобы снова стать юношами, а юноши – чтобы превратиться в девушек. Марциал язвительно замечал, что женщина приезжала в Байи Пенелопой, а возвращалась Еленой.[12] Слава курорта, способного развратить самую невинную гостью, приводила Проперция в отчаяние, когда его возлюбленная Кинфия, с которой они то сходились, то расставались, отправилась туда отдыхать. Поэт сокрушался, что Байи губительны для целомудренных девушек, хотя сама Кинфия, к величайшему огорчению Проперция, вовсе не отличалась целомудрием. Впрочем, для ваших шансов на курортный роман всё это звучит обнадёживающе. Ведёрко и лопатку можете не брать: до песочных замков дело не дойдёт – всё время займут развратные дамы на лодках.

Итак, подведём итоги. Женщин следует искать в общественных местах. Садитесь рядом с понравившейся дамой и заводите разговор, притворяясь искренне неосведомлённым. Если уверены в себе, можете сочинить какую-нибудь невероятную историю. Вино и сильные эмоции работают на вас. Пользуйтесь теснотой, чтобы под благовидным предлогом прикасаться к даме, не давая ей повода возмутиться. А если всё это слишком хлопотно – езжайте на побережье, где все вечно пьяны и готовы к приключениям. Удачи!

Помимо сомнительных советов Овидия, хорошим местом для знакомств, похоже, были званые пиры. Во всяком случае, Октавиан этим весьма успешно воспользовался: именно на пиру он впервые познакомился с Ливией, своей будущей супругой, с которой прожил более пятидесяти лет. Если верить скандальному слуху, который распускал Марк Антоний, прямо посреди застолья Октавиан увёл Ливию из пиршественного зала в спальню. Вернулась она «с растрёпанными волосами и пылающими ушами».[13] Стоит заметить, что пир происходил в доме самой Ливии и её тогдашнего мужа Тиберия. Впрочем, мужем он оставался недолго.

Октавиан был далеко не единственным, кто терял голову на пирах. Ювенал описывал воздействие на гостей приглашённых танцовщиц, чьи соблазнительно извивающиеся ягодицы, как утверждал сатирик, разжигали страсть и у мужчин, и у женщин.

Императорские пиры, разумеется, сулили особенно богатые развлечения. Нерон, например, предлагал гостям полюбоваться целой коллекцией диких животных. А налюбовавшись зверями, гости могли отправиться в бордели, нарочно выстроенные императором к празднеству.

Если же ваши вкусы иные, вам, вероятно, пришёлся бы по душе роскошный пир Луция Вера, необычайно щедрого императора, осыпавшего гостей подарками. Среди них были золотые кубки, украшенные драгоценными камнями, сосуды из александрийского хрусталя, несезонные цветы и даже «прекрасные юноши, прислуживавшие за столом: каждому гостю был подарен один из них».[14] В придачу гостям доставались и рабы, разделывавшие мясо, – чтобы при желании повторить великолепный вечер у себя дома.

Если же по какой-то непостижимой причине вы не вращались в таких блистательных кругах, шанс познакомиться с привлекательной женщиной всё равно оставался: достаточно было найти работу, открывавшую доступ в дома знатных римлянок. С законным поводом бывать в доме сквозь запертую дверь можно было проходить почти как призрак. Скажем, профессия учителя музыки сулила прекрасные перспективы. Во всяком случае, Ювенал был убеждён, что все учителя музыки спят со своими ученицами. Правда, Ювенал столь же твёрдо верил, будто женщины поголовно вступают в сексуальные отношения со своими евнухами, что, не говоря уж о сомнительной физиологической осуществимости, несколько подрывает доверие к его словам.

Если все эти ухаживания кажутся вам слишком утомительными, ненадёжными да ещё и чреватыми неприятностями с законом, возможно, вы предпочтёте остаться дома и заняться сексом со своим рабом или рабыней.[15]

Глава 8

Переходим к делу: секс

Мы поговорили о языке, пробежались по четырём векам римских законов о нравственности, рассмотрели мужские и женские идеалы характера и внешности и выяснили, как римляне искали себе возлюбленных. Пора переходить к делу – к самому сексу.

К этой главе вы наверняка уже убедились, что римляне ничуть не стеснялись говорить о сексе – даже когда хвастаться было нечем. Взять хотя бы беднягу Плиния Старшего, чья любовная жизнь, похоже, не задалась: «Все прочие животные получают удовольствие от совокупления; один лишь человек почти лишён его».[1] Так что свидетельств о том, какой секс считался хорошим, какой плохим, а какой и вовсе недопустимым, у нас достаточно. Но начнём с самого начала – с первого сексуального опыта.

Первый сексуальный опыт, или Девственность

«Человек – единственное животное, чей первый опыт совокупления сопровождается сожалением». Так утверждал Плиний Старший. Остаётся предположить, что девственности он лишился весьма неудачно, и с тех пор так всю жизнь и не везло.

К девственности римляне относились совсем не так, как относилось бы христианское общество. При обычае разводиться и вступать в новый брак девственность вовсе не была условием замужества – даже для императриц: Ливия прежде была замужем за другим мужчиной до брака с Августом, Агриппина – до брака с Клавдием, Поппея – до брака с Нероном. И этот перечень можно продолжить.

Вспомним также добродетельных героинь того самого золотого века. Вергиния была девственницей, тогда как Лукреция и Клавдия Квинта – замужними женщинами. Значит, девственность сама по себе особой добродетелью не считалась. Женщину возвышали целомудрие, материнство и верность нравам мифического золотого века.

Девственность обсуждали и медики – прежде всего с точки зрения её пользы или вреда для здоровья. Считалось, что половой акт увлажняет матку, а без этого она становится сухой и болезненной. Плиний Старший утверждал, что сексуальные отношения способны облегчать боли в нижней части тела, а также помогать при ухудшении зрения, нарушениях душевного равновесия и подавленном настроении.

В своём труде по гинекологии Соран подробно рассматривает преимущества и недостатки сохранения девственности. Никакой морали тут нет:

врача интересует лишь, полезно ли женскому организму долгое воздержание. В пользу девственности он приводит следующие соображения: беременность и роды истощают женское тело, сексуальное желание отнимает жизненные силы, а женщины, посвятившие себя религиозному служению, требующему сохранения девственности, отличаются большей крепостью организма и меньшей подверженностью болезням.

Но у воздержания, по мнению Сорана, были и недостатки. Девственницы вовсе не свободны от сексуального желания и могут тяжело страдать из-за невозможности его удовлетворить. Кроме того, считалось, что половой акт расслабляет женское тело, особенно матку, благодаря чему менструации протекают легче. Соран утверждал, что девственницы нередко испытывают серьёзные менструальные расстройства, и ссылался на то, что у женщин, вновь выходящих замуж после долгого вдовства, месячные часто становятся обильнее и регулярнее.

Решительно ни на чью сторону Соран так и не встаёт. Он лишь заключает, что для одних женщин девственность может оказаться источником страданий, тогда как здоровье других, напротив, укрепляется благодаря воздержанию. Что касается подходящего возраста для первого полового акта, тут он вполне определённен: каковы бы ни были её желания, девушка должна дождаться первых месячных. По наблюдениям Сорана, это обычно происходит примерно в четырнадцать лет, и именно такой возраст он считает наиболее благоприятным для начала сексуальной жизни. При этом врач предупреждает, что чрезмерно долгое сохранение девственности способно повредить здоровью. Минимальный брачный возраст, установленный при Августе, составлял двенадцать лет для девочек и четырнадцать для мальчиков. Большинство девушек впервые выходили замуж между двенадцатью и пятнадцатью годами, что приблизительно соответствовало рекомендациям Сорана.

Любопытно, что Соран вообще отрицал существование девственной плевы: «Ошибочно полагать, будто поперёк влагалища натянута тонкая перепонка, разделяющая его, и что её разрыв при лишении девственности причиняет боль».[2] Вместо этого врач предполагал, что во влагалище девственниц имеются складки и кровеносные сосуды, которые повреждаются при растяжении во время первого полового акта.

Хороший секс

Как мы видели, секс считался полезным для здоровья и даже мог быть прописан врачом. В медицинских сочинениях упоминается случай больной женщины, недуг которой врачи единодушно объяснили слишком продолжительным вдовством. Рецепт был прост: поскорее выйти замуж и, надо думать, заниматься сексом утром, днём и вечером. Секс, словом, считался средством от самых разных недугов. Правда, нигде не уточняется, должен ли лечебный секс быть ещё и хорошим.

В Риме секс не относился к тем сторонам жизни, которые следовало скрывать и о которых было неприлично говорить. Напротив, он занимал заметное место в общественных разговорах, включая обсуждение того, что именно делает секс хорошим. Но сперва вернёмся к старому знакомому Марциалу, который с неизменным удовольствием подробно перечислял всё, что ему не нравилось в постели.

Избавлю вас от всех его сетований и перечислю главное. Марциал не любил, когда его просили задержать оргазм, называли «мышонком» или «драгоценным возлюбленным», слишком энергично стимулировали рукой, лежали во время секса неподвижно или отказывались от анальных сношений.[3] Кроме того, он посвятил целое стихотворение раздражавшим его звукам, которые издавало влагалище партнёрши. Добавим и это к списку. Словом, Марциалу нравились раскованные партнёры, готовые делать ровно то, что нравилось ему.

Куда больше о том, что римляне считали хорошим сексом, рассказывает всё та же «Наука любви», где Овидий даёт советы и мужчинам, и женщинам. Позам он уделяет сравнительно мало места – разве что советует женщинам выбирать ту, что выгоднее подчёркивает фигуру. Вот, например, превосходный совет тем, чей живот после родов утратил былую упругость: предпочитайте положение сзади.

Но гораздо интереснее другое – особое внимание, которое поэт уделяет взаимному удовольствию:

> Не позволяй стыдливости удерживать тебя от ласк.
> Ты увидишь, как её глаза затрепещут влажным блеском,
> Подобно солнечным лучам, играющим на бегущей воде.
> Раздадутся стоны и нежный любовный шёпот,
> Сладостные вздохи, игривые и уместные слова.[4]

Овидий подчёркивает, что любовнику не следует торопиться: наслаждение требует времени. В обществе столь откровенного мужского господства трудно ожидать особой заботы о женском удовольствии. И всё же Овидий посвящает немало строк женскому оргазму, рассматривая его как желательную составляющую хорошего секса. Для него любовные отношения – это союз двух людей: «Полнота наслаждения наступает тогда, когда мужчина и женщина лежат рядом, одинаково истомлённые любовью».

О том, что женщины испытывают удовольствие от секса, говорится и в сочинениях Гиппократова корпуса. Их авторы отмечают, что с началом полового акта женщина ощущает наслаждение, продолжающееся до мужского семяизвержения, и сама также способна достичь оргазма. Соран полагал, что зачатие даётся легче, если женщина сильно желает близости, – проще говоря, возбуждена.

Авторы Гиппократова корпуса считали, что мужчины получают от секса более сильное удовольствие, поскольку их роль в половом акте активнее и

требует больших физических усилий. Однако они признавали, что женское наслаждение продолжается дольше. Но бытовало и стойкое убеждение, что женщины вообще получают от секса больше удовольствия, – ярче всего оно видно в истории Тиресия.

Познавший оба мира: Тиресий

Царь богов Юпитер однажды вступил в спор со своей супругой Юноной о том, кто получает больше удовольствия от секса – мужчины или женщины. Юпитер был убеждён, что женщины, но Юнона решительно это отрицала. Чтобы разрешить спор, они призвали Тиресия. Почему его? Потому что Тиресий успел пожить и мужчиной, и женщиной, а значит, единственный мог ответить со знанием дела.

Превратился Тиресий совершенно неожиданно. Однажды он наткнулся на двух спаривающихся змей, и это зрелище почему-то привело его в ярость. Он принялся бить змей палкой, чем, в свою очередь, разгневал богиню Юнону. В наказание она превратила его в женщину. Следующие семь лет Тиресий прожил в женском облике и даже успел родить нескольких детей.

Освоившись в женской роли, Тиресий снова наткнулся на влюблённых змей, но на сей раз благоразумно не тронул их – и тотчас снова стал мужчиной.[5]

Мифы полны поучений: не следует слишком зазнаваться – это гордыня; не стоит считать себя равным богам – это высокомерие; не нужно вступать в любовную связь с Юпитером – это попросту глупость. Добавим ещё одно правило: у змей тоже есть право на личную жизнь, так что оставьте их в покое.

Тиресий подтвердил подозрения Юпитера: женщины действительно получают от секса больше удовольствия. За честный ответ разгневанная богиня его ослепила. Сочувствующий Юпитер попытался смягчить наказание, наделив Тиресия даром пророчества. Утешение, прямо скажем, сомнительное: пророку то и дело приходится говорить людям то, чего они слышать не хотят, – а ведь именно за это он и ослеп.

Страх, что женщины получают от секса больше удовольствия, несомненно, сказывался на том, как их изображали античные авторы. В источниках постоянно возникает образ женщины с ненасытным сексуальным аппетитом. Взять хотя бы императрицу Мессалину, о которой мы подробнее поговорим в одной из следующих глав. Кассий Дион называл её «прелюбодейкой и блудницей». Между тем едва ли вы найдёте у того же Диона подобные определения в отношении Августа или Юлия Цезаря, хотя оба неоднократно совершали супружеские измены.

У Ювенала Мессалина совершенно ненасытна: ночь напролёт она обслуживает мужчин как проститутка, и ей всё мало. Его сатиры переполнены столь же неутомимыми женщинами, пытающимися соблазнить актёров, учителей музыки и даже евнухов. Вероятно, страх перед тем, что женское сексуальное желание сильнее мужского, лежал в основе многих ограничений,

налагавшихся на женщин. Их влечению нельзя доверять – значит, за ними нужен присмотр.

Против природы, закона и обычая: недопустимый секс

Мы рассмотрели представления о хорошем и допустимом сексе, в том числе о важности взаимного удовольствия. Теперь зададим другой вопрос: какие сексуальные отношения считались недопустимыми?

К счастью, есть книга, которая помогает ответить, – не пособие по сексу и не сборник откровенных стихов вроде Марциала или Овидия, а сонник. Артемидор был греком, жившим в Римской империи во II веке н. э. Толкователь снов, он собрал обширные познания, путешествуя и расспрашивая людей о том, что им снится.

Его «Онейрокритика», или «Толкование сновидений», позволяет удивительно глубоко заглянуть в сознание обычных людей и понять общество, в котором они жили. К тому же по ней удобно толковать и свои сны. Только осторожнее: Артемидор не церемонится и может без обиняков сообщить, что ваш самый приятный сон предвещает скорую казнь за преступление. Целую главу Артемидор посвящает половым отношениям, разделяя их на три категории:

Половые отношения, соответствующие природе, закону и обычаю.

Половые отношения, противоречащие закону.

Половые отношения, противоречащие природе.

К первой категории Артемидор относит секс с собственной женой, с проститутками, со своими рабами, со знакомой женщиной, а также мастурбацию. Во вторую, объединяющую действия, противоречащие закону, входят многочисленные и весьма неприятные сновидения об инцесте. Но то, как Артемидор их классифицирует, очень показательно. В разделе, посвящённом сновидениям о сексуальных отношениях с матерью, он замечает: «Последствия таких снов различаются в зависимости от способов телесного соединения и принимаемых положений».[6]

Дальше идёт подробный перечень поз по шкале от просто дурных до сулящих сновидцу настоящую катастрофу. Читать это неприятно – сомневаюсь, что кто-то обойдётся без брезгливой гримасы. Но глава исключительно интересна: это систематический перечень поз, считавшихся при Артемидоре более или менее допустимыми.

Первой Артемидор упоминает обычную миссионерскую позу, «которую некоторые называют положением согласно природе». Если кому интересно, такой сон о матери считался весьма благоприятным для ремесленников и людей физического труда.

Следующей в этом своеобразном перечне сексуальных отношений с матерью[7] – и уже в области значительно более зловещих предсказаний – идёт поза, при которой мать, по выражению Артемидора, «подставляет зад». Будем считать, что он подразумевает анальный секс. Далее следует половой акт стоя,

затем – с матерью, стоящей на коленях, то есть вагинальный секс сзади, либо лежащей на животе. Два последних положения предвещают полное разорение. Но и это ещё не самое страшное. Сон, в котором мать находится сверху – в позе, которую Артемидор называет «всадницей», – предсказывает смерть самого сновидца.

Особенно возмущает Артемидора сон, где все эти позы сменяют друг друга в долгом марафоне. Похоже, сам толкователь был твёрдым приверженцем миссионерской позы как единственно правильной. Он замечает: «Для мужчин существует определённое положение – лицом к лицу; все прочие они изобрели, дав волю злоупотреблениям и похоти».[8] Невольно спрашиваешь себя, не слишком ли его собственные вкусы влияли на толкования.

На самом дне этой шкалы разврата находится сон, в котором мать совершает сновидцу фелляцию. Он предвещает смерть детей, потерю всего имущества и, в довершение несчастий, тяжёлую болезнь самого сновидца. Впрочем, бывает и хуже: Артемидор жизнерадостно добавляет: «Я знаю человека, которого после такого сна оскопили». Вот ужас! А ведь нам ещё предстоит рассмотреть категорию снов «против природы».

Если коротко, противоестественными Артемидор считал сны о половом акте с самим собой или собственной фелляции, о проникновении в другую женщину, о сексе с богом или богиней, а также о некрофилии и скотоложстве. Думаю, в последние разделы углубляться незачем – довольно знать, что каждый такой сон сулил ужасные беды.

Артемидор подтверждает многое из того, что мы уже узнали о римских представлениях о сексе, но с одной важной оговоркой: все его толкования в этом разделе адресованы исключительно мужчинам. Они многое говорят о том, какой сексуальной свободой пользовались римские мужчины. Например, отношения с проститутками и рабами признавались соответствующими природе, закону и обычаю. В разделе, посвящённом сексу с рабами, Артемидор вновь проводит уже знакомое нам различие между активной и пассивной ролью. Сон, в котором мужчина проникает в раба или рабыню, считается благоприятным, тогда как сон, в котором раб совершает проникновение в хозяина, предвещает несчастье.

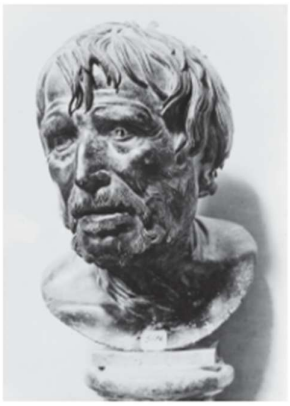
Перечень поз Артемидора и его явная любовь к миссионерской позе весьма интересны. Не менее любопытно недоумение толкователя перед рассказами двух клиентов, которым приснилось, что они совершают куннилингус своим жёнам и получают от них фелляцию, но после этого с ними не произошло ничего дурного. Впрочем, Артемидор быстро нашёл объяснение: оба регулярно практиковали такие ласки. «Поэтому неудивительно, что с ними ничего не случилось: во сне они лишь видели то, что обычно доставляло им возбуждение»,[9] – с удовлетворением заключил он.

Этот случай показывает, что представления Артемидора о противоестественном и противозаконном сексуальном поведении разделяли

далеко не все его современники. А может быть, они их вполне разделяли – но как раз нарушение запретов и придавало удовольствию остроту.

Иллюстрации к книге «Секс и сексуальность в Древнем Риме»

1. Главный блюститель римской нравственности — император Август.
Wellcome Collection; фотографическая открытка, общественное достояние.



2. Философ-стоик Сенека, наставник императора Нерона.
Wellcome Collection; лицензия CC BY 4.0.

3. Табуларий на Капитолийском холме в Риме, где вносили в списки новых граждан города.
Грэм Фергюсон / Shutterstock.

4. Образец богато украшенной буллы – амулета, который носили римские мальчики.
Метрополитен-музей.

5. Изображение изнасилования Лукреции, ставшего причиной свержения римской монархии; гравюра XVI века.
Гравюра К. Корта по Тициану, 1571; Wellcome Collection, CC BY 4.0.

6. Весталку Тукцию испытывают: она несёт воду в решете, доказывая своё целомудрие.
Офорт П. У. Томкинса по картине Дж. Рейнолдса, 1798; Wellcome Collection, CC BY 4.0.

7. «Спящий Гермафродит».
Офорт К. Гриньона по Р. Далтону, 1744; Wellcome Collection, CC BY 4.0.

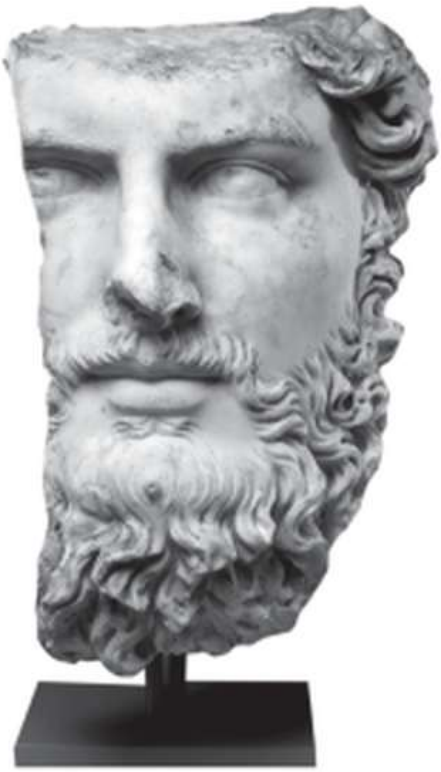
8. Терракотовая статуэтка танцующего юноши.
Метрополитен-музей.

9. Флавия Юлия, дочь императора Тита.
Старинная гравированная иллюстрация; Morphant Creation / Shutterstock.

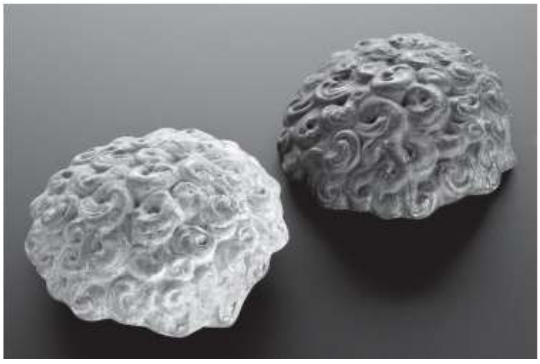
10. Marble portrait of Matidia.

10. Мраморный портрет Матидии.
Метрополитен-музей.

11. Юлия Домна, супруга Септимия Севера, с характерной причёской своего времени.
Музей классической археологии, Кембридж, № 537; оригинал: Капитолийские музеи, Рим, инв. № 280.



12. Мраморный портрет соправителя императора Марка Аврелия – Луция Вера. *Метрополитен-музей.*



13. Римское терракотовое вотивное изображение волосистой части головы. 200 г. до н. э. – 200 г. н. э. (Музей науки, Лондон. Лицензия CC BY 4.0.)

14. Глиняное обожжённое вотивное изображение вульвы. Древний Рим. (Коллекция Уэллкома (Wellcome Collection). Лицензия CC BY 4.0.)

15. Глиняное обожжённое вотивное изображение матки. Древний Рим. (Коллекция Уэллкома (Wellcome Collection). Лицензия CC BY 4.0.)

16. Три римских вотивных изображения пениса. (Коллекция Уэллкома (Wellcome Collection). Лицензия CC BY 4.0.)

17. Мраморная статуя так называемого атлета Стефаноса. (Метрополитен-музей, Нью-Йорк.)

18. Римские хирургические инструменты: крючок для извлечения эмбриона и инструмент для декапитации. (Коллекция Уэллкома (Wellcome Collection). Лицензия CC BY 4.0.)

19. Копия влагалищного зеркала. Европа, 1901–1939 гг. (Коллекция Уэллкома (Wellcome Collection). Лицензия CC BY 4.0.)

20. Памятник римскому поэту Гаю Валерию Катуллу. Сирмионе, озеро Гарда, Италия. (Фотография: Shutterstock.)

21. «Венера и Амур». Лоренцо Лотто (Италия, около 1480–1556), Лорето. (Предоставлено Метрополитен-музеем, Нью-Йорк.)

22. Константин Великий, жена и сын которого погибли при загадочных обстоятельствах.
Метрополитен-музей.

23. Беломраморный бюст Антиноя, любимца императора Адриана, которого почитали в образе Диониса; здесь он представлен юношей.
Коллекция Уэллкома. Лицензия CC BY 4.0.

24. Антиной в образе Диониса. Гипсовый слепок.
Музей классической археологии, Кембридж, № 470. Оригинал: Рим, Музеи Ватикана, Зал Ротонда, инв. № 540.

25. Portrait bust of Hadrian, plaster cast. (*Museum of Classical Archaeology, Cambridge no. 531. (Original: Rome, Vatican Museum*

25. Портретный бюст Адриана. Гипсовый слепок.
Музей классической археологии, Кембридж, № 531. Оригинал: Рим, Музеи Ватикана, инв. № 1230 (ранее – Музей Кьярамонти, № 392).

26. Image from the famous Warren Cup, now in the British Museum. (*Permission for use granted by the trustees of the British Museum*)

26. Изображение на знаменитом кубке Уоррена, ныне хранящемся в Британском музее.
Воспроизведено с разрешения попечителей Британского музея.

27. The enterprising Caligula, who set up a brothel in the palace. (*Metropolitan Museum*

27. Предприимчивый Калигула, устроивший бордель в собственном дворце.
Метрополитен-музей.

28. Сувенир на гладиаторскую тему – стеклянный кубок.
Метрополитен-музей.

29. Приап: мужчина взвешивает свои половые органы на весах.
Коллекция Уэллкома. Гравюра, до 1900 года; общественное достояние.

30. Весьма внушительный подвесной фаллос из Помпей.
Коллекция Уэллкома. Лицензия CC BY 4.0.

31. Фаллический знак из помпейского дома. Надпись означает: «Здесь обитает счастье».
Греко-римский бронзовый фаллический амулет. Коллекция Уэллкома. Лицензия CC BY 4.0.

32. Гипсовая копия оригинальной композиции с фаллосом.
Коллекция Уэллкома. Лицензия CC BY 4.0.

33. Одно из многочисленных изображений пениса на мостовой Помпей. Неужели такие знаки указывали посетителям дорогу к ближайшему борделю?
Scames / Shutterstock.

34. Вилла Юпитера на острове Капри, где Тиберий, по слухам, предавался всевозможным порокам.
Wikimedia Commons.

35. Молодой Коммод с невинным выражением лица.
Коллекция Уэллкома. Лицензия CC BY 4.0.

36. Безобидная на вид бутылочка для благовоний, которые обвиняли в разложении римских нравов. I век н. э.
Метрополитен-музей.

Глава 9

Сексуальные проблемы и способы их решения

В прошлой главе речь шла о самом сексе – о том, что римляне считали в нём хорошим и плохим. Теперь заглянем глубже и поговорим о связанных с ним бедах: контрацепции, абортах, импотенции и бесплодии. Но прежде выясним, что римляне вообще знали о различиях между мужчинами и женщинами.

Мужчины и женщины

Римский врач Гален имел совершенно определённое представление о различиях между полами: «Женская природа по своей сущности холоднее мужской, и женщины по большей части пребывают дома».[1] Ещё женщин считали влажными и пористыми, что объясняло обилие выделяемых ими жидкостей – менструальной крови, влагалищных выделений и грудного молока. Мужчины, напротив, отличались сухостью. Разумеется, быть сухим и тёплым считалось куда предпочтительнее, чем влажным и холодным. Впрочем, быть мужчиной и так было несравнимо лучше, чем женщиной.

Мужчина был нормой, образцом человека. Женщина же – существом низшего порядка, и не только из-за слабости, холода и влажности, но и по ещё более удивительной причине: считалось, что у неё есть все органы, нужные мужчине, только расположены они не там. Гален объяснял, что женские половые органы представляют собой мужские, обращённые внутрь тела: пенис превращается во влагалище, мошонка – в матку, а яички, согласно его анатомической модели, соответствуют яичникам. Словом, женщина – это мужчина, у которого что-то пошло не так. Возможно, поэтому римляне так охотно верили в перемену пола: органы-то, в сущности, одни и те же, просто в разных местах.

В соответствии с этими представлениями считалось также, что и мужчины, и женщины производят семя, а пол будущего ребёнка определяется относительной силой или слабостью соединяющегося семени. Если побеждает более сильное мужское семя, рождается мальчик; если преобладает слабое женское – девочка. Сила семени, в свою очередь, зависела от того, в какой части тела оно образовалось: сильные части тела производили сильное семя. Ребёнок должен был больше походить на того из родителей, чьё семя победило в этой схватке.

Как видите, медицина исправно подкрепляла существующий порядок и привычные мужские и женские роли. Но были и недуги, действительно свойственные лишь одному полу.

Для успешного полового акта требуется совсем немного: два человека, подходящее место и эрекция. Правда, с последним бывали сложности.

> И вот я обнимал её – напрасно: бессильно всё обмякло.
> Я лежал на ложе, словно немой укор самому себе.
> Хотя и я желал любви, и девушка желала того же,
> Истомлённая плоть моя не могла ответить на зов.[2]

Так признаётся поэт Овидий, и он был далеко не единственным, кто сталкивался с подобной проблемой. Гораций также посвятил целое стихотворение собственной неспособности достичь эрекции. Надо думать, в Древнем Риме импотенция переживалась особенно тяжело: в обществе с воинственным культом мужественности быть римлянином значило действовать, господствовать, проникать. А фаллосы-обереги на каждом шагу лишь усиливали чувство собственной несостоятельности. Артемидор, будто нарочно сыпля соль на рану, заявлял: «Само существование семьи зависит от пениса. Он олицетворяет физическую силу и мужественность».[3]

Как от женщин ждали детей, так и мужчины были обязаны обзаводиться потомством. Мы уже видели, что законы о нравственности и меры поощрения рождаемости распространялись на оба пола. Поэтому импотенция представляла собой серьёзную проблему. Как же римляне с ней боролись?

Гораций и Овидий по-разному объясняли причины своих неудач. Не слишком галантный Гораций валил всё на непривлекательность подруги: «Её влажные притирания и размалёванное лицо, покрытое краской из крокодильего помёта, никак не желали держаться».[4] Овидий же подозревал злой умысел – проклятие или колдовство, о котором мы ещё поговорим. В обоих случаях вывод один: виноват не я, виновата ты.

Угасание мужской силы мучило и императора Тиберия: говорили, что после семидесяти страсть его заметно ослабла. Чтобы её разжечь, он собрал огромную библиотеку эротики и предался сомнительному удовольствию подглядывать за чужими утехами. Впрочем, это куда приятнее совета Плиния Старшего семь раз окунуть ослиный пенис в горячее масло, а затем натирать им утративший твёрдость орган. Надеюсь, ослиному пенису всё-таки давали сперва остыть.

Плиний также сообщал: «Правая доля лёгкого стервятника, прикреплённая к телу с помощью журавлиной кожи, оказывает на мужчин сильное возбуждающее действие».[5] Если раздобыть и разделать стервятника было слишком хлопотно, имелся вариант попроще: яичко петуха – непременно правое, – которое следовало прикрепить к телу с помощью бараньей шкуры. Правда, как птичьи яички в наряде возлюбленного действовали на желание женщины, Плиний не сообщает.

Пожалуй, наименее пугающее из плиниевых средств для эрекции – смесь желтков шести голубиных яиц со свиным салом. На фоне лёгких стервятника и ослиных пенисов она кажется почти аппетитной!

Женская истерия

Античная медицина прежде всего стремилась восстанавливать равновесие в организме, а у женщин особое внимание привлекала беспокойная матка. Считалось, что матка способна свободно перемещаться по телу, прикрепляться к другим органам и тем самым вызывать различные заболевания.

Одним из недугов, которым, по представлениям древних врачей, страдали исключительно женщины, была так называемая истерия, или «истерическое удушье». К её основным симптомам относили затруднения дыхания и речи, а также нарушения чувствительности. Иногда к ним присоединялись боли в ногах и паховой области и даже судороги. Первопричиной считали всё ту же непослушную матку, покинувшую положенное ей место. Чтобы заставить её вернуться, использовали отвратительные запахи: например, дым горящих волос или шерсти, а иногда и обугленного оленьего рога. Этот дым направляли во влагалище, рассчитывая, что испуганная зловонием матка поспешит обратно на своё место. Надо думать, отступить подальше хотелось и всем присутствующим. Иногда врач использовал небольшую трубку, чтобы вдувать внутрь ещё больше воздуха.

Другим способом заставить матку переместиться считалось воздействие звуком. Флейта под барабан звучит не так уж плохо, особенно если пациентке перед этим советовали выпить вина. Правда, вино было с добавками – бобровой струёй и битумом. И всё же при известных обстоятельствах такое лечение могло даже успокаивать. Чего не скажешь о совете Ксенофонта бить друг о друга металлическими пластинами: после такого к истерии вполне могла прибавиться и мигрень.

Гинеколог Соран решительно отвергал все эти способы лечения и высказал, пожалуй, одну из самых разумных мыслей во всей античной медицине, касающейся женского здоровья: «Матка не выскакивает из своего убежища, словно дикое животное, которое привлекают приятные запахи и отпугивают дурные».[6] Более того, он пытался выявить другие причины истерии: «В большинстве случаев заболеванию предшествуют повторные выкидыши, преждевременные роды, длительное вдовство, задержка менструаций или завершение обычного детородного периода».[7] Это показательное наблюдение наводит на мысль, что «истерия» была не столько телесным недугом, сколько душевным состоянием. Главным средством лечения Соран считал покой: пациентку следовало уложить в тёплой комнате, дать ей отдохнуть и слегка обтереть лицо влажной губкой. Согласитесь, это бесконечно приятнее, чем дым палёной шерсти во влагалище под оглушительный звон металла над ухом.

Контрацепция

Древнеримские способы предотвращения беременности можно разделить на две группы: применявшиеся до полового акта и после него. В качестве средства, используемого до секса, рекомендовалось смазывать вход во влагалище оливковым маслом. Заодно, надо полагать, оно служило и смазкой. Во всяком случае, звучит приятнее, чем мёд, который тоже предлагали.

Свинцовые белила, способные разрушать кожу лица, находили применение и на других участках тела. Их смешивали с бальзамическим маслом и наносили на наружные половые органы. Среди других смесей, которым приписывали противозачаточные свойства, встречались поистине отвратительные составы: например, отваренные яички мула с соком ивы или помёт стервятника. Впрочем, действенность последнего средства вполне могла объясняться тем, что мужчина просто отказывался от женщины, вымазанной птичьим помётом.

В качестве ещё одного способа предлагались шерстяные влагалищные тампоны – пессарии. Тут был выбор: шерсть пропитывали мёдом или оливковым маслом – сравнительно безобидно – или крокодильим помётом, что вызывает куда меньше энтузиазма.

Встречались и совсем невероятные способы. Если вам мало звериных испражнений, то знайте: некоторые женщины носили при себе кусочек матки львицы, помещённый в трубочку из слоновой кости. Или – слабонервным лучше пропустить следующие строки – вскрывали голову определённого вида паука, извлекали оттуда двух крошечных червячков и привязывали их к собственному телу. Остаётся надеяться, что червячков прятали под одеждой, иначе они надёжно отбили бы всякое желание. А Плиний Старший сообщал, что аконит, нанесённый на срамные части девушки, через некоторое время её убивает. Что ж, в каком-то смысле тоже предохранение.

После полового акта все усилия направлялись на удаление семени из женского организма. Соран предлагал способ, надёжно исключавший не только зачатие, но и всякую романтику. Сразу после оргазма женщине рекомендовалось встать, присесть на корточки, чихнуть, тщательно вытереться, а затем выпить чего-нибудь холодного. Нужно быть поистине необыкновенным мужчиной, чтобы дождаться, пока возлюбленная допьёт свой ледяной напиток.

Для мужчин предлагалось другое средство: перед половым актом следовало наносить на пенис можжевеловый сок. Правда, Плиний советовал его также от перхоти и неприятной болячки на ресницах, так что стоило хорошенько подумать.

Аборт

Роды в античном мире представляли для женщин огромную опасность. Если что-то шло не так, врачи мало чем могли помочь. Надгробные надписи свидетельствуют о повышенной смертности женщин в возрасте от пятнадцати до

двадцати девяти лет – именно в те годы, когда они чаще всего рожали. Неудивительно, что некоторые женщины хотели ограничить число детей. Если предохранение не помогало, оставался аборт.

Клятва Гиппократа лежит в основе медицинской этики. Её давали врачи по окончании учёбы, принимая на себя нравственные обязательства, и многие её принципы не утратили значения и сегодня. Чаще всего вспоминают слова «не навреди», однако содержание клятвы этим не исчерпывается. Она, в частности, требует соблюдения врачебной тайны: «Всё, что я увижу или услышу при исполнении своих обязанностей или в частной жизни и что не должно становиться известным другим, я сохраню в тайне и никому не разглашу». Она также предписывает врачу не злоупотреблять доверием пациентов: «Я не воспользуюсь своим положением ради вступления в сексуальные отношения с женщинами или мужчинами».

В клятве содержится и другое положение: «Не дам женщине средства, вызывающего аборт». Казалось бы, отсюда следует, что аборты в античности строго осуждались. Но в других сочинениях Гиппократова корпуса есть рассказ о враче, который советует беременной проститутке прыгать вверх и вниз, чтобы вызвать изгнание плода.[8] Это противоречие беспокоило нашего знакомого Сорана. Он объяснял, что среди врачей сложились два направления: представители одного считали запрет, содержащийся в клятве, безусловным; другие допускали аборт при наличии серьёзных медицинских оснований. Правда, у проститутки из того рассказа никаких медицинских показаний, похоже, не было.

Тем не менее Соран подробно перечисляет способы прерывания уже наступившей беременности. Среди них – интенсивные физические упражнения, слабительные средства, верховая езда, втирание масла в тело, особенно в области лобка, ежедневные купания в пресной воде после небольшого количества вина и питание преимущественно тем, что Соран называет «едкой» пищей.

Если это не помогало, Соран предлагал меры решительнее. Ванну с пресной водой следовало заменить купанием в отваре льняного семени, пажитника, мальвы и полыни. Припарки становились ещё более устрашающими: один из составов включал бычью желчь и полынную настойку. Трудно даже вообразить такое лечение. Перед началом процедур пациентке советовали подолгу принимать ванны, воздерживаться от вина, мало есть и использовать смягчающие влагалищные свечи, приготовленные из желтушника, кардамона, серы, полыни, мирры и воды. Помимо этого, предусматривалось кровопускание. А амулеты и матки мулов Соран отвергал как чистое шарлатанство.

Знали римляне, очевидно, и хирургический аборт. Христианский писатель Тертуллиан упоминает инструмент, напоминающий крюк, которым извлекали из матки мёртвый плод. Он также говорит о медных иглах, применявшихся для аборта, называя подобное вмешательство тайным похищением жизни.[9] Таких бурных споров, как сегодня, аборты в Риме не вызывали, но были и их

решительные противники. Тертуллиан был одним из них. Другим являлся Овидий. «Та, что первой научила уничтожать нежный плод, заслуживала смерти от собственного жестокого искусства»,[10] – заявлял поэт после того, как его возлюбленная Коринна сделала аборт.

Овидий также подозревал, что некоторые женщины прерывают беременность лишь ради сохранения стройной фигуры. Ювенал, как и следовало ожидать, тоже относился к абортам с подозрением, полагая, что женщины прибегают к ним, чтобы избавиться от последствий супружеской измены. «Зачем подвергать своё чрево мучительным инструментам или давать смертельный яд ещё не родившемуся существу?» – вопрошал Овидий. Он замечал, что женщина, пытающаяся вызвать аборт, нередко погибает сама. И правда, процедура была смертельно опасной. Рассказывали, что Юлия Флавия, дочь императора Тита, умерла после искусственного прерывания беременности.[11]

Какие-то законы об абортах всё же принимались, но целью их было не запретить саму процедуру, а наказать торговцев опасными снадобьями, губившими и мать, и ребёнка. Не будем забывать: речь об обществе, где новорождённых нередко бросали умирать. Неотъемлемого права на жизнь – ни у детей, ни у нерождённых – оно не знало.

Плодовитость и бесплодие

Мы поговорили о том, как римляне предотвращали или прерывали беременность. А если женщина вовсе не могла забеременеть? Как мы уже отмечали, главной обязанностью женщины в римском обществе считалось рождение детей. Не иметь потомства означало не выполнить свой долг. Бесплодие служило достаточным основанием для развода. Например, император Нерон развёлся со своей первой женой Октавией, обвинив её в неспособности рожать. А помните Турию, о которой мы говорили в одной из предыдущих глав? Она сама предложила уступить место другой женщине, чтобы муж мог обзавестись детьми. Добавим к этому законы Августа о нравственности, предоставлявшие особые привилегии женщинам, родившим троих детей.

Нетрудно представить, под каким давлением жили римлянки, тем более что в бездетности винили всегда их. У врачей существовал целый перечень внешних признаков, по которым якобы можно было отличить плодовитую женщину от бесплодной. Женщины мужеподобного сложения, слишком крепкие или чересчур худые, а также обладательницы веснушек считались склонными к бесплодию. Но и чрезмерная полнота с избытком влаги, оказывается, тоже говорила о бесплодии. Часто краснеющие женщины попадали в ту же категорию: предполагалось, что жар, вызывающий румянец, высушивает семя. Плодовитых же женщин отличали хорошая работа кишечника и жизнерадостный нрав.

Были и другие способы проверить плодовитость. Диокл предлагал вводить во влагалище пессарий, изготовленный из смолы, руты, чеснока, лекарственных

трав и кориандра. Если женщина ощущала вкус этих веществ во рту, её считали плодовитой; если нет – бесплодной. Похожий опыт описывается в Гиппократовом корпусе. Женщину закутывали в плащ и жгли под ней благовония – разумеется, на безопасном расстоянии, чтобы плащ не загорелся. Если аромат проходил сквозь тело и достигал носа и рта, женщина признавалась способной к зачатию.

Соран лаконично подводил итог всем этим рассуждениям: «Всё это неверно». Он отмечал, что в его врачебной практике и полные, и худые женщины вполне успешно беременели. Его собственный способ был куда проще и, что особенно приятно, обходился без всяких вводимых в тело предметов: «Вообще следует выбирать женщину, у которой и тело, и матка находятся в нормальном состоянии».[12]

К сожалению, высказав здравую мысль, что основа плодовитости – хорошее здоровье, Соран тут же испортил впечатление пространным сравнением женщины с почвой, семенами и урожаем. Сделаем вид, что этого не было.

Насколько важно было материнство для самих женщин, видно по множеству снов, которые Артемидор толковал как предвестие детей. Он также подробно перечислял сны, благоприятные или неблагоприятные для бездетных людей. Уже само существование особой категории толкований для тех, кто не имел детей, весьма показательно.

Плодовитость занимала важное место и в религиозной жизни. Во время февральского праздника Луперкалий один из обрядов заключался в том, что полуобнажённые юноши, вооружённые ремнями, бегали по городу. Женщины нарочно подставляли руки под удары: считалось, что это избавляет от бесплодия. Храм Дианы в Неми служил местом паломничества как для беременных женщин, молившихся о благополучных родах, так и для тех, кто лишь надеялся зачать ребёнка. В храме обнаружено множество вотивных приношений, в том числе множество изображений маток, которые, вероятно, приносили с мольбой о помощи.

Помимо молитв богам, были ли медицинские способы повысить шансы на зачатие? Большое значение придавали выбору времени. Соран правильно отмечал, что период непосредственно после менструации особенно благоприятен для наступления беременности. Кроме того, он советовал вступать в половые отношения, когда женщина сама испытывает сильное желание, не переедать перед этим и, что особенно важно, избегать опьянения.

Правда, запрещал он вино совсем не по тем причинам, каких можно ждать, – и вовсе не из заботы о здоровье. Врач исходил из представления, будто душевное состояние женщины в момент зачатия способно повлиять на душу будущего ребёнка. В подтверждение он приводил случаи, когда женщины во время полового акта видели обезьян, после чего рожали детей, похожих на этих животных. По утверждению Сорана, вино вызывает причудливые фантазии и

лишает человека рассудка. Так что ради будущего ребёнка от вина лучше было воздержаться.

Заболевания, передающиеся половым путём

При той свободе, которой – пусть в известных рамках – пользовались римские мужчины в браке и вне его, при невероятных рассказах об интимной жизни иных императоров и без надёжных барьерных средств Древний Рим, казалось бы, должен был кишеть венерическими болезнями. Возможно, так и было. Но установить это чрезвычайно трудно.

Античные врачи совсем иначе представляли себе тело и его работу, иначе описывали физиологию, а о путях передачи болезней, в том числе половым путём, знали очень мало. Поэтому даже при наличии подробного перечня симптомов далеко не всегда удаётся определить, каким именно заболеванием страдал пациент.

Хороший пример – глава из гинекологического труда Сорана под названием «Об истечении семени». Греческое выражение gonos rhoos означает «истечение семени»; от него произошло современное название гонореи. Соран начинает главу следующими словами: «Истечение семени бывает не только у мужчин, но и у женщин. Оно представляет собой выделение семени без сексуального желания и без эрекции».

Поскольку Соран придерживался представления, что и мужчины, и женщины вырабатывают семя, он полагал, будто наблюдает выделение женского семени вследствие ослабления матки. Современному читателю это скорее напоминает выделения из влагалища. Но сведений слишком мало, чтобы утверждать это уверенно или определить, были ли эти выделения симптомом венерического заболевания. К тому же Соран лично осматривал пациентку. С какой стати нам, почти две тысячи лет спустя, ставить диагноз точнее, чем он?

Соран был не единственным врачом, обратившим внимание на подобные симптомы. Цельс упоминал сходное заболевание: «Существует также болезнь половых органов, заключающаяся в чрезмерном истечении семени. Оно происходит без совокупления и без ночных видений, так что со временем человек истощается».[13]

В сочинениях Гиппократова корпуса встречается история Никодема, у которого началась лихорадка. Врач прямо указывает, что причиной болезни стали чрезмерное употребление вина и сексуальные излишества. Помимо повышенной температуры у пациента наблюдались боли в области сердца, тёмная и скудная моча, а также рвота жёлтыми массами. На двадцатый день болезни врач записал, что моча стала густой и белой. Не были ли эти густые белые выделения следствием сексуальных излишеств Никодема?

Другой молодой человек, который, по мнению наблюдавшего его безымянного греческого врача, тоже чрезмерно увлекался половыми отношениями, страдал от лихорадки, бессонницы и отсутствия жажды. К

двадцатому дню болезни у него начался бред, а на двадцать четвёртый день он умер. Прав ли был врач, связывая болезнь и смерть с сексуальными излишествами? Да, но совсем не в том смысле, в каком подумали бы мы.

Как распространяются болезни – венерические и любые другие, – римляне представляли себе смутно. Они заметили, например, что жители болотистых местностей часто страдают от странной и нередко смертельной лихорадки. Однако связь между этой болезнью и определённым насекомым, переносящим малярию, так и осталась для них неизвестной. Вместо этого заболевания объясняли нарушением равновесия телесных жидкостей, на которое могли влиять климат места проживания и даже направление ветра.

Секс считался полезным, но излишества, как полагали, истощают силы и могут привести к болезни и даже смерти. Показательно, что Гален называл подобные случаи «смертью от избытка удовольствий». В двух приведённых выше историях молодые мужчины чрезмерно предавались не только сексу, но и пьянству. Гален добавлял к этому перечню обжорство и страсть к накоплению имущества, настойчиво предостерегая от всякой неумеренности, поскольку она угрожает человеческой душе. Да, мы снова встречаем нашего старого знакомого – virtus, римский идеал добродетели и нравственной стойкости. Требование обуздывать желания удивительно похоже на нынешние представления о здоровом образе жизни, где тело, характер и душевное состояние неразрывно связаны.

Но вернёмся к гонорее и другим неприятным заболеваниям половых органов. При римской откровенности в интимных делах и любви к общественным баням, где все ходили нагишом, можно было бы ждать множества упоминаний о болезнях гениталий. Действительно, Марциал написал стихотворение, высмеивающее опухшие яички некоего Катулла – нет-нет, совсем не того знаменитого Катулла! – а ещё есть история мужа той безымянной жительницы берегов Комо, у которого были язвы на срамных местах.[14] Встречаются и отдельные жалобы на боли в этой области. Но в целом таких свидетельств на удивление мало.

Это вовсе не означает, что римляне не страдали заболеваниями, передающимися половым путём. Просто античные и современные представления о болезнях так различаются, что с уверенностью сказать, какие венерические инфекции были в Древнем Риме, мы не можем.

Глава 10

Любовь причиняет боль: когда всё идёт не так

«Кинфия первой, на мою беду, пленила меня своим взглядом: до неё я не знал любви». Так поэт Проперций говорил о своей возлюбленной. Кинфия постоянно появляется на страницах четырёх книг его стихотворений, известных под общим названием «Элегии». Отношения у них были, несомненно, бурные, и так же очевидно, что друг другу они совершенно не подходили: спокойной жизни этой паре не светило с самого начала.

Проперций страдает. Страдает ужасно. И все четыре книги не устаёт рассказывать нам о своих муках. «Вот уже целый год это безумие не отпускает меня, хотя я и навлёк на себя гнев богов», – сетует он. «Пусть отвергнутые любовники после меня внимательно прочтут мои слова и извлекут пользу из рассказа о моих страданиях», – жалуется поэт. «Такова моя мучительная жизнь, и в этом моя слава», – продолжает он. «Поистине, это безмолвное, пустынное место создано для скорби; лишь дыхание западного ветра владеет опустевшим лесом. Здесь я мог бы свободно поведать о своих тайных печалях, если бы только мог довериться этим одиноким скалам»,[1] – восклицает он.

Право, о своём несчастье Проперций готов говорить бесконечно. Но отчего он так страдает? Разумеется, из-за Кинфии. Она вечно ему изменяет, и стихи то и дело бросают нас от счастливых ночей в бездну отчаяния, куда поэт падает, узнав об очередной измене.

Признаться, я не уверена, что Проперций не заслужил такого обращения: он жалуется без конца и совершенно невыносим. Взять хотя бы эти строки: «Ты для меня и дом, и родители, Кинфия, ты – каждое мгновение моего счастья. Радуюсь ли я или печалюсь среди друзей, что бы ни происходило со мной, я неизменно говорю: „Причина всему – Кинфия“».[2]

Удивительно, что у него вообще остались друзья. Впрочем, благодаря его бесконечным сетованиям можно кое-что узнать и о самой Кинфии. Поэт горько жалуется, что она до глубокой ночи играет в кости и пьёт прекрасное вино. Возмущается тем, что она распевает непристойные песенки. Приходит в отчаяние, когда возлюбленная отправляется в Байи – этот приморский город греха. Словом, Кинфия, похоже, прекрасно проводила время – в отличие от Проперция, который заливал слезами папирус и снова возвращался к ней за новой порцией страданий.

Однажды Кинфия попыталась убедить его, что все мужчины, которые её целуют, – исключительно родственники, а потому волноваться совершенно не о чем. Но Проперций не поверил. Подарки манили Кинфию, как пламя мотылька:

она охотно порхала к тем, кто покупал ей красивые вещи. Бедному Проперцию доставалось сполна: за счастливой ночью – насколько у Проперция вообще бывали счастливые ночи – неизбежно следовала ссора.

Кинфия словно воплощала известное правило: «Чем хуже обращаешься с человеком, тем крепче он к тебе привязан». И правило работало: Проперций неизменно возвращался, хотя из его стихов порой складывается впечатление, что он её попросту боится.[3] Зато у него был неиссякаемый материал для любимого занятия – жалоб в стихах.

Страдал от любви и Тибулл. Его Делия, к сожалению, была замужем, что несколько осложняло дело. Зато Тибулл оставил немало любопытного о том, как устраивать тайные свидания. Делия научилась придумывать мужу убедительные поводы спать одной и бесшумно отпирать дверь, а заботливый Тибулл снабжал её травами от синяков и следов зубов после их встреч.

Но если уж говорить о любовных муках, разбитых сердцах и поэзии, то всех превзошёл Гай Валерий Катулл.

Страдающий поэт: Катулл

Мы познакомились с Катуллом ещё в первой главе, где он поражал нас виртуозной непристойной бранью. Но, при всём своём несдержанном языке, Катулл был благовоспитанным юношей из богатой всаднической семьи, от которого ждали общественной карьеры. Ради нужных знакомств он перебрался в Рим – и там безнадёжно, беспомощно и трогательно влюбился в женщину, которую в стихах называл Лесбией.

Насколько глубокой была его любовь, видно из посвящённых ей стихотворений. Катулл говорит о поцелуях, которых никогда не бывает достаточно, чтобы утолить его желание. Это прекрасные, нежные, проникновенные стихи – и вместе с тем полные восторга обжигающей страсти. Но с Лесбией была одна загвоздка: она была замужем. Звали её на самом деле Клодия Метелла, и происходила она из семейства знатного, но печально знаменитого.

Род Клавдиев восходил ко временам Ромула и породил самых разных людей – от великих и достойных до совершенных сумасбродов. В перечне заслуг этого семейства Светоний насчитывает двадцать восемь консульств, пять диктатур, семь цензорств, шесть триумфов и две овации – малых триумфальных торжеств.

К категории сумасбродов относился Клавдий Пульхр. В Риме перед всяким важным сражением было принято обращаться к ауспициям, чтобы выяснить, благоприятствуют ли боги предстоящему бою. Одним из способов гадания было наблюдение за священными курами. Если птицы охотно клевали рассыпанное зерно, это считалось добрым знамением; если отказывались от еды – дурным. Пульхр, выведенный из себя тем, что куры не дают ему доброго знамения, объявил: раз они не желают есть, пусть хотя бы пьют! И выбросил их в море, совершив вопиющее святотатство. Но последнее слово осталось за курами:

Пульхр был наголову разбит в морском сражении. Никогда не ссорьтесь со священными курами.

Впоследствии род Клавдиев дал Риму императоров Тиберия, Калигулу, Клавдия и Нерона – удивительную смесь лучших и худших черт рода. Но во времена Клодии самым скандально известным её родственником был брат, Клодий Пульхр. Плутарх описывал его как «человека необузданно жестокого, исполненного высокомерия и дерзости».[4] Клодий уже много лет отравлял окружающим жизнь. Его обвиняли, в частности, в организации мятежа в Сирии и в кровосмесительной связи с сестрой Клавдией. Последняя тоже не пользовалась расположением Плутарха, который называл её «женщиной распутной и низкой».[5]

Но очередная его выходка вызвала ещё больший скандал. Его обвинили в том, что он переоделся женщиной и тайком проник на праздник Доброй богини – Бона Деа, куда допускались исключительно женщины. Священные обряды проходили в доме Юлия Цезаря, и ходили слухи, будто Клодий состоял в любовной связи с женой Цезаря Помпеей, ради свидания с которой и пробрался на праздник.[6] Впрочем, существует и другое объяснение. «Тайные» и «только для женщин» обряды сами по себе манят. Вполне возможно, Клодий просто заключил безрассудное пари и твёрдо решил его выиграть. Как бы там ни было, поступок сочли чудовищным святотатством, и Клодий предстал перед судом.

Во время процесса против Клодия выступила целая вереница свидетелей, включая Цицерона. Именно тогда Лукулл, бывший шурин обвиняемого, привёл людей, готовых под присягой подтвердить, что Клодий состоял в кровосмесительной связи с его бывшей женой. Впрочем, многие полагали, что он имел подобные отношения со всеми тремя сёстрами. Катулл намекает на эти слухи в одном из стихотворений: «Лесбий прекрасен. Кто станет спорить? Лесбия предпочтёт его тебе, Катулл, и всей твоей родне».[7]

Как ни удивительно, Клодия оправдали – прежде всего потому, что его сторонники как следует запугали и подкупили присяжных. А карьера смутьяна только начиналась. В последующие годы он преследовал Цицерона всеми доступными средствами. В частности, добился его изгнания, а затем, воспользовавшись отсутствием оратора, разрушил его дом. Кроме того, Клодий создал собственную шайку сторонников, которая повсюду следовала за Помпеем, выкрикивая в его адрес непристойные оскорбления. К 53 году до н. э. собственные уличные банды имелись, кажется, у каждого влиятельного политика. Банды запугивали друг друга, пытаясь повлиять на исход выборов.

Слава, пусть и дурная, деньги и власть несомненно притягательны – возможно, и знатное скандальное семейство делало Клодию особенно желанной в глазах Катулла. Муж её рядом с печально знаменитым шурином казался образцом солидности. Это был Квинт Цецилий Метелл Целер. Он упоминается в нескольких стихотворениях Катулла; в одном из них поэт называет его болваном и ослом. Цицерон характеризовал Метелла ещё выразительнее: «Не человек, а

один лишь звук и воздух, воющая пустыня».[8] Согласитесь, симпатии к Метеллу это не прибавляет.

Каким бы ни был его характер, на государственной службе Метелл преуспел. В 60 году до н. э. он занимал должность консула, предварительно пройдя обычные ступени служебной карьеры. Муж, конечно, осложнял роман, но были и другие препятствия: Катулл был у Клодии далеко не единственным, и это причиняло поэту невыносимую боль. Его страдание пронизывает стихи: «Ни одна женщина не может сказать, что её любили так искренне, как я любил Лесбию».[9]

Но вместе с болью звучит и ярость. «Ненавижу и люблю»,[10] – произносит он свои знаменитые слова. Катулл обрушивается и на Клодию, и на мужчин, занявших его место в её постели. Он обвиняет возлюбленную в том, что она удовлетворяет мужчин на перекрёстках и в переулках, что спит с посетителями целых таверн, причём всем этим мужчинам – всем двумстам – поэт грозит оральным изнасилованием. Особую ярость вызывает у него Марк Целий Руф, друг Катулла, который, по мнению поэта, жестоко его предал. Трудно не посочувствовать Катуллу, когда он наконец понимает, какое место на самом деле занимал в её сердце.

Но, как и в случае Проперция и Кинфии, мы знаем лишь одну сторону – версию Катулла. Обещала ли Клодия ему что-то большее, чем приятный любовный полдень? Едва ли она собиралась оставить знатного и богатого Метелла ради Катулла, молодого человека, только начинавшего общественную карьеру. Да и обещала ли она ему верность?

Как-то раз Клодия будто бы заявила Катуллу, что предпочла бы выйти замуж за него, а не за кого-либо другого, даже если бы самим соперником оказался Юпитер. Но Катулл, несмотря на всю страсть, уже тогда понимал, чего стоят подобные признания. «То, что женщина говорит пылкому любовнику, следует писать на ветре и стремительно бегущей воде»,[11] – печально замечал он.

Впрочем, сам Катулл при всех клятвах в безграничной любви вовсе не хранил верности. Была, например, Ипситилла, которую поэт просил остаться дома и приготовиться к «девяти совокуплениям подряд».[12] Был и юный Ювенций, чьи медовые глаза Катулл готов был целовать триста тысяч раз, так и не насытившись.

Катулл сгорает от ревности, возмущаясь неверностью Клодии. Но в его стихах нет ни слова о собственной неверности, нет даже намёка на признание того, что связи с Ипситиллой и другими партнёрами тоже можно считать изменой. Конечно, женаты они не были, но полное отсутствие у поэта чувства вины – и даже мысли о собственном поведении – на фоне неистовой ярости из-за поведения возлюбленной весьма красноречиво.

У этой истории не было и не могло быть счастливого конца. Рим был городом практичных людей, где сентиментальности и романтическим грёзам оставалось мало места. Да и любовная поэзия вовсе не о счастье – она о боли и

разбитых сердцах. Всё то же «нытьё в стихотворном размере». Роман Клодии с Целием, другом Катулла, оказался куда более взрывоопасным. В 56 году до н. э. Клодия обвинила Целия в отравлении. Процесс стал главным скандалом своего времени. Защищал Целия Цицерон – и навеки погубил репутацию Клодии.

Катулл умер примерно в тридцатилетнем возрасте, около 54 года до н. э. Целий погиб во время гражданских войн, вскоре после 48 года до н. э., одним из многих талантливых молодых людей, сгинувших в век кровопролития. А Клодия? Её имя мельком встречается в одном из писем Цицерона, написанном в 44 году до н. э., но больше о её судьбе нам ничего не известно.

Глава 11

Как управлять сердечными делами: религия и магия

У Катулла было перо: им он мог излить обиду на женщину, разбившую ему сердце, а заодно и отомстить, публично ославив Клодию. Но у простых римлян были и другие способы свести счёты.

Излюбленным средством не только выплеснуть гнев, но и добиться настоящего возмездия были таблички с проклятиями. Поскольку ничего похожего на действенную полицию в Риме не было, неудивительно, что многие проклятия связаны с преступлениями. Например: «Докимедида потеряла две перчатки и просит, чтобы виновный в краже лишился рассудка и зрения в храме богини».[1]

Бывали поводы и пустяковые – хотя самим просителям они пустяком явно не казались. Жесточайшее соперничество колесничих команд толкало болельщиков на самые невероятные средства. «Призываю тебя, демон, кто бы ты ни был, и прошу: с этого часа, с этого дня, с этого мгновения мучай и убивай коней зелёной и белой партий, а возниц Калрике, Феликса, Примула и Романа убей и сокруши до конца, чтобы не осталось в их телах ни единого вздоха».[2]

Смысл других проклятий не столь очевиден. Например, некая Третия Мария, видимо, натворила что-то ужасное, раз на её голову призвали такое заклятие, – но что именно, мы уже не узнаем. «Проклинаю Третию Марию, её жизнь и разум, память, печень и лёгкие, всё вместе, её слова, мысли и воспоминания. Да не сможет она поведать о сокрытом и да лишится способности…» На этом сохранившийся текст обрывается.

Неизвестно и то, чем провинилась Тацита: «Да будет проклята Тацита, да станет она старой и отвратительной, словно гниющая кровь».[3]

Разумеется, проклятия охотно использовали и в любовных делах – чтобы отомстить сопернику или обрушить несчастья на бывшего возлюбленного, разбившего сердце. Взывать к многочисленным богам и духам считалось вполне допустимым. Иное дело – магия: её считали куда менее приличной и куда более опасной.

Магия удивительно глубоко укоренилась в римском обществе: к астрологам и толкователям снов, к зельям и заклинаниям прибегали люди всех сословий, желавшие повлиять на свою судьбу. Многие магические обряды напоминали ритуалы государственной религии, однако между религией и магией существовало одно принципиальное различие: место их совершения. Религиозные церемонии проводились открыто, на глазах у других людей – будь то незнакомцы, собравшиеся на праздник, или члены собственной семьи. Магия

же требовала уединения и тайны. Именно поэтому она нередко вызывала подозрения властей. Известно немало случаев, когда магов и астрологов скопом изгоняли из Рима за доставляемые ими хлопоты.[4]

К числу римлян, скептически относившихся к могуществу магии, принадлежал Плиний Старший. Он обещал неустанно разоблачать ложь колдунов – и при этом отвёл немалую часть «Естественной истории» амулетам, приметам и заклинаниям.[5]

Магию использовали в самых обыкновенных житейских обстоятельствах: чтобы проклясть мерзавца, укравшего плащ, или защитить себя от несчастий при помощи амулета. До наших дней дошло множество заклинаний, заговоров и рецептов волшебных снадобий античного мира. И, пожалуй, неудивительно, что большинство из них связано с любовью. У магии было средство на любой случай – от безответной страсти до мести бывшему возлюбленному. А Овидию она даже объясняла его бессилие:

> Не фессалийский ли яд лишил моё проклятое тело силы?
> Не заговоры ли и травы терзают меня теперь?
> Не колдунья ли пронзает моё имя на алом воске
> И вонзает тонкие иглы прямо мне в печень?[6]

Думаю, все согласятся, что с Овидием такое вполне могло случиться. Может, какая-нибудь бедняжка, к которой он приставал на скачках, решила отомстить.

Самый безобидный способ прибегнуть к сверхъестественному – сходить к толкователю снов. У Артемидора имеется целый раздел, посвящённый снам о сексуальных отношениях. К сожалению, любовные утехи во сне вовсе не сулили их наяву с предметом желаний. Например, по словам Артемидора, пенис символизирует одновременно родителей и детей, поскольку содержит семя. Если мужчине снится, что он занимается сексом с охотно отвечающей ему женой, это предвещает удачу; если же жена не желает близости – несчастье.

Артемидор считал, что сон о половом акте с желанной женщиной служит полезной подготовкой к настоящей встрече. «Нередко подобный сон помогал сновидцу справиться с загадочной женской природой, поскольку женщина во сне позволяла ему прикоснуться и к своим сокровенным частям тела».[7]

Если молодому человеку снились горящие факелы, это предвещало «любовь, сопровождаемую удовольствием и успехом». Прогулка по поверхности моря тоже считалась благоприятным знаком для будущей любовной жизни. А вот состязание за женщин во сне сулило судьбу проститутки. Ну а сновидения, связанные с половыми отношениями с собственной матерью, как мы видели в одной из предыдущих глав, сулили всевозможные ужасы в дальнейшей жизни. Толкователи снов были по карману людям любого достатка, и к ним ходили все сословия.

Богачи могли позволить себе содержать собственного прорицателя или астролога. Так, Тиберий держал при себе Трасилла, чтобы советоваться в любую

минуту. Впрочем, позже он резко охладел и к Трасиллу, и к астрологам вообще. Император изгнал их из города, разрешив остаться лишь тем, кто отказался от своего ремесла. Может быть, Трасилл был слишком откровенен, предсказывая ему судьбу.

Прорицатели, астрологи и толкователи снов были чрезвычайно популярны, но и скептиков хватало. В одной из комедий Плавта персонаж жалуется на жену, которая постоянно требует денег на всяких магических специалистов: «Дай денег на варенье! Дай ещё немного, чтобы на Квинкватрии поднести колдунье, толковательнице снов, прорицательнице и гадалке!»[8]

А Марциал устал платить ведьме, чтобы та избавила друга от дурных снов: «Наусидиан, ради нашей дружбы прошу: либо начни видеть во сне самого себя, либо вообще не спи».[9]

Не обошёл вниманием этих специалистов и великий циник Ювенал – как и их клиенток, ведь клиентами, по его мнению, были в основном женщины:

> Астролог без судимости не стоит ни гроша.
> Она спросит его, скоро ли умрёт
> Её мать, давно страдающая желтухой
> (О твоей матери она уже справлялась),
> Когда похоронит сестру и дядей,
> Переживёт ли её любовник –
> Какие ещё более радостные вести могли бы сообщить ей боги?[10]

Подобно персонажу Плавта, Ювенал подчёркивает, что женщины заботятся о своих платных прорицателях больше, чем о собственных мужьях. Главная его претензия: гадания отвлекают женщин от их обязанностей и вытягивают огромные деньги в пользу шарлатанов. И в этом чувствуется не только женоненавистничество, но и неприязнь к чужакам: лучшие и, соответственно, самые дорогие представители этой профессии прибывали в Рим из-за границы.

После таких колкостей астрология может показаться дешёвым жульничеством для глупых женщин. Но у неё была и куда более мрачная сторона. Об этом свидетельствуют неоднократные массовые изгнания астрологов из Рима. Между 139 годом до н. э. и 175 годом н. э. подобные меры предпринимались не менее восьми раз. Чем же они так досадили государству?

Опасность астрологии заключалась в её способности предсказывать будущее – особенно когда предсказания касались императора. В 20 году н. э. Эмилия Лепида предстала перед судом по нескольким обвинениям. Одним из них было обращение к астрологу с вопросом о судьбе дома Цезарей. Именно здесь астрология превращалась в государственную измену. Власти опасались, что любое пророчество, связанное с императором, способно подтолкнуть честолюбивых людей к притязаниям на его место и вызвать общественные беспорядки.

Римские астрологи, толкователи сновидений и прорицатели в основном занимались истолкованием знаков и советовали, чего следует опасаться, а какие события предвещают удачу. Магия же позволяла не только толковать, но и управлять судьбой – например, добиться любви желанного человека.

У Овидия, конечно, был целый арсенал острот и уловок, чтобы впечатлять женщин. Но не каждый римлянин был обеспеченным поэтом, способным целыми днями слоняться по людным местам в поисках приключений. Если не считать праздников и множества дней, весьма кстати объявленных неподходящими для работы, простому человеку приходилось трудиться. К счастью, для страдающих от любви, но вечно занятых римлян существовало решение: приворотные зелья.

Любовные зелья упоминаются в нескольких судебных делах – видимо, они были в большом ходу или по крайней мере их так боялись, что сочли нужным регулировать законом. Любопытно, что приворотные зелья рассматривались в законодательстве вместе со средствами для прерывания беременности:

«Лица, дающие снадобья с целью вызвать аборт или приворотные напитки, даже если они действуют без злого умысла, тем не менее подлежат наказанию, поскольку подобные действия представляют дурной пример. Люди низшего сословия должны быть отправлены на рудники, а лица более высокого положения – сосланы на остров с предварительной конфискацией имущества. Если же вследствие их действий мужчина или женщина лишатся жизни, виновные подлежат высшей мере наказания».[11]

Многие римляне искренне верили в силу любовных зелий. Учитель красноречия Квинтилиан испытывал своих учеников, предлагая им разбирать запутанные воображаемые судебные дела. В одном из таких упражнений содержатель борделя требовал возмещения упущенного дохода после того, как молодой человек дал одной из его проституток любовное зелье.

Поэт Проперций полагал, что приворотные средства способны заставить даже Пенелопу – этот образец легендарной супружеской верности – оставить своего мужа Одиссея. В другом стихотворении Проперций жалуется, что возлюбленная изменяла ему «не по собственной порочности, а из-за волшебных трав».[12]

Зелья бывали самые простые и чрезвычайно сложные. Например, считалось, что человек, отведавший зайчатины, становится особенно привлекательным на девять дней. Существовали и куда более затейливые составы. Вот какие «волшебные травы» упоминает Проперций: «Его привлекают к ней предзнаменования, раздутые жабы и лягушки, выкопанные ею кости высушенных змей, перья сов, найденные возле заброшенных могил, и шерстяная повязка, снятая с убитого человека».[13]

Другой рецепт начинается обманчиво просто, с вполне доступных ингредиентов: «Возьми чистое оливковое масло, свёклу и оливковые ветви. Возьми семь листьев, разотри всё вместе и добавляй оливковое масло, пока смесь

не приобретёт его консистенцию. Затем положи её в сосуд».[14] Пока всё просто. Но дальше выясняется, что сосуд надо отнести на крышу, повернуться лицом к луне и произнести определённое заклинание. Оно состоит ровно из 411 слов, причём для успешного приворота все слова требуется безошибочно повторить семь раз.

Ещё одно заклинание, чтобы навсегда привязать к себе любимого, было невероятно длинным и сложным. Сначала следовало изготовить две восковые фигурки – мужчины и женщины. Фигуркам надлежало придать строго определённые позы, а на различных частях их тел написать специальные слова. Затем требовалось втыкать иглы в указанные места фигурок установленное число раз, одновременно произнося соответствующие фразы.

После этого все произнесённые слова следовало записать на свинцовой табличке. «Привяжи свинцовую пластину к фигуркам ниткой с ткацкого станка, завязав триста шестьдесят пять узлов и повторяя, как тебя учили: „АБРАСАКС, удержи её крепко!“ На закате солнца положи всё это возле могилы человека, умершего преждевременно или насильственной смертью, и помести рядом сезонные цветы».[15]

Думаете, на этом всё? Как бы не так. Следовало ещё записать и произнести заклинание длиной более тысячи слов. Стоит ли удивляться, что такие хлопоты римляне предпочитали доверять профессионалам?

Профессионалами были ведьмы – и зловещими ровно настолько, насколько можно пожелать. Вот как описывает одну из них Тибулл:

> Её заклятья разверзают землю, поднимают призраков из могил
> И вызывают мёртвые кости из пылающего погребального костра.
> Теперь она удерживает адское воинство магическим шипением.[16]

Ведьма Тибулла творит обряды глубокой ночью при свете факелов – самая подходящая обстановка для колдовства – и предлагает самые разные услуги. Есть, например, заклинание, которое должно помешать мужу Делии обнаружить любовную связь жены с Тибуллом: «Он не поверит никому из тех, кто расскажет о нас, – даже самому себе, если собственными глазами увидит нас на твоём мягком ложе».[17]

Было и другое заклинание, которое пригодилось бы Проперцию, избавив его от многих мук – а нас от бесконечных жалоб: оно должно было заставить самого Тибулла разлюбить Делию.

У Горация встречается ведьма ещё более устрашающая – Канидия. Для своих заклинаний она использует части человеческих тел, добывая их самым чудовищным способом:

> Чтобы мальчик, закопанный по шею в землю,
> С лицом, торчащим наружу, словно у пловца,
> Чей подбородок касается поверхности воды,
> Умер, глядя на пищу,

Которую дважды и трижды за бесконечный день
Приносят к нему и вновь уносят.
Тогда его костный мозг и печень,
Извлечённые и высушенные,
Станут любовным снадобьем.[18]

Подозрения, что для магических обрядов используют части человеческих тел, встречаются и у Ювенала: «Он станет копаться в грудках цыплят, во внутренностях щенка, а порой и мальчика, а затем сам расскажет, что сделал».[19]

Звучит жутко. Но у магии и правда была тёмная сторона, и римляне это прекрасно понимали: зелья и заклинания лишали человека свободы воли, а то и служили орудием откровенной злобы, как видно из двух заклятий. Первое предназначалось для разрушения брака Аполлония и Аллус: «Пусть жгучий жар пожирает половые органы Аллус, её лоно и члены, пока она не покинет дом Аполлония. Порази Аллус лихорадкой, непрекращающейся болезнью, голодом и безумием!»[20]

Другие заклинания говорят о мрачной, почти болезненной одержимости обладанием. «Не позволяй ей познать другого мужчину, кроме одного меня. Тащи её за волосы, за внутренности, пока она не перестанет сторониться меня».[21] Согласитесь, на здоровую влюблённость это не похоже – тут что-то тёмное, жестокое и злонамеренное. «Не позволяй ей есть, пить, спать, шутить или смеяться, но заставь её вскочить [...] и оставить отца, мать, братьев и сестёр, пока она не придёт ко мне [...] Жги её члены, печень, женское тело, пока она не явится ко мне, любя меня и повинуясь мне».[22]

Ювенал и подобные ему авторы могли презрительно отмахиваться от астрологов и других магических специалистов, считая обращение к ним прихотью глупых женщин. Но страх перед злонамеренной магией был вполне серьёзным.

Тайна открытого окна

В 24 году н. э. римский чиновник по имени Плавтий Сильван сделал нечто совершенно неожиданное и, казалось бы, вовсе на него не похожее: выбросил жену из окна.

Плавтия доставили к Тиберию, и выглядел он совершенно потерянным: по его словам, он спал, а жена, вероятно, сама покончила с собой. Что именно произошло, он понятия не имел. Император вместе с другими присутствовавшими отправился осмотреть спальню, где случилась трагедия. Там нашлись явные следы борьбы, начисто опровергавшие его слова. Понимая, что впереди громкий и неприятный процесс, Плавтий предпочёл избежать позора и тихо вскрыл себе вены.

Сбивчивые объяснения Плавтия, видимо, породили массу слухов. Вскоре после его самоубийства перед судом предстала первая жена покойного –

Нумантина. Её обвиняли в том, что с помощью заклинаний и волшебных снадобий она лишила бывшего мужа рассудка.

Нумантину оправдали по всем обвинениям и отпустили на свободу. Но само дело показывает, как широко верили в магию и как охотно объясняли ею необъяснимое. Закон Корнелия (Lex Cornelia) совершенно определённо устанавливал отношение римского государства к подобным занятиям:

«Лица, совершающие или устраивающие нечестивые либо ночные обряды с целью околдовать, заворожить или связать чарами другого человека, подлежат распятию или отдаче на растерзание диким зверям [...] Всякий, кто приносит человека в жертву, пытается получить предзнаменования по его крови либо оскверняет святилище или храм, должен быть отдан диким зверям, а если принадлежит к высшему сословию – предан смерти [...] Постановлено, что лица, занимающиеся магическим искусством, подлежат высшей мере наказания, то есть должны быть брошены диким зверям или распяты».[23]

Самих колдунов могла ожидать ещё более страшная участь – сожжение заживо.

Колдун перед судом: Апулей

Когда писатель Апулей неожиданно женился на вдове намного старше себя, этот союз показался окружающим необъяснимым. Брак столь разных людей наверняка породил массу сплетен, а там и подозрений: невеста была не только куда старше, но и куда богаче. Вопросов возникло столько, что в конце концов Апулей оказался на скамье подсудимых. Его обвиняли в применении чёрной магии, с помощью которой он будто бы заставил Пудентиллу полюбить себя.

К счастью для нас, полностью сохранилась блестящая защитительная речь Апулея. Из неё многое можно узнать о магических практиках Древнего Рима, а искреннее негодование Апулея нелепыми обвинениями делает чтение особенно занимательным. «Полагаю, этого достаточно, чтобы опровергнуть обвинения относительно моих волос, которые они предъявляют мне так, словно речь идёт о преступлении, караемом смертью».[24]

Иные обвинения были попросту смехотворны, и Апулей расправлялся с ними с замечательной лёгкостью. Помимо подозрительно «колдовского» вида его волос, в вину ему ставили рекомендацию зубного порошка одному из друзей, сочинение несколько непристойных стихотворений – здесь Апулей решительно защищался, ссылаясь на пример Катулла, – и даже обладание небольшим зеркалом, в которое он имел привычку смотреться. Даже его ремесло философа и североафриканское происхождение пытались выдать за признаки сомнительной нравственности. На это Апулей отвечал: «Неважно, где человек родился; важно, каким он обладает характером». Прекрасно сказано!

Утверждали также, будто Апулей хранил в доме покойного пасынка магические предметы, завёрнутые в ткань и изготовленные с применением тайных приёмов и печатей для занятий чёрной магией. Говорили, что он

поклонялся загадочному предмету у себя дома и специально разыскивал определённый вид рыб, используемых в колдовских обрядах. Кроме того, его обвиняли в том, что он вовлёк некоего мальчика в тёмный магический ритуал, после которого тот упал на землю. Правда, выяснилось, что мальчик страдал эпилепсией, так что колдовство тут было ни при чём.

Все эти нелепицы, которые Апулей с лёгкостью опровергал, должны были создать образ закоренелого колдуна, прежде чем обвинители перейдут к главному – к браку. Из речи нетрудно понять, что доказательств того, будто Пудентилла вышла замуж под действием чар, у обвинения почти не было. Обвинители зачитали её письмо, где содержались слова: «Апулей – колдун, и он околдовал меня, заставив полюбить его! Приди ко мне скорее, пока я ещё в здравом рассудке!»

На первый взгляд – сокрушительная улика, да ещё из уст самой женщины. Но Апулей зачитал письмо целиком, и в контексте фраза приобрела совсем иной смысл. Коротко говоря, сыновья Пудентиллы были крайне недовольны, что мать снова собралась замуж. Кроме того, человек, выступивший обвинителем Апулея, успел наделать огромных долгов, рассчитывая сам жениться на богатой вдове. Как восклицал Апулей: «Вы даже не способны придумать обвинения, которые выглядели бы хоть сколько-нибудь правдоподобно!»

Замените «околдовал» на «действовала в здравом уме» – и перед нами вполне современная история семейной вражды и борьбы за наследство. Апулей был оправдан по всем пунктам обвинения.

Связываться с магией было опасно. Но были и более приемлемые, одобренные государством способы наладить любовную жизнь – прежде всего религия.

Боги любви

Когда обычные римляне сталкивались с повседневными трудностями, они прежде всего обращались к богам. Бог находился почти на любой случай – будь то лихорадка, трудная дорога или хлеб в печи, который так хотелось вынуть пышным и вкусным.

Любовь и секс не были исключением: и тут на помощь были готовы прийти множество богов.

Главной среди них, разумеется, была Венера – богиня любви. Венеру Вертикордию, то есть Венеру, обращающую сердца, чествовали во время праздника Венералий, ежегодно отмечавшегося 1 апреля. Вместе с ней почитали Фортуну Вирилис, чьё имя можно перевести как «Фортуна мужской силы». Венера, обращающая сердца, покровительствовала семейному согласию и счастливому браку, тогда как Фортуна Вирилис отвечала за сексуальное благополучие женщин. Союз этих двух сторон жизни вполне естественен: кто же не мечтает о счастливом браке с прекрасным сексом?

Но чтили двух богинь на празднике, видимо, порознь. В честь Фортуны Вирилис совершали особый обряд в общественных банях, где женщины раздевались и купались вместе. В ритуале также использовали благовония, мак, молоко и мёд. Церемония предназначалась исключительно для женщин, причём, судя по всему, участницы происходили из низших сословий или занимались проституцией. Почтенные римлянки наверняка тоже надеялись на благотворное действие обряда, но главные силы отдавали Венере, обращающей сердца.

Позднее, в том же апреле, отмечался ещё один праздник в честь Венеры – Виналии, предназначавшийся специально для проституток. Они собирались за Коллинскими воротами Рима и приносили богине дары. «Молитесь о красоте и благосклонности мужчин, просите быть очаровательными и обладать остроумной речью»,[25] – советовал Овидий.

Оба праздника хорошо показывают, что Венера покровительствовала не только чувству, но и вполне телесной любви.

Другим божеством, связанным с любовью, был сын Венеры – Купидон. Вооружённый луком и стрелами, Купидон куда меньше заботился о супружеском счастье, чем о страсти, сводящей с ума и самых здравомыслящих. У Купидона был менее известный брат Антерос – бог взаимной любви. Но и это ещё не всё. Как мы уже отмечали, в греко-римской религии имелось божество практически для любого жизненного обстоятельства. Поэтому наряду с Венерой, Купидоном и Антеросом существовал Гимерос, олицетворявший любовное желание, не встречающее взаимности. Вероятно, ему приносили жертвы в надежде избавиться от мучительного чувства. Думаю, нашим многострадальным поэтам такой бог очень пригодился бы.

Сочиняя «Науку любви», Овидий явно находился под покровительством Гедилога – бога сладких речей и искусной лести. Чувственнее, почти в духе Барри Уайта, действовала Свадела, богиня обольщения. За ней естественно следовала Волупта – богиня наслаждений, а за той Пертунда, олицетворявшая само проникновение. Наконец, Пан и Приап были тесно связаны с плодородием.

Религия считалась путём более достойным и безопасным, чем магия, но и в её дела порой вмешивалось государство. Подобно астрологам и актёрам, последователи определённых культов могли оказаться изгнанными из Рима. Это неоднократно происходило с иудеями, а также с приверженцами культа Исиды, который был гораздо хуже включён в государственную религиозную систему, чем культ Великой Матери, и временами воспринимался как опасное чужеземное влияние. А в 186 году до н. э. вокруг одного культа разразился скандал, достойный нынешней бульварной прессы.

Культ вседозволенности

«Можете быть уверены: что бы я ни рассказал вам, мои слова не смогут передать всей чудовищности и ужаса происходящего».[26] С таким заявлением

выступил избранный консул Рима. Согласитесь, начало захватывающее. Что же за ужас он собирался разоблачить?

«Одни из вас считают это особой формой богослужения, другие – допустимым развлечением и забавой; истинную же природу происходящего понимают немногие». Речь шла о вакханалиях – религиозных празднествах в честь Вакха. Культ вакханалий пришёл в Италию из Греции приблизительно в III веке до н. э. Он относился к мистериальным культам, то есть участие в обрядах допускалось исключительно для посвящённых, которые давали клятву никогда не раскрывать подробностей ритуала. Звучит интригующе – пока не сообразишь, что сами обряды, скорее всего, сводились к молитвам, приношениям и жертвам, может быть, с песнями, плясками и почитанием какой-нибудь святыни. «Скорее всего» – потому что посвящённые удивительно добросовестно хранили молчание, и мистерии остаются загадкой по сей день.

Вакханалии тоже сопровождались пением и танцами, а поскольку Вакх был богом вина, неизбежно предполагали изрядное количество выпивки. Смысл праздника был в том, чтобы дать волю чувствам во славу бога. В Греции такие обряды веками обходились без скандалов. Но это был Рим, а Рим, как вы уже поняли, чрезвычайно пёкся о нравственности. Тайная церемония, говорите? Ночью? С вином? И мужчины, и женщины вместе? Думаю, вы уже понимаете, к чему всё идёт.

Рассказ об этом скандале дошёл до нас благодаря Титу Ливию. Напомню, что Ливий открыто заявлял: одна из главных целей его исторического труда – показать нравственный упадок Рима. По-моему, беспристрастным свидетелем это его не делает. Итак, что же происходило под видом религиозного служения? Ливий рассказывает: «Когда вино и ночное смешение мужчин с женщинами, молодых со старшими уничтожили всякое чувство стыда, начались всевозможные развратные действия. Каждый находил под рукой удовольствие, способное удовлетворить ту страсть, к которой был наиболее склонен».[27]

Отчасти в это можно поверить: люди перебрали, и случилось то, что в таких случаях нередко случается. Но дальше рассказ становится совсем фантастическим. Доносчица Гиспала Фецения описывала ночные оргии, на которых посвящённых принуждали совершать насилие над другими или самим подвергаться насилию. Музыка звучала настолько громко, что заглушала крики жертв. Всякому, кто отказывался участвовать, грозило принесение в жертву или привязывание к некоему приспособлению, которое Ливий называет машиной и которое уносило человека в пещеры.

Мужчины вступали в половые отношения с мужчинами и в исступлённом безумии выкрикивали пророчества. Женщины, наряженные вакханками, с растрёпанными волосами бежали к реке, держа горящие факелы. Они многократно погружали факелы в воду, а затем поднимали их вверх, показывая, что пламя по-прежнему горит.

Все эти обвинения исходили исключительно от Гиспалы, которая, закончив показания, весьма театрально упала на колени. Римские власти жадно внимали ей, верили каждому слову и поклялись покончить с этим непотребным культом. Чтобы собрать доказательства, сенат объявил награду всякому, кто доставит виновного к властям или, если найти его не удастся, хотя бы сообщит его имя. Нетрудно догадаться, что сомнительные показания одной женщины тут же обернулись настоящей охотой на ведьм. Оправдывали её тем, что, хотя культ пока государству не угрожает, в будущем он вполне может стать опасным. «До сих пор их нечестивое объединение ограничивалось преступлениями против отдельных лиц: оно ещё недостаточно сильно, чтобы уничтожить государство. Но зло незаметно распространяется и растёт с каждым днём; оно уже слишком велико, чтобы ограничиваться посягательствами на отдельных граждан, и стремится к господству над государством».

Около семи тысяч человек оказались под следствием. Их число могло быть ещё больше, но многие из тех, на кого поступили доносы, предпочли покончить с собой, лишь бы не предстать перед судом. Другие бежали из города. Посвящённых, не участвовавших ни в одном из предполагаемых преступлений, среди которых назывались подделка документов и убийства, отправляли в тюрьму. Остальных казнили. Женщин передавали родственникам, чтобы те совершили казнь в семейном кругу. Ливий сообщает, что число казнённых значительно превысило количество заключённых. Паника охватила весь Рим.

Разделавшись с участниками, государство взялось за сам культ. Его святилища разрушили, а специальным постановлением запретили проведение вакханалий на всей территории Италии. Правда, с оговоркой: устраивать вакханалии всё же было можно – с особого разрешения сената и под строгими ограничениями. По сути, запрещались ночные убийства в религиозном исступлении и всё, что напоминало оргию.

Скандал вокруг вакханалий интересен по многим причинам. Он показывает, как подозрительно римское государство относилось к большим сборищам – по той же причине власти закрывали харчевни и распускали коллегии. Он снова напоминает о том, как пеклись римляне о нравственности, особенно когда речь шла о мужчинах и женщинах, тайно собиравшихся по ночам и вместе распивавших вино. Но и о другом: как подозрения в распутстве могут разрастись до обвинений в чудовищном кровавом заговоре.

И невольно спрашиваешь себя, как относиться к другим историям о римском распутстве. Не лежало ли в основе самых невероятных обвинений против императоров лишь крошечное зерно правды, разросшееся со временем до почти неправдоподобных рассказов Светония? Есть над чем задуматься.

Глава 12

Супружеская измена

После рассказов о любовных похождениях Катулла, Тибулла и Овидия легко решить, что измена была вполне невинной забавой скучающих молодых аристократов и страстных замужних дам. Но со времён Августа прелюбодеяние было преступлением, и наказание могло быть очень суровым.

Что именно считалось супружеской изменой, зависело от пола человека. Мужчину можно было обвинить в прелюбодеянии лишь в том случае, если он вступал в половую связь со свободнорождённой замужней женщиной. Отношения с замужней вольноотпущенницей, рабыней, проституткой или незамужней свободнорождённой девушкой к прелюбодеянию не относили.

На этот двойной стандарт указывал и Гораций: «Да не будет у меня ничего общего с чужими жёнами. Но ведь ты водишься с проститутками и актрисами, и твоя репутация страдает от этого больше, чем кошелёк».[1]

Для женщины же прелюбодеянием считалась половая связь с любым мужчиной, кроме собственного мужа. Осуждённая за измену римлянка могла лишиться половины приданого и трети имущества. Ей запрещалось получать наследство и завещательные дары. Она утрачивала право носить столу – одеяние римской матроны, служившее видимым свидетельством её почтенного положения замужней женщины. Лишившись этого права и положения матроны, она фактически приравнивалась к проститутке. Обманутый муж по закону был обязан развестись с неверной супругой. На женщин, чьи мужья изменяли им, подобное требование не распространялось. В довершение всего осуждённой прелюбодейке грозила ссылка на остров.

Эти правила предназначались не только для представителей сенаторской знати: они распространялись на все сословия римского общества. А у нравственных законов Августа была и вполне практическая причина – падение рождаемости.

Судить о демографии двухтысячелетней давности всегда трудно, хотя многие исследователи немало над этим потрудились. Но если учесть чрезвычайно высокую детскую смертность – до половины всех детей могли не дожить до десятилетнего возраста, – то для сохранения численности населения римская женщина должна была родить пять-шесть живых детей.[2]

Сами законы Августа, поощрявшие деторождение, ясно показывают, что так не выходило. Древнеримские женщины располагали средствами контрацепции и возможностью прерывания беременности. Ни то ни другое не было надёжным, но существовало, применялось и осуждения само по себе не вызывало. Был и ещё один своеобразный способ ограничить рождаемость –

рабство: жёны без труда могли переадресовать притязания мужей своим рабыням.

Но дело было не только в женщинах. Об этом свидетельствует ещё одна мера Августа: «Некоторые мужчины обручались с малолетними девочками и таким образом пользовались привилегиями, предоставленными женатым людям, не исполняя при этом возложенных на них обязанностей. Поэтому он постановил, что помолвка теряет силу, если в течение двух лет после её заключения брак не состоялся».[3]

Была и другая, нравственно куда менее сомнительная причина: реформам Августа предшествовали двадцать лет почти непрерывных опустошительных гражданских войн. Сенаторское сословие потеряло на полях сражений множество многообещающих молодых людей. Стоит полистать письма Цицерона и подсчитать, сколько его адресатов погибло в ближайшие пять лет, чтобы ощутить весь трагизм эпохи. И страдала не одна лишь знать: на каждого погибшего полководца или военного трибуна приходились сотни простых легионеров, также павших в бою. Римская держава зависела от армии, обеспечивавшей само её существование, а армии требовались люди.

Восполняя потери гражданских войн, Август заодно намеревался восстановить и нравы. Трудно сказать, действительно ли позднереспубликанская эпоха отличалась большей сексуальной свободой по сравнению с другими периодами или просто оставила нам больше письменных свидетельств – прежде всего писем Цицерона.

Нравы той эпохи лучше всего воплощает Юлий Цезарь – столь неутомимый любитель любовных приключений, что за ним закрепилось прозвище «муж всех женщин и жена всех мужчин». Оставим в стороне обвинения в пассивных гомосексуальных связях, которые предъявлялись едва ли не каждому римскому политику, и сосредоточимся на первой части прозвища. Цезарь был отъявленным распутником.

У него была очаровательная привычка заводить романы с жёнами друзей, не исключая и супруг своих союзников Помпея и Красса. Долгие годы он состоял в связи с Сервилией, матерью человека, которому впоследствии предстояло сыграть главную роль в его убийстве. Даже в заграничных походах Цезарь не мог устоять перед соблазном: он успел завести роман с женой царя Мавретании и, разумеется, со знаменитой Клеопатрой.

Египетскую красавицу вместе с их общим ребёнком Цезарь перевёз в Рим и поселил в доме неподалёку от собственного, ничуть не заботясь о чувствах жены Кальпурнии и давней любовницы Сервилии. И это тот самый человек, который имел наглость развестись со второй женой, Помпеей, из-за романа, которого, скорее всего, вовсе не было: жена Цезаря, мол, должна быть выше подозрений.

Впрочем, римляне смотрели на Юлия Цезаря совсем иначе. Все его похождения вполне укладывались в представления о настоящем римском мужчине. Завести роман с чужеземной царицей, прижить с ней внебрачного

ребёнка, а затем приглашать её на самые роскошные римские приёмы, словно нарочно выставляя это напоказ жене, – допустимо. А вот жениться на иноземной царице – вопиющий скандал. Марку Антонию следовало бы это понимать, но он, очевидно, не понимал.[4]

А вот Цицерон, который после тридцати с лишним лет брака развёлся с женой и женился на своей подопечной, едва вышедшей из детства и лет на сорок пять моложе его. Есть и совсем странная история с Катоном Младшим и Гортензием. Последний попросил руки дочери Катона, но получил отказ. Тогда Гортензий осведомился, нельзя ли ему вместо этого жениться на супруге Катона Марции. Поразительно, но Катон согласился, и Марция вышла замуж за Гортензия. А когда тот умер, она вновь вернулась к Катону.

Был ещё Сулла, который развёлся с одной женой из-за бесплодия, спустя несколько дней женился снова, а большую часть времени проводил за пьянством в обществе арфисток. Арфистки, видимо, слыли особами весьма распущенными – всё дело, конечно, в проворных пальцах. Не забудем и профессионального смутьяна Публия Клодия, ушедшего от наказания за святотатство с помощью подкупа и романов со всеми, чья поддержка была ему нужна.

Пока мужчины уклонялись от долга плодить маленьких римлян, заключая недолгие политические браки и рассеивая семя среди чужестранок и актрис, женщины тоже обрели некоторую свободу – возможно, потому, что мужья были слишком заняты пьяными ласками с арфистками и подготовкой очередной свадьбы.

Впрочем, образ независимой женщины поздней республики опять-таки может объясняться тем, что от этого времени уцелело особенно много книг и писем. Это один из немногих периодов, о женской жизни которого до нас дошло столько сведений – главным образом благодаря старому сплетнику Цицерону.

Среди энергичных, уверенных в себе знатных римлянок той эпохи особенно выделяется уже знакомая нам Лесбия Катулла, она же Клодия Метелла. Помимо того что она разбивала сердца чувствительным поэтам, Клодия, судя по всему, великолепно проводила время: «Разврат, любовные приключения, супружеские измены, поездки в Байи, пляжные пирушки, званые обеды, попойки, пение, танцевальные представления, прогулки на увеселительных лодках».[5] Всё это перечислено в обвинение, но, согласитесь, кто бы отказался от пляжной вечеринки и роскошного ужина в Байях?

Цицерон утверждал, будто Клодия приобрела владение на берегу Тибра исключительно для того, чтобы разглядывать красавцев, купавшихся в реке, и выбирать среди них очередного любовника. Что ж, звучит заманчиво – особенно для очень богатой женщины, у которой не так уж много других занятий.

Продолжая обличать распущенность Клодии, Цицерон называл её женщиной, «которая отдаётся каждому мужчине, которая открыто выбирает себе очередного любовника и в чьи сады, дома и на побережье Байев мужчины приходят, движимые похотью». Да, это риторика, и с Марком Антонием

Цицерон обошёлся не мягче. И всё же читать такое неприятно: трудно представить, чтобы в тех же словах кто-нибудь отзывался о знаменитом изменнике Цезаре. Клодия состояла в браке, но её любовниками были молодые холостые мужчины. Юлий Цезарь тоже был женат, однако заводил романы с жёнами собственных друзей. На современный взгляд он, пожалуй, вёл себя даже хуже.

Из слов Цицерона встаёт образ римлянки, вольной наслаждаться жизнью как и с кем ей угодно, – полная противоположность традиционным представлениям о женщине. Законы Августа должны были вернуть эти нормы: женщин поощряли за рождение детей, мужчин – за вступление в брак. Пляжным оргиям в Байях и бесконечной смене супругов надлежало положить конец. Добро пожаловать обратно в золотой век Рима!

Чтобы закрепить новый порядок, Август решил сделать себя и свою семью образцом для подражания. Верность браку он доказал, прожив с третьей женой Ливией больше пятидесяти лет, хотя общих детей у них не было. Мужчин своего семейства император приобщал к государственной службе, назначая на должности в возрасте, который ещё не позволял занимать их по закону.[6] Он также отправлял родственников служить в легионы. Его пасынки Тиберий и Друз прошли военную службу в Германии, внук Гай Цезарь был направлен в Армению, а внучатый племянник Германик участвовал в подавлении восстания в Иллирике.

Не менее пристально император руководил жизнью родственниц. «Воспитывая дочь и внучек, он заставлял их учиться прясть и ткать, а также запрещал говорить или делать что-либо иначе как открыто, так, чтобы всё можно было записать в домашний дневник».[7] Светоний сообщает, что дома Август носил исключительно одежду, изготовленную женщинами его семьи. С внешним миром они общались тоже под его строгим надзором.

Брак Августа с Ливией оставался бездетным, однако от первого супружества у неё были два сына – Тиберий и Друз, а у самого Августа от второго брака имелась дочь Юлия. Именно Юлии суждено было особенно тяжело испытать на себе и отцовские понятия о женском долге, и его властный нрав.

Непокорная дочь

Юлия родилась в октябре 39 года до н. э. – в тот самый день, когда её отец развёлся с её матерью Скрибонией. Согласитесь, момент неудачный. Причиной развода было желание жениться на Ливии, которая к тому времени находилась на шестом месяце беременности Друзом. Как водилось в Риме при разводе, Юлия осталась с отцом и мачехой и воспитывалась в описанной выше строгости.

В четырнадцать лет Юлию впервые выдали замуж – за её двоюродного брата Марцелла, сына добродетельной Октавии. Однако этот брак оказался недолгим: всего через два года после свадьбы Марцелл неожиданно умер. Ещё

два года спустя Юлию вновь выдали замуж, на этот раз за ближайшего друга и правую руку её отца – Марка Агриппу.

Агриппа был рядом с Августом с той минуты, как девятнадцатилетний наследник Цезаря ворвался в политику, и без него Август, вполне возможно, ничего бы не достиг. Талант Агриппы служил ему и потом, и многими успехами долгого правления Рим обязан именно ему. Решение отдать Агриппе собственную дочь стало публичным свидетельством исключительного уважения, которое питал к нему Август. Особенно показательно это было потому, что Агриппа происходил из плебейской семьи и при обычных обстоятельствах едва ли мог рассчитывать на столь блестящий брак. Кроме того, этот союз означал, что Август избрал его своим преемником.

Когда Юлия и Агриппа поженились в 21 году до н. э., невесте исполнилось восемнадцать лет, а жениху было немного за сорок. За девять лет брака Юлия родила пятерых детей – поистине изнурительное количество беременностей и родов. Последнего ребёнка назвали Постумом, поскольку он появился на свет уже после смерти отца в 12 году до н. э.

Можно только гадать, каково было Юлии выйти за человека, которого она с детства знала как друга отца. Но это меркнет рядом с выбором третьего мужа. Им оказался пасынок императора – Тиберий. Чтобы ещё больше запутать и без того почти кровосмесительные связи, добавим, что Тиберий был тогда женат на дочери Агриппы Випсании, так что Юлия приходилась ему одновременно сводной сестрой и мачехой его жены.

Если не считать сомнительного родства, Тиберий мог бы стать Юлии неплохим мужем. Они были почти ровесниками: разница в возрасте составляла всего три года, в отличие от её брака с гораздо более старшим Агриппой. Под настойчивым руководством Августа Тиберий достойно исполнял ряд государственных должностей и прославился как успешный полководец в Германии. Они выросли вместе, поэтому речь шла вовсе не о браке двух незнакомых людей. Для Тиберия это была огромная честь, и, как прежде с Агриппой, брак публично подтверждал его особое место в династии Августа.

У них были бы все шансы на благополучный брак, если бы не два обстоятельства: ни один из них не желал этого брака, а по характеру и темпераменту они совершенно не подходили друг другу.

Причина возражений Тиберия была проста: он глубоко любил свою жену Випсанию и не хотел с ней разводиться. Юлия тоже не испытывала особого желания выходить за него замуж. Но Август привык получать своё, и свадьба состоялась.

Счастливая пара зажила образцово моногамной жизнью во вкусе Августа. Когда Тиберий, тоскуя по прежней жене, стал со слезами на глазах ходить за Випсанией по рынку, приняли меры, чтобы это не повторялось. Тиберия отправили в провинции командовать войсками, а Юлия последовала за ним. У

них родился ребёнок, но после смерти младенца брак окончательно и с оглушительным треском распался.

С чего начался разлад, мы не знаем. Зато известно, что Тиберий неожиданно покинул семейный дом и наотрез отказался жить с Юлией. Она неоднократно жаловалась отцу на мужа и умоляла разрешить ей развод. В Древнем Риме расторгнуть брак было довольно просто. Раз Тиберий и Юлия так и не развелись, видимо, Август наотрез воспротивился: им полагалось оставаться мужем и женой.

Но Тиберий домой так и не вернулся – супруги фактически жили врозь. Юлия с энтузиазмом воспользовалась свободой, решив наконец пожить в своё удовольствие. И в античных, и в современных рассказах она предстаёт едва ли не одержимой страстью.

Сенека называл её женщиной, «доступной бесчисленным любовникам», и утверждал, будто она торговала собой прямо на Форуме. Кассий Дион рассказывал похожую историю о её пьяных непристойных выходках на рострах – ораторской трибуне. Веллей Патеркул перечислял любовников Юлии: Юл Антоний, сын Марка Антония, Квинтий Криспин, Аппий Клавдий, Семпроний Гракх и, предположительно, многие другие. Всё это были демонстративные публичные выходки, и трудно не заподозрить в них умысла. Если она и правда торговала собой на тех самых рострах, с которых отец возвещал законы о возвращении Риму былой чистоты, она явно хотела что-то сказать. Или ей уже было всё равно.

Тиберий, разумеется, прекрасно знал, как ведёт себя жена, – об этом говорит его неожиданный поступок в 6 году до н. э. Хотя в предыдущем году он занимал должность консула и незадолго до того получил трибунскую власть, Тиберий внезапно отказался от всех государственных обязанностей и удалился на Родос, решив жить как частное лицо. Август был крайне недоволен.

Античные авторы, обычно к Тиберию неприязненные, тут почти единодушно ему сочувствуют. Бедный Тиберий! Его заставили развестись с любимой женой и жениться на женщине, к которой он не испытывал любви. Та так унижала его открытыми изменами, что он в конце концов бросил всё, чего добивался годами, лишь бы не терпеть позора.

Но взглянем на минуту глазами Юлии. Её принудили выйти за Тиберия всего через несколько месяцев после смерти Агриппы и рождения последнего ребёнка. Нежелание Тиберия жениться на ней, очевидно, ни для кого не было секретом. Добавим к этому печальную историю о том, как он ходил за Випсанией и плакал. Для неё это тоже было тяжким унижением: весь Рим знал, что муж ею тяготится.

А ещё был сам характер Тиберия. Плиний называл его самым мрачным из людей, а Светоний оставил следующий портрет: «Он ходил, вытянув и наклонив вперёд шею, обычно с суровым выражением лица и большей частью молча, никогда или лишь изредка вступая в разговор со спутниками».[9]

В сохранившихся свидетельствах Тиберий предстаёт человеком замкнутым и погружённым в себя. Молчаливый и скрытный, он был непроницаем, и его намерений никто не мог угадать. Он много пил и отличался скупостью. В молодости страдал угревой сыпью, а во взрослом возрасте у него развилось неустановленное кожное заболевание, сопровождавшееся мокнущими язвами по всему телу. Согласитесь, при всём его положении на мужа мечты он не тянул.

Юлия же, судя по анекдотам, собранным Макробием, была на редкость остра на язык. Однажды отец спросил её, почему накануне она носила платье с глубоким вырезом, а сегодня одета скромно и пристойно – как, по его мнению, и следовало одеваться. Юлия ответила: «Сегодня я оделась для глаз отца, а вчера – для глаз мужа».[10]

Когда один из друзей посоветовал ей больше подражать отцовской любви к простоте, Юлия заметила: «Он забывает, что он Цезарь, а я помню, что я дочь Цезаря».[11]

Первым унизил её Тиберий, бросив дом и жену. Прибавим детство в строгих рамках, три брака, шестерых детей и больше тридцати лет под неусыпным отцовским надзором – и трудно осуждать Юлию за желание хоть немного свободы и удовольствий.

Если отбросить рассказы об оргиях на рострах, скорее всего вымышленные, были ли любовные приключения Юлии чем-то худшим, чем поведение её отца, который неоднократно изменял жёнам и которому друзья будто бы подыскивали девственниц? Или похождения распутного Юлия Цезаря?

Двойной стандарт, разумеется, вопиющий: победы Цезаря вызывали лишь понимающие улыбки и подмигивания. А когда слухи о поведении Юлии достигли её отца, он сослал дочь на остров Пандатерию – крошечный клочок суши площадью всего 1,75 квадратного километра. Её жизнь вновь полностью подчинилась отцовской воле: Юлии запретили пить вино, а каждого посетителя должен был предварительно одобрить Август. А несчастливый брак с Тиберием император наконец расторг.

Сам Тиберий в конце концов вернулся с Родоса к Августу и после его смерти в 14 году н. э. стал императором. Одним из первых его распоряжений было лишить бывшую жену приданого, ещё сильнее ограничить её доходы и полностью запретить посещения в ссылке. Юлии запрещалось даже выходить из собственного дома. Очевидно, Тиберий ничего не простил и не забыл.

Скандально известные императорские дамы

Юлия была не единственной в императорском доме, кто открыто пренебрегал законами о верности. Её дочь – которую, чтобы окончательно всех запутать, тоже звали Юлией, –,[12] была сослана за точно такое же преступление. Находясь в изгнании на острове Тремир, она родила ребёнка, которого её дед Август приказал бросить на произвол судьбы. Как paterfamilias, глава рода

Юлиев-Клавдиев, он имел на это полное право. Но невольно думаешь о том, что чувствовала сама Юлия.

Ливилла, сестра Клавдия, состояла в любовной связи с префектом преторианской гвардии Сеяном, хотя была замужем за Друзом, сыном императора Тиберия. Сеян принадлежит к числу величайших злодеев римской истории. Выходец из незнатной семьи, он служил в преторианской гвардии и завоевал доверие Тиберия, спасши ему жизнь при обвале пещеры. Но в любимцах ему было тесно: он сам метил в императоры.

Для этого мало было благосклонности Тиберия – надо было убрать многочисленную императорскую родню с куда более вескими правами на престол. Сеян принялся устранять их одного за другим, подстраивая обвинения в государственной измене. Именно так Калигула лишился матери и двух братьев. А что ещё укрепило бы его положение? Конечно, брак с женщиной из императорского дома. Тут на сцену и выходит Ливилла.

То, что Ливилла замужем, да ещё за сыном императора, Сеяна ничуть не смущало. В 23 году н. э. Друз неожиданно и скоропостижно скончался, причём тогда его смерть не вызвала особых подозрений. Овдовевшая Ливилла теперь могла вновь выйти замуж. Сеян обратился к Тиберию с предложением о браке, но получил отказ. Ливилла принадлежала к императорскому дому, тогда как Сеян, несмотря на возвышение до всаднического сословия, оставался человеком сравнительно незнатного происхождения. Разница в положении была слишком велика, чтобы Тиберий одобрил такой союз. На сей раз замысел Сеяна сорвался.

Отказ этот любопытен: ведь Август отдал дочь за столь же незнатного Агриппу. Может быть, Тиберий был привязан к Сеяну меньше, чем казалось. А может, был просто ужасным снобом.

Шесть лет спустя, в 31 году н. э., коварные интриги Сеяна против императорской семьи наконец стали известны Тиберию. Разобравшись, император действовал быстро и решительно. Сеяна казнили. Та же участь постигла всех, кто был с ним связан, включая двух малолетних детей префекта. Его дочь была девственницей и потому не подлежала казни. Чтобы обойти это препятствие, палач сначала изнасиловал девочку, а затем задушил её. Тацит сообщает душераздирающую подробность: ребёнок совершенно не понимал, что происходит, и всё повторял палачу, что не сделал ничего дурного.

Апиката, отвергнутая Сеяном жена, теперь потерявшая и детей, рассказала императору, как и почему в действительности умер его сын Друз. Апиката прямо обвинила Ливиллу. Грехи той были многочисленны: супружеская измена, убийство и половая связь с мужчиной более низкого общественного положения. Мать Ливиллы Антония – дочь Марка Антония и Октавии, сестры Августа, – решила сама наказать дочь. Ливиллу замуровали в одной из дворцовых комнат и уморили голодом. По существу, это была та же смерть, которой подвергали весталок, нарушивших обет целомудрия.

Самой знаменитой – или, точнее, печально знаменитой – прелюбодейкой императорского дома, несомненно, была Мессалина. Одно её имя рисует полупрозрачные одежды, обнажённые, лоснящиеся от масла тела и бесконечную оргию. Достаточно набрать её имя в интернете, чтобы обнаружить всевозможные фильмы с маркировкой «только для взрослых». «Я думал, будет что-нибудь эротическое, а это просто порнография», – жаловался один разочарованный зритель.

Мессалина – героиня оперы 1899 года, которую так любил Тулуз-Лотрек, что написал её на одной из своих картин. И он был далеко не единственным: Гюстав Моро, Ганс Макарт, Педер Северин Крёйер и многие другие запечатлели самую скандальную распутницу Рима.

Не меньше любят Мессалину авторы бульварных романов, которые с присущим им рекламным размахом объявляют её «Самой порочной женщиной Рима! Женщиной, ввергнувшей целую империю в эпоху мрачного разврата!» А вот мой любимый образец: «Она была прекрасна, жестока, соблазнительна и смертоносна – от макушки золотистых волос до кончика серебряного хлыста!»

Так заслужила ли Мессалина славу жестокой развратницы, без конца предававшейся утехам и зачастую не утруждавшей себя одеждой? Можете радоваться: заслужила.

Валерия Мессалина родилась между 17 и 20 годами н. э. в императорской семье со всеми невероятно запутанными родственными связями, возникшими благодаря постоянным бракам внутри династии Юлиев-Клавдиев. Её прадедом и прабабкой были Марк Антоний и Октавия, сестра Августа. У них родились две дочери, обе по имени Антония. Младшая Антония вышла за брата Тиберия и родила Германика (будущего отца Калигулы), Клавдия и Ливиллу – ту самую, которую мать потом замуровала во дворце. Старшая Антония вышла замуж за Домиция Агенобарба и родила троих детей. Их сын, также носивший имя Агенобарб, стал отцом Нерона, а младшая дочь Домиция Лепида – матерью Мессалины. Таким образом, Мессалина состояла в родстве едва ли не со всеми римскими императорами. Она была правнучатой племянницей Августа, троюродной сестрой Калигулы, двоюродной племянницей Клавдия и двоюродной сестрой Нерона.

Существовала также родственная связь с императором Тиберием, но тут всё так запутывается, что я сдаюсь. Брат Тиберия был женат на сестре бабушки Мессалины, а значит, она приходилась ему… Пожалуйста, присылайте ответы на открытке.

В 38 году н. э. Мессалину, которой было около двадцати, выдали за её двоюродного дядю Клавдия. Жениху исполнилось сорок семь лет. Мессалине предстояло стать его третьей женой. Светоний сообщает, что со второй супругой, Элией Петиной, Клавдий развёлся по пустяковой причине, а с первой, Плавтией

Ургуланиллой, – из-за подозрения в убийстве. Казалось бы, прекрасное начало для пикантной истории – но, что непростительно, Светоний к этому больше не возвращается.

Мессалина добросовестно исполнила супружеский долг, произведя на свет наследника – сына Британника, названного так в честь завоевания Британии его отцом, – и дочь Октавию. Ей, как и другим женщинам дома, предстояло скреплять разветвлённую семью тщательно рассчитанными браками.

Но Мессалина не ограничивалась детьми и вовсю плела интриги вместе с императорскими вольноотпущенниками – не всегда изобретательные. Например, Аппий Силан поплатился жизнью из-за сна. Ближайший вольноотпущенник императора Нарцисс якобы увидел чрезвычайно ясное сновидение, в котором Аппий Силан замышлял причинить Клавдию вред. Испуганный Нарцисс поспешил рассказать о видении императору. И тут, посреди его рассказа, Мессалина внезапно ахнула и дрожащим голосом сообщила Клавдию, что прошлой ночью видела точно такой же сон о Силане. Более того, подобные сновидения посещали её и прежде. Разумеется, Нарцисс и Мессалина заранее сочинили всю историю. Но как ни прост был замысел, он сработал. Несчастного, совершенно невиновного Силана казнили.

Впрочем, при дворе такие интриги были делом обычным. Династия Юлиев-Клавдиев, дворцовое окружение и всё сенаторское сословие были переполнены людьми, готовыми на что угодно ради возвышения. Вольноотпущенники императорского дома в эту эпоху обладали огромным влиянием и властью. Нарцисс, Каллист и Паллант пользовались безграничным доверием Клавдия, который практически полностью полагался на их советы, к великому возмущению античных историков. Возможно, Мессалиной отчасти двигала и неуверенность: её муж стал императором лишь по счастливой случайности.

После жестокого убийства Калигулы преторианские гвардейцы обнаружили дядю покойного императора, Клавдия, прятавшегося за занавеской. Охране императора нужен был император – иначе всех грозили распустить. Клавдий принадлежал к императорской семье – так почему бы не выбрать его? Гвардейцы подхватили Клавдия и унесли провозглашать императором.

И Мессалина, и Клавдий прекрасно понимали, что дворец кишит родственниками с куда более убедительными правами на престол. В первую очередь речь шла об оставшихся в живых сёстрах Калигулы, которые происходили непосредственно от Августа через его единственную дочь Юлию. У обеих имелись мужья, выглядевшие, пожалуй, более подходящими кандидатами на престол, чем супруг Мессалины. По крайней мере, у них не текла слюна изо рта и голова не дёргалась от нервного тика. Увы, людей с физическими недостатками римляне считали заведомо неполноценными. Собственная мать Клавдия называла его недоделанным уродом. И вы, конечно, помните из предыдущих глав, что, по римским представлениям, внешность мужчины должна была отражать его внутренние достоинства.

Возможно, поэтому часть интриг Мессалины била прямо по императорской семье. Одна из сестёр Калигулы, очередная Юлия среди бесчисленных Юлий императорского рода, была сослана, а затем казнена по сфабрикованным обвинениям императрицы. Причина заключалась в исключительной красоте Юлии и в том, что Клавдий относился к ней с особой симпатией. Ещё одним замыслом Мессалины стала попытка убить юного Нерона. Она провалилась, поскольку, как рассказывали, убийц испугали две змеи, внезапно выползшие из-под его подушки. Мать Нерона Агриппина, ещё одна сестра Калигулы, благоразумно держалась в тени, но и ей от Мессалины доставалось. Хватит интриг! Где обещанный секс? – слышу я возмущённые возгласы. Что ж…

Помните Силана? Его казнили из-за выдуманного сна. На самом деле к палачу его привёл отказ разделить ложе с Мессалиной. Другим мужчиной, отвергнувшим императрицу, был Марк Виниций, супруг одной из императорских Юлий. Его тоже убили за нежелание подчиниться сексуальным притязаниям Мессалины.

Был ещё актёр Мнестер. Он пользовался некоторой известностью благодаря тому, что прежде состоял в любовной связи с Калигулой. Мессалину чрезвычайно раздражало, что Мнестер отказывался стать её любовником, несмотря на щедрые обещания и даже устрашение, о котором сообщает Кассий Дион.

Запугивание вряд ли разжигает в мужчине страсть – не помогло оно и с Мнестером. Но Мессалина не привыкла сдаваться. В конце концов она добилась своего, уговорив мужа приказать актёру во всём повиноваться императрице. Ничего не подозревавший Клавдий, разумеется, и вообразить не мог, что под повиновением жена разумеет бурный секс. Говорили, что таким способом она заполучила немало своих любовников.

Мессалина, несомненно, была прекрасна, а благодаря постоянной практике, вероятно, ещё и весьма искусна в постели. Но всё это хорошо показывает, перед какой дилеммой оказывались многие влиятельные мужчины. Отказать императрице в близости – значит разгневать её и рисковать жизнью. Согласиться – значит вызвать гнев императора и опять-таки рисковать жизнью.

Впрочем, был и третий вариант – как показывает история Секста Травла Монтана – по-видимому, весьма красивого представителя всаднического сословия. Мессалина приказала привести его к себе, но, едва увидев, испытала к нему мгновенную неприязнь и велела убираться. Почему он так ей не понравился с первого взгляда – загадка. Может, слишком резкие духи? Или неудачная родинка? А может, он был так красив, что Мессалина почувствовала соперника.

Но бесконечные романы с кем угодно, хотели того партнёры или нет, со временем приелись Мессалине: ей нужно было большее. Тацит, как обычно, выражается уклончиво, говоря о скуке императрицы и её переходе к «неведомым

порокам». Но что же это были за пороки? К счастью, другие авторы той эпохи рассказывали о них гораздо откровеннее.

Кассий Дион утверждает, будто императрица заставляла других женщин изменять мужьям прямо на глазах у супругов. Плиний Старший сообщает, что однажды Мессалина устроила состязание со знаменитой проституткой, выясняя, кто из них сумеет вступить в половую связь с большим количеством мужчин за один день. Победу одержала императрица, насчитавшая двадцать пять партнёров. Ювенал заявляет, что Мессалина под прозвищем «Волчица» работала проституткой в местном борделе и даже к концу дня оставалась неудовлетворённой. Эти истории и вдохновили сотни порнофильмов, весьма далёких от исторической достоверности.

Но насколько правдивы подобные рассказы? В источниках названы многие любовники Мессалины, однако истории о проституции лишены столь же конкретных подробностей. Что Мессалина вела чрезвычайно бурную жизнь, сомнений почти нет. Но остальное похоже на естественное продолжение сплетен: «Вы только слышали, что на этот раз выкинула наша распутная императрица?» Иными словами, обычные слухи. Состязание с проституткой и история с борделем, скорее всего, были выдуманы.

Но не огорчайтесь: есть ещё одна поистине потрясающая история, и в ней, вероятно, немало правды. Самый скандальный рассказ, в который с трудом верят даже античные источники: Мессалина вышла замуж.

У Тацита это поступок женщины, перепробовавшей все мыслимые бесчинства, которой оставалось превзойти себя лишь одним, самым невероятным скандалом. После победы над проституткой в состязании любовников двигаться дальше было некуда – шокировать могло только замужество.[13]

История этой свадьбы почти фарсовая и особенно наглядно показывает, насколько мало Клавдий знал о занятиях собственной жены, каким доверчивым простаком он был и как реальная власть при императорском дворе принадлежала вовсе не ему, а его вольноотпущенникам.

Женихом должен был стать Гай Силий, которого Тацит, обычно весьма скупой на комплименты, называет «самым красивым молодым человеком Рима». Мессалина, разумеется, мимо пройти не могла. В Силии, в отличие от Монтана, ничего отталкивающего не нашлось, и вскоре она влюбилась без памяти – так, что заставила его развестись. Разрушать брак Силию не хотелось, но выбора почти не было, и он развёлся. Тацит язвительно замечает: «Связь приносила немалую выгоду».

Избавившись от жены, Силий стал самым настоящим содержанцем. Императрица осыпала его дворцовыми подарками, от мебели до целой свиты императорских рабов, которые прислуживали ему, пока он возлежал на пурпурном пиршественном ложе. Жизнь удалась, и Силий, возможно, ещё долго бы ею наслаждался, если бы не женился на императрице.

Античные авторы расходятся во мнении, кому именно пришла в голову идея свадьбы. Тацит утверждает, что её предложил Силий, а Мессалина поначалу не проявила особого энтузиазма, пока её не соблазнила сама невероятная дерзость замысла. Кассий Дион, напротив, твёрдо убеждён, что всё придумала Мессалина, а Силий был человеком, вынужденным подчиниться. Вполне возможно, правы отчасти оба: после случившегося каждый, похоже, валил вину на другого.

Если вы собрались замуж за красавца-любовника, не разведясь с прежним мужем, разумнее дождаться, пока законный супруг уедет подальше. Так они и сделали: Клавдий был в Остии. Поскольку стояла осень, Силий и Мессалина решили устроить свадьбу в духе праздника сбора винограда, включив в церемонию элементы культа Вакха. Невеста распустила волосы, придав себе естественный вид, и взяла тирс – священный жезл Вакха. Жених украсил голову венком из плюща и обул сандалии, доходившие до середины голени. Гостей развлекали работой виноградных прессов, женщины в звериных шкурах изображали менад. Хорошо хоть сатиров никто не догадался добавить.

Но о чём они вообще думали? Видимо, ни о чём. Всё казалось им забавной затеей: прекрасная вечеринка, много вина, множество развлечений и ещё одна возможность для императрицы устроить нечто неслыханно скандальное! Но церемония-то была настоящая: Силий женился на императрице в отсутствие императора. Такое нетрудно было представить не безобидной вечеринкой, а переворотом.

До сих пор Мессалине всё сходило с рук: сексуальные приключения, многочисленные романы, связи с кем угодно и когда угодно. Об этом знал весь Рим – за исключением её мужа. И не знал он лишь потому, что всемогущие вольноотпущенники скрывали от него правду. Но теперь всё должно было измениться.

Веселясь на свадьбе, Мессалина не понимала, что натворила. Дворцовые вольноотпущенники были баснословно богаты и могущественны исключительно потому, что император позволял им такими быть. Нынешний порядок сулил им огромные выгоды, и нового императора в лице Силия они вовсе не желали. Что хорошего им сулила такая перемена?

Всемогущая троица – Нарцисс, Паллант и Каллист – состояла из опытных придворных, переживших правление трёх предыдущих императоров. Каллист, несомненно, приложил руку к гибели Калигулы. Паллант сыграл важную роль в падении Сеяна. Нарцисс помогал Мессалине устранять мужчин, отказывавшихся вступать с ней в сексуальные отношения. Умные, жёсткие, беспощадные люди. Мессалина катастрофически их недооценила – и теперь ей предстояло за это заплатить.

Клавдию сообщили обо всём. Если вы ждёте приступа бешенства и криков о мести – придётся разочаровать: Клавдий повёл себя неожиданно трогательно и по-человечески. Он растерялся и был глубоко потрясён. «Я всё ещё

император?» – снова и снова спрашивал он советников, пытаясь осмыслить услышанное. Мало того что его жена оказалась распутницей и он узнал об этом последним, – именно сейчас она, по-видимому, намеревалась заменить его более молодым супругом.

Сообщив такое и поставив на кон собственные жизни, вольноотпущенники требовали решительных действий. Они знали, что Клавдий слабохарактерен, что Мессалина способна вновь склонить его на свою сторону и что, как только ей это удастся, она непременно жестоко отомстит каждому из них. А император на решительность был неспособен: он метался между гневом на жену и нежными воспоминаниями о браке и двух прекрасных детях. Пришлось действовать вольноотпущенникам. Нарцисс взял руководство на себя и на один день передал себе командование дворцовой охраной.

Тем временем в Риме до новобрачных начали доходить слухи, что императору стало известно об их выходках. Это несколько омрачило праздник. Гости поспешно разбежались по домам. Жених отправился на Форум, видимо, рассчитывая сделать вид, что весь день занимался там делами и ни о какой свадьбе слыхом не слыхивал. Невеста же задумала именно то, чего так боялись вольноотпущенники: она решила лично обратиться к мужу.

Клавдий возвращался в Рим в императорской повозке, когда у дороги перед ним появилась Мессалина. Обливаясь слезами, она умоляла супруга выслушать её – мать его детей. Однако находчивый Нарцисс принялся кричать так громко, что Клавдий не мог разобрать её жалобных просьб.

Император всё ещё колебался. Поэтому Нарцисс вновь взял дело в свои руки и отвёз Клавдия в дом Силия. Там были выставлены напоказ вещи и рабы, похищенные из дворца, включая некоторые предметы, прежде принадлежавшие отцу императора. Увиденное наконец разозлило Клавдия настолько, что Нарцисс уговорил его обратиться с короткой речью к верным гвардейцам.

После этого началась кровавая расправа. Попытки Силия изображать невинного человека, который всё время находился на Форуме и ничего не знал о свадьбе, быстро рухнули, когда императорские слуги стали наперебой рассказывать подробности многолетних похождений Мессалины. Силия немедленно казнили. За ним последовали другие: всадники, сенаторы, начальник ночной стражи и управляющий гладиаторской школой. Как видите, особого «типа» у Мессалины не было.

Впрочем, казнили далеко не всех, кто был связан с Мессалиной. Суллий Цезонин избежал смерти, поскольку, как нам сообщают, на празднествах исполнял «женскую роль». Можно предположить, что он выступал пассивным партнёром при проникновении – или, по крайней мере, утверждал, будто это было так. Римляне не могли поверить, что настоящий мужчина добровольно признается в таком позоре, и Цезонину сохранили жизнь – но не репутацию.

А что же Мессалина? Она по-прежнему надеялась уговорить мужа простить её, и император и впрямь опасно склонялся к прощению. Прежде чем Клавдий

успел окончательно решить дело в её пользу, вмешался Нарцисс. Он распорядился казнить Мессалину, поскольку сам император не находил в себе сил отдать такой приказ. Поняв наконец, что всё кончено, Мессалина попыталась заколоться сама, но не хватило духу. Пока она неуверенно примеривалась, гвардейцы выломали дверь и сделали то, чего не смогла она. Когда Клавдию сообщили о смерти жены, он попросил ещё вина и продолжил пир.

Как видим, суровые законы Августа почти не повлияли на женщин его же семьи. А остальные римлянки, очевидно, стали искать лазейки. Одной из таких лазеек оказалась регистрация в качестве проститутки. Светоний изображает этих женщин как особ, добровольно отказывавшихся от прав и привилегий римской матроны и сознательно унижавших собственное положение. Это видно и из формулировки закона, принятого Тиберием для закрытия подобной лазейки. Любопытно, что работу актрисы закон ставил практически на одну ступень с проституцией: «Женщина, которая безвозмездно занимается сводничеством ради уклонения от наказания за прелюбодеяние либо предоставляет свои услуги для выступлений в театре, может быть обвинена и осуждена за прелюбодеяние на основании постановления сената».[14]

И Светоний, и Тацит совершенно определённо характеризуют подобных женщин как скандально известных, безнравственных и бесстыдных. Но, может быть, они просто поступали практично? Обвинение в прелюбодеянии означало для римлянки лишение привилегий и общественного положения, а также вероятную ссылку в какое-нибудь малоприятное место. Видимо, немало женщин предпочитали добровольно расстаться со статусом ради свободы без изгнания – иначе закон не пришлось бы ужесточать.

Тацит называет одну из таких представительниц знати – Вистилию, зарегистрировавшуюся в качестве проститутки и впоследствии сосланную на остров Серифос. Её муж получил порицание за то, что не донёс на супругу властям, следившим за нравственностью. Видимо, потому, что прекрасно знал, чем она занимается.

Возможно, законы Юлия были обречены с самого начала: они пытались вернуть эпоху, которой, скорее всего, никогда не было, а воскресить выдуманный мир не под силу никакому закону. Но императоры не оставляли попыток.

Следующим блюстителем нравственности стал император Домициан, правивший с 81 по 96 год н. э. Он подражал Августу, уделяя особое внимание постройкам красивым и полезным, надлежащему почитанию богов и очередному исправлению общественных нравов.

Среди многочисленных нравственных установлений Домициана – запретов кастрации и проституции свободнорождённых мальчиков – особенно суровые меры были направлены против прелюбодеяния. Он ужесточил наказания для женщин, признанных виновными в супружеской измене. Согласно законам Августа, прелюбодейка лишалась права носить столу, что служило публичным свидетельством её безнравственности. Домициан добавил к этому запрет

пользоваться носилками. Теперь любой сразу видел опозоренную женщину – а заодно, наверное, поубавилось и мимолётных свиданий в носилках на ходу. Ещё одним законом Домициан запретил осуждённым за прелюбодеяние женщинам получать наследство и завещательные дары – важнейшие средства, позволявшие римлянкам обрести хотя бы некоторую независимость.

Кроме того, Домициан закрыл некоторые лазейки, обнаруженные в законах Августа. Согласно прежним правилам, муж был обязан развестись с изменившей ему женой. Однако выяснилось, что некоторые мужчины после развода вновь женились на прежних супругах. Домициан решительно положил конец подобной практике. Но, как и великий реформатор нравов Август, Домициан вскоре сам заслужил упрёки в лицемерии: он нарушал собственные законы.

Новый лицемер – поборник нравственности

Домициан был младшим сыном Веспасиана, вступившего в борьбу за престол в 69 году н. э. – Год четырёх императоров. Когда Веспасиана провозгласили императором, он благополучно пребывал в тёплой Сирии. А вот восемнадцатилетний Домициан оказался в Риме, где неожиданно превратился в главного представителя новой династии Флавиев.

Веспасиан прибыл в Рим, чтобы принять императорские почести, приблизительно в конце 70 года н. э. И с удивлением узнал, что младший сын без него успел жениться. Неожиданная невестка, Домиция, обладала исключительно знатным происхождением: её отцом был прославленный полководец Корбулон, а мать происходила из рода Августа. Такое родство было весьма кстати новой династии, чья родословная выглядела куда скромнее. Правда, когда Домициан начал ухаживать за Домицией, она уже состояла в браке. Но разводы в Древнем Риме были делом обычным, оформлялись легко и не сопровождались общественным позором. Так что прежний брак ничуть не умалял её достоинств как невесты.

Однако Веспасиан остался недоволен. И не только потому, что Домициан женился без разрешения отца, являвшегося paterfamilias, главой семейства. Веспасиан уже выбрал сыну другую невесту – собственную внучку Юлию, племянницу Домициана. Юлия была на десять лет моложе жениха и приходилась дочерью его старшему брату Титу. Такой брак ещё теснее связал бы Флавиев кровными узами. Однако Домициан, как настойчиво сообщают источники, решительно отказался от этого союза и сохранил верность своему выбору – Домиции.

Брак Домициана и Домиции счастливым не был. Ходили слухи, будто она состояла в любовной связи со своим деверем Титом. А в 81 году н. э., вскоре после того как Домициан унаследовал престол от старшего брата, в их супружеской жизни разразился грандиозный скандал.

Античные авторы расходятся в подробностях случившегося, однако в целом сходятся на том, что Домицию сослали за прелюбодеяние с актёром Парисом.

Кассий Дион утверждает, будто Домициана с трудом отговорили от казни жены, а её любовника Париса он убил прямо посреди улицы. Последнее сомнительно: что мешало императору доставить Париса во дворец и разделаться с ним без свидетелей?

Но за этим рассказом угадывается намёк, что Домициан застал Домицию с Парисом на месте преступления. Существовал древний римский закон, допускавший убийство прелюбодея и неверной жены, застигнутых на месте преступления. Правда, убедительных свидетельств применения этого закона почти нет, а точные обстоятельства, при которых подобное убийство могло считаться законным, постоянно становились предметом споров. Впрочем, важно другое: в рассказе погибает только Парис, а не Домиция, хотя именно она являлась неверной супругой. Кассий Дион также утверждает, будто Домициан развёлся с женой, однако среди сохранившихся источников он единственный, кто об этом сообщает.

Согласно собственным законам, Домициан был обязан развестись с супругой. Домицию следовало лишить соответствующего общественного положения и низвести до статуса проститутки, тем самым исключив возможность нового брака. До конца дней она должна была оставаться опозоренной в глазах общества. Однако ничего подобного не произошло.

Сколько времени Домиция провела в изгнании, неизвестно. На некоторое время её изображение исчезло с монет, но достоверно известно, что затем она вернулась. Античные авторы утверждают, что Домициана вынудило общественное мнение, но это больше похоже на отговорку. Домициан был властным правителем, отличавшимся суровыми нравственными убеждениями, и трудно поверить, что он так легко уступил бы требованиям римской толпы. Гораздо вероятнее, что он сам пожелал вернуть Домицию – по вполне понятной причине: скучал по ней и любил её.

Итак, перед нами великий поборник нравственности, попиравший собственные законы о прелюбодеянии. Он либо не развёлся с неверной женой, либо вновь женился на ней после развода. И то и другое он категорически запрещал. Домиция не лишилась общественного положения, продолжала пользоваться носилками и носить столу – опять-таки вопреки нравственным установлениям собственного мужа.

«Наказание установлено для мужа, извлекающего материальную выгоду из прелюбодеяния своей жены, равно как и для того, кто сохраняет брак после того, как жена была уличена в измене. Более того, позволяющий супруге совершать подобное преступление проявляет презрение к самому браку».[15] Эти слова из законодательства Августа, которое Домициан столь ревностно стремился ужесточить и применять, звучат по отношению к нему самому как убийственный упрёк.

Со временем законы о прелюбодеянии становились всё строже. Теперь для привлечения к ответственности уже не требовалось самому вступать в

запрещённую половую связь. «Всякий, кто сознательно предоставляет свой дом для совершения разврата или прелюбодеяния с замужней женщиной, не являющейся его супругой, либо с мужчиной, а также тот, кто извлекает материальную выгоду из прелюбодеяния своей жены, независимо от своего общественного положения подлежит наказанию как прелюбодей».[16]

Закон потом не раз дополняли, и, судя по поправкам, за ними стояли ожесточённые юридические споры. Очевидно, какой-то находчивый обвиняемый попытался избежать наказания, указав, что проживает не в собственном доме, а в квартире. В результате появилось уточнение: «Совершенно ясно, что под словом „дом“ подразумевается всякое жилище».

Разобравшись, что считать домом, законодатели взялись за «свой дом»: «Ответственности подлежит также всякий, кто предоставляет для подобных целей дом друга». Казалось бы, теперь предусмотрены все возможные случаи и окончательно закреплён главный принцип: нельзя предоставлять помещение для незаконных любовных встреч. Но нет. Потребовалось ещё одно уточнение: «Если кто-либо способствует совершению разврата в поле или в бане, он также подпадает под действие закона».

Похоже, хотя бы один предприимчивый римлянин сдавал свою землю под любовные утехи на свежем воздухе. А заодно закон официально признавал, что общественные бани – рассадник приключений и тайных свиданий, а потому их тоже следовало включить в сферу действия закона.

Итак, теперь всё ясно. Запрещается каким-либо образом способствовать прелюбодеянию в собственном доме или квартире, в чужом доме или квартире, а также в любом месте, которое вообще не является ни домом, ни квартирой. Понятно? Очевидно, не вполне, потому что понадобилось ещё одно дополнение: «Если люди имеют обыкновение собираться в определённом доме для обсуждения предстоящего прелюбодеяния, даже если само преступление совершается в другом месте, владелец считается предоставившим дом для разврата или прелюбодеяния, поскольку без этих встреч преступление не было бы совершено».

И снова подчёркивается тот же принцип: преступлением считается само поощрение запрещённой связи и содействие её осуществлению. Не имеет значения, занималась ли пара сексом именно в этом месте или нет. Важно то, что ей помогали организовать свидание. В этот момент вся римская юстиция, должно быть, дружно билась головой о столы.

Законов о прелюбодеянии было великое множество: одни закрывали всё новые лазейки, как мы видели, другие пресекали злоупотребления самими законами. Римская судебная система позволяла любому человеку выдвинуть обвинение против другого. Для этого вовсе не требовалось быть родственником обвиняемого или иметь непосредственное отношение к предполагаемому преступлению. Обвинитель мог даже ни разу в жизни не встречаться с человеком, которого решил привлечь к суду.

Тёмная сторона этой системы ярче всего видна в доносчиках. Эти люди проводили дни напролёт, обвиняя сограждан в преступлениях – чаще всего в государственной измене против императора. Когда несчастного обвиняемого признавали виновным, доносчику доставалась часть конфискованного имущества. Некоторые благодаря подобному промыслу наживали огромные состояния.

Что находились люди, пытавшиеся нажиться на законах о прелюбодеянии, видно по юридическим казусам. Например: «Тесть, подавший наместнику письменное обвинение своей невестки в прелюбодеянии, затем предпочёл отказаться от обвинения и получить её приданое. Возникает вопрос, следует ли допускать подобную уловку».[17]

Ответ был отрицательным: подобное поведение не допускалось, поскольку ставить денежную выгоду выше чести собственного дома считалось постыдным.

Возможно, стремление завладеть приданым лежало и в основе другого замысла: «Если муж с целью опозорить жену сам подыскивает ей любовника, чтобы затем застать их вместе». В этом случае постановлялось привлечь к ответственности за прелюбодеяние обоих супругов.

С распространением христианства и приходом к власти христианских императоров в IV–V веках вопросы общественной нравственности вновь стали предметом особенно пристального внимания законодателей. Теперь за прелюбодеяние полагалась не ссылка, а смерть, причём жестокая: осуждённого могли зашить в мешок и утопить либо сжечь заживо.

Историк Аммиан Марцеллин приводит целый перечень суровых наказаний, которым подвергали прелюбодеев. Сенатору Цетегу отрубили голову. Флавиану раздели по дороге к месту казни. Руфину, её любовников и всех, кто содействовал измене, казнили. Марцеллин говорит о «многих» женщинах знатного происхождения, которым пришлось поплатиться жизнью за нарушение законов о супружеской верности.

Даже жена императора не была защищена от наказания за прелюбодеяние, о чём свидетельствует смерть Фаусты, супруги Константина Великого. Впрочем, точнее сказать – предположительно: казнь Фаусты окутана такой тайной и интригами, что вопросов в ней куда больше, чем ответов.

Загадочная смерть жены христианского императора

Флавия Максима Фауста была дочерью императора Максимиана. В 307 году н. э., следуя привычной римской практике, её выдали замуж ради заключения политического союза между отцом и Константином. Фауста оказалась образцовой преданной супругой. Узнав, что собственный отец готовит заговор против её мужа, она предупредила Константина, поставив безопасность супруга выше интересов родной семьи. Этот поступок привёл к самоубийству Максимиана.

В дальнейшем Фауста вновь проявила себя идеальной супругой, родив шестерых детей – троих сыновей и трёх дочерей. Константин, несомненно, высоко её ценил – он даровал ей титул августы. И вдруг в 326 году н. э. Фаусту казнили. Способ её смерти каким-то образом был связан с горячей ванной. Зосим сообщает, что Константин приказал «нагреть баню до необычайно высокой температуры, запер в ней Фаусту и вскоре вынес её уже мёртвой».[18]

Это описание заставляет предположить поистине ужасную смерть – погружение в кипящую воду. Однако другие источники допускают, что Фаусту задушили с помощью жара и пара в бане. Подобный способ некогда использовал Нерон, избавляясь от ставшей ему неудобной жены Октавии. Как бы то ни было, Фауста явно чем-то страшно разгневала мужа. Но чем?

Возможно, разгадка связана с другой столь же внезапной и необъяснимой казнью, совершённой незадолго до гибели Фаусты. Речь идёт о смерти сына императора – Криспа. Он родился от первого брака Константина с Минервиной. Подобно Фаусте, Крисп долгое время жил вполне благополучно. В 317 году н. э. ему пожаловали чрезвычайно почётный титул цезаря и назначили командующим в Галлии. Позднее он сражался рядом с отцом во время гражданской войны против Лициния в 324 году и проявил выдающиеся полководческие способности в решающем морском сражении. В награду, а также в знак доверия Константин передал Криспу под командование часть собственных легионов. В какой-то момент Крисп женился и подарил Константину первого внука. Император отметил радостное событие, объявив помилование заключённым.

В целом Крисп выглядел весьма вероятным наследником престола, и его изображение даже появлялось на монетах. Но в 326 году н. э. он неожиданно предстал перед судом и был казнён. Все сохранившиеся источники связывают эту казнь с гибелью Фаусты, последовавшей вскоре после неё. Но объясняют причины все по-разному, и эта загадка уже много веков не даёт историкам покоя.

Церковный историк Филосторгий выражается весьма загадочно, сообщая, что Крисп был казнён вследствие происков Фаусты. Зосим возлагает вину на самого Криспа, будто бы обесчестившего собственную мачеху. Под «обесчещиванием» Зосим подразумевает изнасилование. Можно поверить, что за такое Константин казнил бы и любимого сына. Но смерть Фаусты Зосим объясняет куда хуже – совершенно неправдоподобной историей о том, будто мать Константина Елена была настолько потрясена гибелью внука, что император убил Фаусту, чтобы ничто больше не напоминало Елене о случившемся.

Зонара предлагает иную версию: «Его [Криспа] мачеха Фауста безумно влюбилась в него, но никак не могла добиться взаимности. Тогда она объявила его отцу, что Крисп сам воспылал к ней страстью и неоднократно пытался совершить над ней насилие. Поверив жене, Константин приговорил сына к смерти».[19]

Эта версия согласуется с упоминанием Филосторгия об интригах Фаусты и рассказом Зосима об изнасиловании. Соединив эти свидетельства, можно предположить, что Фауста, возможно заботясь о правах собственных трёх сыновей на наследование престола, выдумала историю, будто Крисп изнасиловал её или каким-либо иным образом повёл себя недопустимо. Криспа судили и казнили, вероятно на основании законов о прелюбодеянии. Впоследствии Константин узнал об обмане жены и приказал казнить также её.

Что в этих слухах, возможно, была доля правды, говорит одно любопытное обстоятельство. Даже когда после смерти Константина императорами стали трое сыновей Фаусты, они не отменили наложенное на память матери проклятие – damnatio memoriae – и не предприняли никаких попыток восстановить её доброе имя. Мы можем строить предположения, но никогда не узнаем, что произошло в действительности. Вся история так и остаётся манящей и тревожной тайной.

Итак, измена так тревожила римлян, что они принимали особые законы и ужесточали наказания. Но бесконечные поправки говорят о том, что толку от этого было немного.

Не раз императоры оказывались в положении, когда законы о прелюбодеянии нарушали они сами или их родные, – весьма неприятная дилемма. Август беспощадно преследовал женщин собственного семейства за внебрачные связи, но ничуть не пытался ограничить собственные любовные приключения. Домициан пытался соблюсти букву собственного закона и сослал неверную жену, но не вынес разлуки. Единственным, кто, похоже, последовательно применил свои законы, оказался Константин: он казнил и жену, и её любовника. Во всяком случае, так нам кажется.

Глава 13

Гомосексуальность

Название главы, по правде говоря, не слишком удачное: гомосексуальности как таковой в Древнем Риме не было – в латыни для неё даже слова не нашлось. Вы, возможно, недоумеваете: ведь мы уже говорили о предполагаемом прошлом Марка Антония в качестве юноши, торговавшего собственным телом, о том, будто Август добился усыновления Юлием Цезарем благодаря сексуальным услугам, и о жителе Помпей, который написал на стене, что покончил с женщинами и теперь предпочитает проникать в мужские задницы. Не забудем и загадочный жест, которым Клодий дразнил Помпея, явно метя в его мужественность. Разве всё это не имеет отношения к гомосексуальности?

Так в чём же дело? Да, однополые связи в Риме были, и нередко. Но правила, которым они подчинялись, сильно отличались от нынешних. Римляне не делили людей на категории в зависимости от того, к кому те испытывали влечение, и не называли себя ни гетеросексуалами, ни гомосексуалами. Вместо этого они пользовались словами, обозначавшими конкретное сексуальное действие и роль человека в нём. С некоторыми из этих терминов мы познакомились ещё в первой главе: futuo – совершать вагинальное проникновение, pedico – совершать анальное проникновение, irrumare – насильственно проникать в рот. Пол партнёра значения почти не имел. Главное – само действие и, что особенно важно, роль в нём.

Мы уже видели это на примере virtus – мужской доблести, которую юноше надлежало беречь. А в главе, посвящённой языку, выяснили, что самые оскорбительные выражения, какими можно было унизить римского мужчину, подразумевали его пассивную роль в оральном сексе. Надписи на стенах Помпей и Геркуланума буквально кишат обвинениями в подобных занятиях. Взять хотя бы беднягу Косма, которого извержение вулкана навеки обессмертило вот такой надписью: «Косм – законченный извращенец и членосос, который только и делает, что раздвигает ноги».

Настоящий римский мужчина, обладавший virtus, всегда должен был совершать проникновение, но никогда – подвергаться ему. Для мужчин, занимавших пассивную роль, существовали особые обозначения. Самым грубым и прямолинейным было pathicus – мужчина, позволяющий совершать с собой анальное сношение. Тут уж двусмысленности никакой. Но были слова и поделикатнее, например mollis, то есть «мягкий», или effeminatus, почти не нуждающееся в переводе. К числу других обозначений относились cinaedus и catamitus. Оба термина были связаны с танцами, особенно с исполнителями, соблазнительно извивавшими бёдрами.

Римские авторы немало рассуждали о том, как распознать «мягкого» мужчину, кинеда. Прежде всего его будто бы выдаёт одежда. Сципион Эмилиан, описывая Публия Африкана, у которого были выбриты брови, выщипана борода и который носил плотно облегавшую тело одежду, заключал: «Неужели кто-нибудь сомневается, что он занимается тем же, чем и кинеды?»[1]

Сенека называл ближайшего помощника Августа, Мецената, женоподобным, поскольку тот «вечно расхаживал по городу в развевающейся тунике».[2]

Пристрастия Калигулы, по мнению античных авторов, также безошибочно выдавал его вкус в одежде: «Он часто появлялся на людях в расшитых плащах, усеянных драгоценными камнями, в туниках с длинными рукавами и браслетах; иногда – в шёлковых одеждах и женском платье, то в домашних туфлях, то в высокой театральной обуви».[3]

Ещё одним несомненным признаком женоподобия считалась походка. Сенека вновь обращается к примеру Мецената: «Мы знаем, как он ходил», – замечает философ, но, к нашему огорчению, не объясняет, что в ней было особенного. Ювенал выражается столь же туманно, упоминая женоподобного мужчину, «который выдаёт свою болезнь взглядом и походкой».[4]

Думаю, понятно, о чём речь: жеманный, семенящий мужчина в длинной тунике. Добавим к этому стереотипу портрет Габиния у Цицерона: «Его волосы были тщательно уложены, благоухающие локоны ниспадали на лоб, а щёки были умащены притираниями и старательно нарумянены».[5]

Ювенал предлагает целый перечень признаков, по которым можно распознать женоподобного мужчину: «Один подкрашивает брови чёрной сажей, удлиняет их косыми линиями карандаша и кокетливо хлопает ресницами, нанося краску; другой пьёт из кубка в форме фаллоса, а его пышная шевелюра заключена в позолоченную сетку. На нём клетчатое голубое или жёлто-зелёное атласное одеяние».[6]

Пока всё вроде бы ясно. Но жеманство, накрашенное лицо и женские наряды были не единственными приметами кинеда. Был и другой способ его распознать – искать полную противоположность, нарочито мужественного человека. «Найдите какого-нибудь неотёсанного философа с щетинистым подбородком, который без конца разглагольствует о славных временах прошлого! Вы непременно такого встретите. Но среди этих суровых староримских мужей извращенцев пруд пруди»,[7] – насмехается Марциал. Ювенал рассказывает похожие истории о мужчинах, скрывавших свои пристрастия за волосатыми руками, могучим телосложением и строгими нравственными убеждениями.

Всё это снова показывает, как пристально римское общество следило за своими членами. Походку, тунику, бороду, голос – всё разбирали в поисках малейшего намёка на женоподобие. Но и те же походка, туника, борода и голос вызывали подозрение, если намёков не находилось: ведь чрезмерная

мужественность тоже могла оказаться лишь маской, скрывавшей пристрастие к пассивному анальному сексу. Утомительное, должно быть, дело – быть римским мужчиной.

При этом pathicus вовсе не обязательно желал только мужчин; гомосексуалом в нынешнем смысле он не был. Для римлян это был человек, нарушавший сексуальные нормы и вполне способный на связи и с мужчинами, и с женщинами. Ювенал предупреждал мужей о евнухах, живущих в их домах: «Этот прелюбодей с сеткой на волосах подводит веки чёрной краской и расхаживает в распахнутом шафрановом платье. Вот уж кого вам следует опасаться особенно».[8]

Все императоры, которых обвиняли в пассивной роли, одновременно славились множеством романов с женщинами. Таков был, например, Калигула, о котором Валерий Катулл утверждал, будто «отымел императора в зад и совершенно выбился при этом из сил».[9] Рассказывали, что на пирах Калигула придирчиво оглядывал жён гостей, уводил приглянувшихся для короткого развлечения, а затем возвращал мужьям.

Главный порок кинеда, или патика, – как его ни назови – в том, что он пассивен и доставляет удовольствие другим: не действует, а позволяет действовать над собой. А суть Рима и римской мужественности – действие. Действовать значило служить государству; деятельной энергией римляне и создали империю. Если же человек предавался бесчисленным сексуальным развлечениям с партнёрами обоих полов, он пребывал в праздности, ничего не совершал и, следовательно, пренебрегал долгом перед государством.

Большинство утверждений о чьей-то «мягкости» и пассивности так и оставались обвинениями – ядовитой риторикой. Но эти оскорбления многое говорят о римских запретах: быть объектом проникновения для мужчины было так недопустимо, что одного подозрения хватало, чтобы погубить репутацию.

Император Вителлий мог подтвердить это на собственном опыте. Юность он провёл на Капри в те времена, когда о Тиберии ходили самые невероятные слухи. Именно тогда за Вителлием закрепилось прозвище «Спинтрия», означавшее «извращенец». Как сообщают источники, оно преследовало его до конца жизни.

Из-за этого строгого запрета, да ещё при том, что римляне не делили людей по влечениям, во всей римской истории почти невозможно найти примеры долгих отношений двух взрослых мужчин по взаимному согласию. Их практически нет. Я намеренно подчёркиваю слова «взрослыми» и «по взаимному согласию», поскольку, как уже говорилось, однополые отношения в Древнем Риме действительно существовали, но строились по совершенно иным правилам. О них и поговорим.

Важнейшая оговорка: запрет на пассивную роль касался лишь свободнорождённых мужчин. Мы уже сталкивались с этим обстоятельством, рассматривая закон Скантиния. «Постыдные» действия, подлежавшие судебному преследованию, считались преступлением лишь в том случае, если совершались в отношении свободных мужчин и женщин. Рабы, вольноотпущенники и люди, запятнанные infamia, подобной защитой не пользовались. Сенека прекрасно выразил это различие: «Для свободного человека сексуальная пассивность – преступление, для раба – необходимость, для вольноотпущенника – обязанность».[10]

Пользоваться рабами для утех было в Риме делом самым обычным. «Я ведь четырнадцать лет был любимцем своего господина. Ничего постыдного в повиновении хозяйским приказам нет. Да и госпожу я тоже развлекал. Понимаете, о чём я; больше ничего не скажу, я человек не хвастливый».[11] Так рассказывает вольноотпущенник Трималхион в «Сатириконе» Петрония.

Сенека, говоря о положении многих рабов-мужчин, замечает: «Он вынужден бодрствовать всю ночь, деля своё время между пьянством хозяина и его похотью». Гораций с обескураживающей простотой объясняет, чем рабы лучше свободных женщин: они всегда под рукой.

> Попросишь ли ты золотую чашу, когда умираешь
> От жажды? И станешь ли отвергать любую пищу,
> Кроме павлина или тюрбо, когда голодаешь?
> Так почему же, когда член твой набухает от желания,
> А рядом оказывается юная рабыня или мальчик,
> Которыми можно овладеть немедленно,
> Ты предпочёл бы изнывать от страсти?
> Я – нет. Мне по душе удовольствие, которое легко получить.[12]

Некоторые имена, которые давали рабам, отличались намеренной жестокостью и служили постоянным напоминанием об ожидаемых от них услугах. Мы встречаем имена, означающие «Соблазнительный», «Стройные ножки», «Желание», «Возлюбленный», «Наслаждение», «Поцелуй». Рабы совершенно не распоряжались собственными телами. Катон Старший, решив, что неудовлетворённое сексуальное желание делает рабов-мужчин более беспокойными, предоставил каждому из них рабыню для удовлетворения потребностей. Ни мужчины, ни женщины, разумеется, не могли ничего возразить. Не имел права выбора и раб, упомянутый в приведённом выше стихотворении Горация. Удовольствие самого поэта представлялось единственным важным обстоятельством; желания оказавшейся поблизости рабыни или мальчика вообще не принимались во внимание.

Всё это помогает понять общественное презрение к вольноотпущенникам. Пренебрежение, с которым Тацит и подобные ему авторы относились к бывшим

рабам, даже занимавшим высокие должности, вероятно, отчасти объяснялось отвращением к услугам, которые те, предположительно, оказывали хозяевам в прежнем положении. И речь шла не только о рабстве. Даже получив свободу, вольноотпущенники продолжали зависеть от прежнего господина, что прямо закреплялось законом: «Вольноотпущенник обязан, сообразно своим возможностям, поддерживать патрона в случае нужды подарками, подношениями и услугами».[13]

Слово «услуги» здесь отличается замечательной неопределённостью и, несомненно, во многих случаях могло подразумевать услуги сексуального характера. У нас действительно имеются многочисленные свидетельства интимных отношений вольноотпущенников с их бывшими хозяевами.

Императорские любимцы

Больше всего сведений сохранилось о вольноотпущенниках императорского двора. И источники ясно показывают, что они тоже продолжали оказывать бывшему господину – императору – особые «услуги».

При Нероне и рабы, и вольноотпущенники оказывались втянутыми в причудливые сексуальные игры императора: «Наконец он придумал особую забаву: облачившись в шкуру дикого зверя, он выскакивал из клетки и набрасывался на половые органы мужчин и женщин, привязанных к столбам, а когда удовлетворял своё безумное сладострастие, его усмирял вольноотпущенник Дорифор».[14]

Это нисколько не делает происходившее менее чудовищным, но, полагаю, выражение «набросился на половые органы» можно понимать как совершение оральных сексуальных действий. Имя Дорифор означает «копьеносец», и трудно отделаться от мысли, что Светоний здесь двусмысленно шутит, тем более что другие источники называют этого человека Пифагором.

Пифагор-Дорифор играл главную роль и в другой сексуальной игре Нерона, когда выступал женихом, а император – невестой: «Он унизился до того, что сочетался браком с одним из этой гнусной шайки, по имени Пифагор, соблюдая все обряды законного супружества. На императора накинули свадебное покрывало; присутствующие видели свидетелей церемонии, приданое, брачное ложе и свадебные факелы. Словом, всё происходило открыто, даже то, что при обычном браке женщины скрывает ночь».[15]

После церемонии Пифагор исполнил супружеские обязанности, а Нерон дал, вероятно, самое выдающееся представление в своей жизни, «подражая крикам и стенаниям девушки, лишаемой девственности».[16]

Какие выводы можно сделать из этой истории? Во-первых, Нерон располагал совершенно непозволительным количеством свободного времени, которое наверняка мог бы использовать куда полезнее. Во-вторых, всё происходившее представляло собой игру, своеобразное сексуальное представление с распределёнными ролями.

После знакомства с подобными рассказами становится понятнее, почему историки того времени, включая Тацита, испытывали столь глубоко укоренившееся сословное презрение к императорским вольноотпущенникам. «Игры» Нерона были настолько необычными, что их сочли достойными упоминания. Но, вероятно, происходило немало других «игр» с участием вольноотпущенников, о которых никто не стал писать.

Ещё одна заслуживающая внимания история отношений императора с вольноотпущенником связана с Вителлием и Азиатиком. В сохранившихся источниках Вителлий предстаёт обладателем самых отвратительных качеств: жестокости, обжорства, алчности и, что особенно возмущало римлян, зависимости от людей низшего общественного положения. «Большую часть своего правления он руководствовался исключительно советами и прихотями самых ничтожных актёров и возниц, а прежде всего – своего вольноотпущенника Азиатика».[17]

Подобно могущественной троице вольноотпущенников времён Клавдия, Азиатик изображается человеком, совершенно недостойным своего положения. Или, как описывал его Тацит, «раболепное, постыдное существо, обязанное своим возвышением порочным искусствам».[18]

Под «порочными искусствами» Тацит подразумевает сексуальные услуги. И дело не только в общем предположении, будто хозяева неизменно использовали рабов в сексуальных целях, но и в личной истории Азиатика. Нам сообщают, что он был любимым партнёром Вителлия в постели, пока однажды не сбежал.

Вителлий случайно обнаружил беглого раба за работой в таверне приморского города Путеолы. Азиатика заковали в цепи и вернули хозяину. Некоторое время он вновь пользовался благосклонностью Вителлия, однако затем рассердил господина своей дерзостью и был продан в гладиаторскую труппу. В тот самый день, когда Азиатик должен был впервые выйти на арену, Вителлий неожиданно появился и забрал его обратно. Впоследствии Азиатик получил свободу и занял должность в администрации Вителлия, успев сколотить весьма приличное состояние.

Именно такого человека Тацит считает раболепным и постыдным существом, чьё прошлое настолько сомнительно, что ему ни при каких обстоятельствах нельзя доверять государственную должность или позволять извлекать из неё какие-либо выгоды.

Мы же смотрим на эту историю иначе – без груза римских культурных предрассудков, через призму современных представлений о правах человека. И что мы видим? Раба, который с детства подвергался сексуальному насилию со стороны хозяина и в конце концов не выдержал издевательств и бежал. Подобное решение нельзя было принять легкомысленно. Беглых рабов ожидали страшные наказания, а сама мысль о возможной поимке и возвращении к хозяину должна была внушать им постоянный ужас.

Именно это и произошло с Азиатиком, когда Вителлий нашёл его в приморском городе. Затем раб вновь обрёл благосклонность хозяина – можно предположить, что и в спальне, – пока не вызвал очередное раздражение и не был продан. Тот факт, что его продали именно гладиаторам, ещё ярче подчёркивает жестокость Вителлия. То же можно сказать и о внезапном спасении. Не было ли всё это с самого начала рассчитано на то, чтобы напугать Азиатика, заставить его осознать своё место и запомнить, что хозяин в любой момент может вновь его продать?

Вителлий освобождает Азиатика, однако тот по-прежнему остаётся связанным со своим обидчиком. Затем Вителлий становится императором, а Азиатик пользуется случаем, чтобы обогатиться. Или, возможно, наконец получает достойное вознаграждение за собственную работу в администрации. Можно истолковать эту историю по-разному, и у нас нет возможности установить, какая версия ближе к истине. Впрочем, вполне вероятно, что Тацит, будучи человеком своей эпохи, с самого начала понимал происходившее правильно.

Предшественник Вителлия на императорском престоле, Гальба, тоже долгое время состоял в близких отношениях с одним из вольноотпущенников. Гальба предпочитал крепких, суровых мужчин. Его вольноотпущенник Ицел, по-видимому, вполне соответствовал этому вкусу. Когда Ицел принёс Гальбе известие о самоубийстве Нерона, новый император встретил любимца нежными поцелуями, а затем увёл его, чтобы отпраздновать событие в постели.

Подобно Азиатику, Ицел служил в императорской администрации. И подобно Азиатику, в источниках он изображается жадным, корыстолюбивым и безнравственным человеком. «Ицел награбил больше, чем Поликлит, Ватиний и Эгиал растратили вместе взятые», – язвительно замечает Тацит.

Возможно, за презрением Тацита скрывалось осознание того, что вольноотпущенники обладали определённым преимуществом перед свободнорождёнными: они уже находились в близком окружении императора и могли использовать сексуальные услуги как средство продвижения. При этом у Тацита нигде не встречается даже намёка на понимание того, что вольноотпущенник мог заслужить высокую должность благодаря профессиональным качествам. Все упомянутые им бывшие рабы оказываются жадными, алчными и совершенно недостойными своего положения.

Правда, здесь необходимо сделать оговорку. Два других советника Гальбы, Виний и Лакон, оба свободнорождённые, удостаиваются столь же нелестных характеристик. Но различие в общественном положении особенно ярко проявилось после их гибели во время переворота, свергнувшего Гальбу.

Виний и Гальба были убиты во время кровавой резни на Форуме 15 января 69 года н. э. Лакона арестовали и сослали на остров, где позднее его убил наёмный убийца, посланный преемником Гальбы – Отоном. Ицела же схватили и публично распяли, хотя как вольноотпущенник он, по идее, уже не должен был

подвергаться подобному наказанию. Показательная публичная казнь служила ясным напоминанием о том, что ожидает бывших рабов, осмелившихся слишком высоко подняться: от собственного прошлого им не удастся избавиться никогда.

Как мы уже отмечали, сексуальные отношения с вольноотпущенником не делали римлянина гомосексуалом. Нерон, Вителлий и Гальба состояли или прежде состояли в браке с женщинами. Светоний и другие античные авторы не видели никакого противоречия в подобной сексуальной жизни с партнёрами обоих полов. А упоминания отношений с вольноотпущенниками служили прежде всего для того, чтобы подчеркнуть недостатки того или иного императора. История Азиатика иллюстрировала жестокость Вителлия, заметную на протяжении всего его правления. Гальба слишком приблизил к себе Ицела и тем самым продемонстрировал неспособность замечать коррупцию среди своих советников. А всё более причудливые сексуальные игры Нерона свидетельствовали о постепенной утрате им связи с действительностью – обстоятельстве, сыгравшем важнейшую роль в его падении.

Мальчики

«Если бы мне позволили без конца целовать твои медовые глаза, я поцеловал бы их триста тысяч раз и всё равно не почувствовал бы насыщения».[19] Так трогательно признаётся Катулл. Однако эти строки обращены вовсе не к его возлюбленной Лесбии, а к Ювенцию – юноше.

Это не единственное стихотворение, посвящённое Ювенцию. «Милый Ювенций, когда ты играл, я украл у тебя маленький поцелуй, слаще самой сладкой амброзии».[20] Впрочем, несмотря на медовые глаза и сладостные губы, Ювенций доставлял Катуллу ничуть не меньше страданий, чем Лесбия.

Подобно тому как Лесбия жестоко играла чувствами Катулла – полную историю этого разбитого сердца вы найдёте в главе «Любовь причиняет боль», – Ювенций тоже состоял в любовной связи с неким Аврелием. Катулл отреагировал на появление соперника совершенно обычным для себя образом: пригрозил подвергнуть Аврелия анальному насилию с помощью редьки и кефали. Весьма показательно, что в стихах Катулла отношение к Ювенцию ничем не отличается от отношения к Лесбии. Для поэта не существовало принципиальной разницы между сексуальными отношениями с женщиной и юношей.

Любовный поэт Тибулл перемежает стихотворения, в которых сокрушается о возлюбленной Делии, стихами о Марате. Одно из них носит название «Любовь к мальчикам»: «Ах, как мучит меня Марат, заставляя томиться в ожидании любви!»[21]

Марциал тоже отнюдь не был равнодушен к мальчикам: «Я скорее стану терпеть этих надменных, сварливых, взбалмошных и непослушных мальчишек, чем женюсь на какой-нибудь стерве, которая сделает меня богатым, но

несчастным».[22] Даже император Траян, по свидетельству Кассия Диона, испытывал особую привязанность к мальчикам, хотя нас заверяют, что она не выходила за разумные пределы. Светоний же счёл достойным специального упоминания, что император Клавдий питал чрезмерную страсть к женщинам, но к мальчикам и мужчинам оставался совершенно равнодушен.

Итак, любовные отношения с мальчиками считались в Древнем Риме обычными и допустимыми. Однако остаётся вопрос, который нельзя обойти. Он возникает за каждым признанием в любви, за каждой нежной фразой: что именно подразумевали римляне под словом «мальчик»?

Для нас, живущих в XXI веке, это крайне неприятный вопрос. Он бросает мрачную тень даже на бесспорно прекрасные стихи Катулла, посвящённые Ювенцию. Насколько молод был этот юноша? Неужели взрослый мужчина осыпал медовыми поцелуями ребёнка? Возникает и другой неприятный вопрос: где стихотворения, посвящённые взрослыми мужчинами другим взрослым мужчинам? Ответ в этом случае прост: таких стихотворений нет. Боюсь, нам придётся подробнее разобраться в одной из самых отталкивающих сторон древнеримского общества.

Иногда таких мальчиков называли pullus – «цыплёнок». Слово было довольно метким: превращение мягкого, пушистого птенца во взрослую птицу, покрытую перьями, действительно разительно, и столь же заметно менялся римский мальчик, переходя от детства к взрослой жизни. Иногда их называли puer delicatus – «нежный мальчик».

В поэзии их описывают как нежных и гладкокожих. Последнее особенно важно, поскольку подразумевает отсутствие растительности на лице. Появление первых волос на подбородке означало, что puer переставал считаться приемлемым сексуальным партнёром. Речь шла о мальчиках, ещё не достигших половой зрелости. Но здесь необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство: они были рабами. Законы о stuprum охраняли целомудрие свободнорождённых мальчиков, однако дети-рабы подобной защитой не пользовались.

В перечне придворных должностей времён Августа среди сапожников и хранителей серебряной посуды встречается и должность «нежного мальчика». Для ухода за внешностью таких мальчиков имелся даже специальный косметолог. Император Тит содержал собственный гарем мальчиков и евнухов. Правда, Светоний сообщает, что, став императором, Тит отказался от некоторых любимцев, чего нельзя сказать о Траяне.

В Древних Афинах и некоторых других греческих полисах отношения между мужчинами и мальчиками были окружены романтическим ореолом. Они строились как ухаживание взрослого мужчины, называвшегося эрастом, за мальчиком – эроменом. Предполагалось, что эраст научит своего эромена тому, что необходимо знать настоящему мужчине, даст ему образование и станет образцом для подражания. Подобное покровительство, вероятно, приносило

эромену немалую пользу и во взрослой жизни. Существовали строгие общественные правила, определявшие, как должно происходить ухаживание и каким образом следует вести себя каждому участнику. При этом стоит отметить, что сексуальная сторона подобных отношений, согласно описываемой традиции, не предполагала анального проникновения: взрослый мужчина достигал семяизвержения между сжатыми бёдрами мальчика.

Подобные сцены часто изображались на чернофигурных и краснофигурных греческих вазах. Эраст на них неизменно показан бородатым мужчиной. На первый взгляд древнегреческая педерастия может представляться почти нежной и романтизированной, окружённой образами прекрасных, безупречно сложенных юношей. Римские же отношения мужчин с мальчиками описываются, например у Марциала, гораздо грубее и с куда большей анатомической откровенностью. Однако именно греческая педерастия вызывала у римлян ужас и отвращение. Они считали её отвратительной, потому что участвовавшие в подобных отношениях мальчики были свободнорождёнными и принадлежали к знатным семьям. В Риме свободнорождённых мальчиков от сексуальных посягательств охранял закон. Поэтому римляне не могли понять греческую педерастию – столь же трудно, как и нам сегодня.

Превращение мальчиков в предмет сексуального потребления делало их особенно ценным товаром на невольничьих рынках. Исключительная красота могла поднять цену ребёнка выше стоимости взрослого раба-мужчины. Работорговцы, люди предприимчивые и расчётливые, располагали средствами продлить пригодность такого товара. Считалось, например, что смесь луковиц гиацинта со сладким вином задерживает наступление половой зрелости, особенно рост бороды. Однако наиболее действенным способом предотвратить половое созревание и сохранить гладкие, нежные щёки была кастрация.

Сенека рассказывает о мальчиках-виночерпиях, которых заставляли изображать детей даже после достижения взрослого возраста: «Его оставляют безбородым, постоянно приглаживая волосы или выщипывая их с корнем».[23] Даже взрослых рабов нередко продолжали называть мальчиками. Тем самым их не только удерживали в положении вечных детей, но и оставляли доступными для сексуальной эксплуатации.

Императорский любимец: Антиной

Самыми знаменитыми однополыми отношениями в истории Древнего Рима, несомненно, были отношения императора Адриана с Антиноем. «Во время путешествия по Нилу он потерял своего любимца Антиноя», – сообщает «История Августов». И на этом все сведения об Антиное в данном источнике заканчиваются.

Другие историки ненамного словоохотливее. Сколько ни изучай античные свидетельства, упоминания об Антиное, великом любимце Адриана, встречаются чрезвычайно редко. По-видимому, он не занимал никакой важной должности в

императорской администрации. Да, Антиной сопровождал Адриана во время поездок по провинциям, однако нет сведений, что он исполнял при этом какие-либо официальные обязанности. Не сохранилось никаких рассказов об их любовных отношениях – даже упоминаний о сомнительных сексуальных развлечениях, подобных историям о Нероне и его вольноотпущенниках. Мы не знаем и того, что думала императрица Сабина о молодом человеке, постоянно находившемся рядом с её мужем.

Об Антиное вообще почти ничего не рассказывают, кроме истории его смерти. Античные авторы, очевидно, не считали его фигурой, заслуживающей внимания. Возможно, само отсутствие упоминаний весьма показательно: наличие любимого мальчика при императоре было настолько обычным явлением, что историки просто не находили нужным о нём писать.

Так почему же мы вообще говорим об Антиное? Потому что при жизни он едва оставил след на страницах истории, зато после смерти превратился в совершенно исключительную фигуру.

В середине II века н. э. один грек по имени Павсаний путешествовал по Греции, выполняя чрезвычайно полезную для нас работу: он составлял путеводитель для туристов, подробно рассказывая обо всём, что следовало увидеть во время путешествия. Его «Описание Эллады» – настоящая сокровищница сведений об археологических памятниках, существовавших во II веке, и связанных с ними преданиях. Благодаря Павсанию мы узнаём, что именно интересовало путешественников римской эпохи. Он также оставил им практические советы, например предупреждения о труднопроходимых дорогах.

В разделе, посвящённом Аркадии, Павсаний сообщает любопытную подробность: «В гимнасии Мантинеи есть здание со статуями Антиноя, замечательное камнями, которыми оно украшено, и особенно своими картинами. Большинство из них изображает Антиноя, представленного в облике Диониса».[24]

Мантинея была далеко не единственным городом, где находились статуи Антиноя. Его изображения, должно быть, встречались по всей империи. Ведь самое удивительное в этом, казалось бы, ничем не примечательном любимце Адриана заключается в том, что до наших дней сохранилось больше его изображений, чем изображений многих императоров.

Нам известны восемнадцать статуй Антиноя, пятнадцать бюстов, пятьдесят три скульптурные головы и два рельефа с его изображением. Их находили в самых разных уголках империи – Сирии, Италии, Греции, Северной Африке, Испании, Египте и даже Британии. Почему же так много?

Прежде всего потому, что Антиной, несомненно, очень много значил для Адриана. Рассказывали, что после его смерти император «плакал, словно женщина».[25] Кассий Дион утверждает, что Адриан почтил память Антиноя из любви к нему, но тут же добавляет многозначительное «или потому, что...». К этому второму объяснению мы ещё вернёмся.

Антиной действительно удостоился необычайных почестей, причём дело вовсе не ограничилось статуями. На месте его гибели Адриан основал в Египте город, назвав его Антинополем в память об утраченном любимце. Подобный поступок был крайне необычен. Если римляне основывали город и давали ему имя, они, как правило, называли его в собственную честь – вспомните хотя бы Константинополь, – а не в честь скромного придворного слуги.

Однако на этом дело не закончилось. Нам также сообщают, что Адриан превратил Антиноя в божество. Когда Павсаний описывает в своём путеводителе статуи Антиноя, он делает это возле храма, посвящённого новому богу. Павсаний рассказывает: «Император учредил его культ и в Мантинее; ежегодно в его честь совершаются мистериальные обряды, а каждые четыре года проводятся игры».

Мантинея была далеко не единственным городом, обладавшим храмом Антиноя. Места его почитания обнаружены в греческих городах Элевсине, Дельфах, Коринфе и Смирне, а также в Малой Азии, Египте и Италии. Обожествление Антиноя, не состоявшего ни в каком родстве с императорской семьёй, представляло собой чрезвычайно необычное явление. Не менее удивительны усилия, которые Адриан приложил к увековечению его памяти и учреждению игр в его честь. Что же произошло?

Нам сообщают, что Антиной происходил из города Вифиний (Клавдиополь) в провинции Вифиния, на территории современной Турции. В какой-то момент он присоединился к путешествовавшей свите Адриана. Известно также, что он участвовал вместе с императором в охоте на льва. А затем, ближе к концу 130 года н. э., Антиной утонул в Ниле. Вот и всё. Больше мы почти ничего не знаем.

Зато благодаря многочисленным портретам мы по крайней мере представляем, как он выглядел: густые непослушные волосы, задумчивое выражение лица, рельефные мышцы живота и упругие округлые ягодицы. Словом, Антиной был ослепительно красив. При этом он явно оставался ещё подростком: вероятнее всего, в момент смерти ему было около пятнадцати-шестнадцати лет. Адриану же исполнилось пятьдесят четыре года.

Можно сколько угодно романтизировать эту историю: представлять сокрушённого горем Адриана, стремившегося распространить изображение Антиноя по всему миру, чтобы память о нём никогда не исчезла; видеть в их отношениях воплощение «греческой любви», когда взрослый мужчина становился наставником юноши. Но всё это не меняет главного: пятидесятичетырёхлетний мужчина состоял в сексуальных отношениях с подростком, который не находился в положении, позволявшем ему свободно отказаться. Причём эти отношения, как мы уже убедились, могли навсегда запятнать репутацию Антиноя во взрослой жизни.

Согласно одной из многочисленных версий его загадочной смерти, Антиной покончил с собой. Возможно, потому что больше не мог выносить положения сексуального объекта. Или потому, что Адриан желал продолжать

отношения даже после достижения Антиноем взрослого возраста, когда подобная связь навлекла бы величайший позор на обоих.

Существует и другая версия: Антиной добровольно принёс себя в жертву во время религиозного обряда ради улучшения здоровья Адриана. Либо его принесли в жертву против собственной воли с той же целью. Смерть Антиноя, очевидно, породила множество разговоров, поскольку Адриан, по-видимому, счёл необходимым оправдываться в собственной автобиографии, давно утраченной.

Однако окончательной разгадки этой тайны не существует. Как не существует и ответа на вопрос, почему именно Антиной был столь дорог императору. Как и в случае с другими рабами, вольноотпущенниками и мальчиками, о которых шла речь в этой главе, мы не слышим его собственного голоса. Мы не имеем ни малейшего представления о том, что чувствовали Антиной, Пифагор или Азиатик в отношениях с императорами. Были ли они добровольными любовниками или подчинялись лишь потому, что их зависимое положение не оставляло выбора? Отсутствие подобных сведений имеет принципиальное значение.

Что говорил закон

Закон Скантиния охранял свободнорождённых мальчиков от постыдных сексуальных посягательств. Домициан расширил эту защиту, запретив проституцию мальчиков, за что удостоился восторженного комплимента Марциала: «Прежде, Цезарь, тебя любили мальчики, юноши и старики; теперь тебя любят даже младенцы».[26]

Александр Север тоже решил выступить защитником общественной нравственности. Помимо принуждения женщин сомнительной репутации официально становиться проститутками, он распорядился изгнать из Рима мужчин, занимавшихся проституцией. Нам сообщают, что император намеревался вообще запретить эту деятельность, «но опасался, что подобный запрет лишь превратит зло, признаваемое государством, в порок, практикуемый тайно, поскольку люди, движимые страстью, ещё сильнее стремятся к запрещённому».[27]

Выполнить эту задачу предстояло Филиппу Арабу, который девять лет спустя полностью запретил мужскую проституцию. Однако, очевидно, искоренить её не удалось. В 306 году н. э. христианский собор в Эльвире постановил: «Родители и другие христиане, отдающие своих детей для сексуального использования, торгуют чужими телами. Если они поступают так или продают собственное тело, им не следует давать причастие даже перед смертью».[28]

Однако беспокойство по поводу однополых отношений постепенно усиливалось и начинало распространяться далеко за пределы проституции, особенно по мере укрепления христианства. На Анкирском соборе 314 года н. э.

было постановлено отказывать в причастии людям, виновным в том, что называлось «звериными похотями». В следующем каноне рассматривались случаи скотоложства, а также люди, страдавшие проказой и сознательно заражавшие других.

Язык, которым описывались однополые отношения, становился всё суровее. Это особенно заметно в эдикте, изданном двумя сыновьями Константина Великого в 342 году н. э.: «Мы не потерпим, чтобы город Рим, мать всех добродетелей и мужской доблести, был осквернён постыдным женоподобием мужчин».

Эдикт был направлен прежде всего против мужчин, исполнявших в сексуальных отношениях женскую роль, то есть пассивных партнёров: «Итак, всех тех, кто предаётся сексуальному разврату, унижая своё мужское тело и превращая его в женское посредством пассивного подчинения…»

В прежние столетия подобные обвинения охотно использовались в политических речах или становились предметом насмешек Марциала. Теперь же положение приобрело совершенно зловещий характер. Мужчине, обвинённому в пассивной сексуальной роли, грозила уже не остроумная колкость Цицерона и не оскорбительное прозвище, а «карающая сила пламени». Иными словами, его могли сжечь заживо.

Столь же сурово звучал и другой закон: «Мы повелеваем восстать установлениям и вооружаем законы карающим мечом, дабы эти бесчестные люди, виновные ныне или в будущем, подвергались мучительным наказаниям».[29]

В Кодексе Юстиниана, составленном в VI веке, говорится об «определённых мужчинах, которые, поддавшись дьявольскому наущению, предаются между собой самым постыдным вожделениям и поступают вопреки природе». Любопытно, что подобные влечения описываются как угроза городу и государству – почти в тех же выражениях, которыми прежде осуждали сексуальное поведение женщин.

Наказания по-прежнему были направлены прежде всего против мужчин, занимавших пассивную роль в однополых отношениях. Однако язык законодательства стал несравнимо суровее, чем в предыдущие эпохи. В сочетании с жесточайшими наказаниями это означало фактический конец какой-либо терпимости.

Впрочем, следует отметить любопытное обстоятельство. Один из императоров, подписавших эдикт против сексуального разврата, сам обвинялся в подобных пороках. Речь идёт о Константе, сыне Константина Великого, которому источники приписывают скандальное поведение с красивыми заложниками-варварами.

Как и почти вся эта книга до сих пор, настоящая глава была посвящена главным образом мужчинам, их сексуальности и желаниям. К сожалению, такова уж природа патриархального общества: женщинам и их интересам уделяли значительно меньше внимания.

Поэтому неудивительно, что упоминаний об однополых отношениях между женщинами сохранилось сравнительно мало. Но они всё-таки встречаются. Таких женщин называли tribades – от греческого tribo, означающего «я тру».

Толкователь сновидений Артемидор относил сексуальные отношения между женщинами к действиям, противоречащим природе. В его сочинении они упоминаются после обширного раздела, посвящённого толкованию снов о половых отношениях с матерью. По мнению Артемидора, женщине, которой снится, что она совершает проникновение в другую женщину, предстоит заниматься бесплодными делами, не приносящими никакого результата. Это весьма показательное свидетельство того, как оценивали значимость женских однополых отношений.

Ювенал упоминает Туллию и Мавру, которые после ночных развлечений останавливаются возле храма Целомудрия, чтобы справить нужду, а затем «по очереди оседлывают друг друга и извиваются под луной».[30]

Марциал рассказывает о некой Бассе, которую никогда не видел в обществе мужчин. Поэт считал её образцовой целомудренной женщиной, второй Лукрецией, однако выяснилось следующее:

> Всё это время ты предавалась любовным утехам,
> Соединяя женские тела в жарких объятиях.
> Ты изобрела собственный способ наслаждения,
> И твой непомерный клитор
> Подражал движениям мужского члена.[31]

Здесь Басса занимает господствующее положение, исполняя мужскую роль; её увеличенный клитор выступает своего рода заменой пениса. В другом стихотворении Марциала появляется чрезвычайно мужественная Филенис. Поэт последовательно перечисляет все её мужские черты. Филенис посещает гимнасий, играет в мяч и занимается борьбой. Она усердно тренируется до седьмого пота, пьёт до полного опьянения, а затем вызывает рвоту, чтобы освободить место для ужина. Она чрезмерно много ест и, разумеется, с такой же неумеренностью предаётся сексуальным развлечениям. «После всего этого наступает время любви. Члены она сосать не станет – считает это женоподобным занятием, – зато с жадностью ласкает языком женские гениталии».[32]

Марциал утверждает, что Филенис вступает в сексуальные отношения с одиннадцатью девушками за день, а также занимается анальным сексом с мальчиками. Поэт называет её «похотливее женатого мужчины».

Если оставить в стороне упоминание куннилингуса в конце стихотворения, Филенис выглядит почти карикатурой на гипертрофированно мужественного римлянина: она вступает в связи и с мальчиками, и с женщинами, много ест, пьёт, занимается спортом и в целом представляет собой довольно утомительного человека. Басса, напротив, предпочитает исключительно женщин, что совершенно озадачивает Марциала: «Только Сфинкс сумел бы разгадать эту загадку: отказавшись от мужчин, она всё же умудряется совершать прелюбодеяние».

Помимо трения телами предполагалось, что однополые отношения женщин могут включать проникновение с помощью искусственных фаллосов. Лукиан называл их «хитроумно изготовленными орудиями сладострастия, таинственными чудовищами, лишёнными семени».[33] Производителям интимных товаров следовало бы непременно использовать это выражение в рекламе. Хотя римских изображений женщин с подобными предметами не сохранилось, они неоднократно встречаются на древнегреческих вазах.

Лукиан даже выступал в защиту права женщин вступать в сексуальные отношения друг с другом: «Приди же, будущий век, законодатель необычных наслаждений! Придумай новые пути для мужского сладострастия, но даруй такое же право и женщинам: пусть они соединяются друг с другом, подобно мужчинам».

Несмотря на скудость письменных свидетельств, любовные отношения между женщинами действительно существовали. Среди многочисленных сохранившихся приворотных заклинаний имеется и такое, которое должно было соединить двух женщин. София отчаянно желала добиться любви Горгонии: «С помощью духа умершего воспламени сердце, печень и душу Горгонии [...] любовью и нежностью к Софии».[34]

В рассуждениях римских авторов о женских однополых отношениях постоянно повторяются две темы: такие связи противоестественны и представляют угрозу мужчинам. Впрочем, для Рима это вполне характерно. Что ж, давайте снова поговорим о мужчинах!

Глава 14

Нежелательные партнёры

Мы уже рассмотрели, какие сексуальные практики и какие партнёры считались приемлемыми в Древнем Риме, попутно разобравшись с правовыми нормами, касавшимися супружеской измены и гомосексуальности. Но помимо замужних женщин и свободнорождённых юношей существовали и другие категории людей, которых римляне считали неподходящими партнёрами. Вследствие этого они сталкивались как с общественным осуждением, так и с юридическими ограничениями, хотя порой именно эти люди оказывались самыми популярными и знаменитыми жителями Рима. История эта далеко не проста, но разве в Древнем Риме хоть что-нибудь было простым?

Преодолевая сословные границы

Римское общество отличалось чрезвычайно жёстким сословным делением. На самой вершине находилось сенаторское сословие, насчитывавшее шестьсот мужчин и их семьи. Это была правящая элита Рима, из которой происходили почти все высшие должностные лица государства. Ради сохранения достоинства этого сословия законы Августа о нравственности устанавливали ограничения на то, с кем его представители могли вступать в брак.

Одно из таких ограничений гласило: «Сенаторам, равно как и их детям, запрещается вступать в брак со своими вольноотпущенницами»[1]. Однако закон ничуть не препятствовал внебрачным отношениям с вольноотпущенницами, и подобные связи встречались даже в самых высоких кругах. Правда, некоторые из них были совершенно лишены романтики. Так, будущий император Отон избрал весьма расчётливый способ проникнуть в ближайшее окружение Нерона: «Он притворился влюблённым во влиятельную придворную вольноотпущенницу, хотя та была уже старой и почти дряхлой, чтобы тем вернее снискать её расположение»[2].

С юридической точки зрения ничто не препятствовало подобным отношениям, а кое в чём закон даже оставлял таким парам больше свободы. Например, августовские законы о супружеской измене на такие связи не распространялись. Вольноотпущенница, ранее осуждённая за прелюбодеяние, могла вступить в отношения с мужчиной при условии, что не выходила за него замуж (чего она в любом случае не могла сделать, если мужчина принадлежал к сенаторскому или всадническому сословию). Другое законодательное положение гласило: «Если вольноотпущенница состоит в конкубинате со своим патроном, она вправе покинуть его без его согласия и соединиться с другим мужчиной – как браком, так и конкубинатом»[3].

Единственное ограничение в подобных случаях заключалось в том, что вольноотпущенница, состоявшая в положении любовницы, должна была быть старше двенадцати лет – тот же возрастной порог действовал и для свободнорождённых девушек.

Любовь вопреки сословным преградам: Веспасиан и Антония Ценида

Перед нами история любви императора и императорской вольноотпущенницы. Антония Ценида служила секретарём Антонии, матери императора Клавдия[4]. Тит Флавий Веспасиан был самым обыкновенным римлянином, пытавшимся сделать политическую карьеру. В какой-то момент они познакомились, и между ними завязались отношения.

В начале их романа более влиятельной стороной, вероятно, была именно Ценида. Веспасиан происходил из ничем не примечательной семьи, тогда как Ценида обладала обширными связями при императорском дворе и немалым влиянием. Подобно вольноотпущеннице, с которой связался Отон, она, вероятно, использовала свои возможности, чтобы содействовать продвижению Веспасиана. Я говорю «вероятно», потому что наверняка мы этого никогда не узнаем. Но карьера Веспасиана действительно складывалась успешно.

Несмотря на положение Цениды при дворе и все её несомненные достоинства (Кассий Дион называет её замечательной женщиной), закон оставался непреклонен: будучи вольноотпущенницей, она не могла выйти за Веспасиана замуж. Поэтому Веспасиан женился на Флавии Домицилле, которая, хотя и не происходила из особенно знатной семьи, считалась вполне подходящей супругой, с которой можно было заключить законный брак. Вероятно, их свадьба состоялась около 38 года н. э., поскольку уже в 39 году родился их первенец – будущий император Тит. Впоследствии у них появились ещё двое детей: дочь Домицилла и ещё один будущий император, Домициан. Судя по всему, на время этого брака Ценида и Веспасиан прекратили свои отношения. Впрочем, никаких юридических или общественных причин для этого не существовало: Веспасиан вполне мог сохранить Цениду в качестве любовницы, не навлекая на себя позора, если только не проявлял к ней чрезмерной привязанности. Поэтому можно предположить, что именно Ценида решила положить конец их связи[5].

Но Веспасиан так и не забыл её. После смерти жены – вероятнее всего, в 60-х годах н. э. – он, как сообщают источники, возобновил роман с Ценидой и обращался с ней как с законной супругой, причём продолжал делать это и после восшествия на престол. Кассий Дион с некоторой трогательностью замечает, что «Веспасиан находил в общении с ней необычайное наслаждение»[6].

По-видимому, Ценида играла определённую роль и в государственных делах, выступая посредницей Веспасиана. Она торговала назначениями на различные должности, включая наместничества и жреческие посты, а вырученные средства, надо полагать, передавала императору. Таким образом, Веспасиан мог пополнять государственную казну, одновременно сохраняя

видимость полной непричастности к коррупции. Во всяком случае, нам сообщают, что за это время Ценида накопила огромное состояние.

Веспасиан, возможно, и обращался с ней как с женой, но императрицей Ценида не была. Какую бы закулисную роль в управлении государством она ни играла, её изображения, в отличие от изображений покойной супруги Веспасиана Флавии Домициллы, не появлялись ни на официальных монетах, ни на других государственных портретах. Известно также, что младший сын Веспасиана, Домициан, отказывался приветствовать Цениду поцелуем и вместо этого протягивал ей руку – возможно, желая напомнить ей о её месте и более низком общественном положении.

Ценида оставалась рядом с Веспасианом до самой смерти в 74 году н. э. Посвящённая ей надпись подтверждает её положение официальной спутницы императора: «Этот погребальный алтарь Антонии Цениде, возлюбленной Веспасиана и вольноотпущеннице Антонии Младшей, дочери Октавии и Марка Антония, воздвиг её вольноотпущенник на территории её виллы на Номентанской дороге в Риме».

Сам Веспасиан умер в 79 году н. э. История получилась на редкость романтическая: умная бывшая рабыня, занимавшая видное положение при дворе; молодой человек благородного происхождения, хотя и весьма скромного достатка, полный честолюбивых надежд и страстно влюблённый в неё, но лишённый законом возможности жениться; затем давление семьи, которая, несомненно, требовала от Веспасиана выбрать подходящую супругу и обзавестись наследниками; наконец, душераздирающая сцена разрыва, когда Ценида, возможно – позволим себе такое предположение, – сама прекращает отношения, чтобы заставить Веспасиана поступить как подобает и жениться на Флавии. Затем следуют долгие годы разлуки и тоски друг по другу, а после – радостное воссоединение (когда со смерти Флавии прошло уже достаточно времени). Какие невероятные любовные перипетии! Не стану портить эту прекрасную историю упоминанием о том, что после смерти Цениды Веспасиан обзавёлся «несколькими» наложницами. Сделаем вид, будто этого никогда не было.

Нерон и Акта

Другой роман императора с вольноотпущенницей, также не обошедшийся без сильных душевных переживаний, – история Нерона и Акты. Нерон страстно полюбил Акту, гораздо сильнее, чем собственную жену Октавию, к которой особой нежности не испытывал (и которую впоследствии приказал убить). Вскоре Акта стала его постоянной спутницей.

У Нерона возник блестящий план, как преодолеть юридические препятствия. Он убедил (иначе говоря, подкупил) двух консулов, чтобы те поклялись, будто Акта имеет царское происхождение. Тогда женитьба на ней стала бы совершенно законной. Однако брак между Нероном и Актой так и не

состоялся – ни законный, ни какой-либо иной. Вероятнее всего, причиной стало давление со стороны матери Нерона, Агриппины, решительно возражавшей против этих отношений. При этом её недовольство, по-видимому, было связано не столько с происхождением Акты, сколько с её влиянием на Нерона. Мать постепенно оттесняли на второй план, и она переносила это крайне болезненно.

Пытаясь избавить сына от нежелательного влияния, Агриппина сперва обрушилась на его приближённых – или, как мы сказали бы сегодня, неподходящих друзей. Когда это не помогло, она прибегла к бесконечным упрёкам и напомнила ему: «Это я сделала тебя императором»[7]. Намёк был совершенно прозрачен: во-первых, Нерону следовало быть ей чертовски благодарным; во-вторых, с той же лёгкостью, с какой она сделала его императором, она могла превратить его в бывшего императора.

Публичное отравление сводного брата Нерона, Британника, вероятного наследника престола, произошедшее вскоре после этого на императорском пиру, вполне можно считать ответом Нерона на угрозы матери. Видимо, сказать ей в лицо всё, что он о ней думал, ему было страшновато.

Рассуждая о Нероне и его матери, мы почти забыли о главной героине этой истории – Акте. Впрочем, и древние источники уделяют ей удивительно мало внимания. Мы ничего не знаем ни о её внешности, ни о характере, ни о том, как она проводила время с Нероном. Она остаётся загадочной фигурой – вольноотпущенницей, сумевшей завоевать сердце императора.

Нерон так и не женился на ней, так что, возможно, коварные приёмы Агриппины на этот раз возымели действие (хотя несколько позже её бесконечное вмешательство заставит сына распорядиться о её убийстве). Однако существуют свидетельства того, что отношения Нерона и Акты могли продолжаться.

После самоубийства Нерона в 68 году н. э. его старая кормилица и Акта присутствовали при погребении его праха. Светоний в этом эпизоде называет Акту любовницей Нерона, так что, возможно, всё это время она незаметно оставалась рядом с ним. В отличие от Антонии Цениды, Акта не играла никакой публичной роли ни как спутница императора, ни в управлении государством. Но её присутствие на похоронах – она была одной из всего двух людей, пришедших проститься с Нероном, – свидетельствует о глубине её верности и привязанности к покойному императору. Ведь практически все остальные отвернулись от Нерона, едва его положение начало ухудшаться.

Хотя браки между представителями двух высших сословий и вольноотпущенниками были запрещены, отношения между ними, как мы видели, считались допустимыми. В наших источниках нет прямых личных упрёков ни в адрес Акты и Цениды, ни, по существу, в адрес Нерона и Веспасиана за выбор таких спутниц. Если бы Нерону удалось жениться на Акте, мы, возможно, столкнулись бы с совершенно иной оценкой этих отношений: тогда он переступил бы границу приличий. Но этого не произошло, а потому и подобного осуждения мы не встречаем.

Ниже сенаторского и всаднического сословий мы находим свидетельства браков между вольноотпущенниками и римскими гражданами. Однако существовала категория людей, вступать в брак с которыми запрещалось всем свободнорождённым римлянам – будь то сенатор, живущий на роскошной вилле на Целийском холме, или плотник, едва сводящий концы с концами в тесной квартире обветшавшего многоквартирного дома на Авентине. Речь идёт об infames – людях, лишённых доброго имени.

Латинское слово infamia приблизительно означает «дурная репутация» или «бесчестье» и связано с теми трудноуловимыми римскими представлениями о чести и virtus – доблести. Человек, запятнанный infamia, считался лишённым virtus и не мог надеяться когда-либо её обрести. Это было тяжёлое клеймо, отделявшее его от остального общества.

За деньги можно было пробиться в сенаторское или всадническое сословие, но в число infames человека приводило его собственное поведение. Причиной могли стать сексуальные проступки: к этой категории относили женщин, признанных виновными в супружеской измене, а также мужчин, добровольно допускавших проникновение в себя со стороны другого мужчины. Основанием служили и другие обстоятельства, считавшиеся бесчестными: банкротство, позорное увольнение из армии или обвинительный приговор по уголовному делу, даже не связанному с сексуальными преступлениями.

Однако легче всего было приобрести статус infamis благодаря своей профессии: некоторые занятия неизбежно влекли за собой такое бесчестье. Среди наиболее примечательных представителей этих презираемых профессий находились одни из самых знаменитых людей Рима – гладиаторы. К той же категории относились актёры, сводники и проститутки.

Люди, получившие статус infamia, не могли выступать в суде от имени других лиц, предъявлять обвинения, голосовать, участвовать в управлении государством или служить в армии. Не пользуясь полноценной защитой гражданских прав, они могли подвергаться публичному избиению и телесным наказаниям. И, как уже говорилось, им запрещалось вступать в брак со свободными людьми. Быть причисленным к infames означало понести весьма серьёзные потери.

Проституция

Помимо юридических ограничений, распространявшихся на всех infames, на проституток налагалось ещё одно: им запрещалось носить столу – одеяние добропорядочной римской женщины. Вместо неё они носили тогу, тем самым наглядно демонстрируя отсутствие у них чести и virtus.

Несмотря на все эти правила, призванные выделить проституток и отделить их от добропорядочных римлян любого сословия, проституция оставалась законной и даже облагалась налогом. Предприимчивый Калигула усмотрел здесь возможность пополнить казну и ввёл налог на каждый оказанный

сексуальный акт. Правда, каким образом определялось количество таких актов и как именно собирали деньги, остаётся только гадать.

Светоний, известный нам как биограф цезарей, написал также сочинение под названием «О знаменитых проститутках». Уже само название интригует и наводит на мысль, что некоторые проститутки могли приобрести известность и даже славу – возможно, сопоставимую со славой их товарок по бесчестью, актрис. К сожалению, имён этих знаменитых проституток мы никогда не узнаем: труд Светония утрачен. Однако сам факт существования подобной книги кое-что говорит нам о характере проституции в Древнем Риме: она была весьма разнообразной.

На самой вершине этой своеобразной иерархии находились куртизанки – вероятные героини утраченного сочинения Светония. История сохранила для нас несколько имён, особенно относящихся к республиканской эпохе. Одна из таких женщин – Флора, куртизанка Помпея Великого. Своей связью с ним она гордилась всю жизнь и даже в старости любила вспоминать об этом времени: «Она всегда с удовольствием рассказывала о своей прежней близости с Помпеем и говорила, что никогда не выходила из его объятий, не унося на теле следов его зубов»[8].

Сам Помпей, по-видимому, не испытывал к Флоре столь же сильных чувств. Когда его друг Геминий проявил к ней интерес, Помпей попросту уступил её ему. Флора же тяжело заболела от горя и тоски. Помпей переживал куда меньше. Вернее сказать, вообще не переживал.

Куртизанкой, добившейся ещё большего влияния, чем Флора, была Преция. Плутарх рассказывает, что она славилась не только остроумием и красотой, но и обширными связями. «Во всём остальном она ничуть не превосходила обыкновенную гетеру, но использовала своих знакомых и любовников для содействия политическим замыслам друзей, прибавляя к прочим своим достоинствам славу верной союзницы, способной добиваться желаемого»[9].

Одним из самых значительных её завоеваний стал римский политик Публий Корнелий Цетег, который настолько зависел от Преции, что не предпринимал никаких публичных действий без её одобрения. Влияние куртизанки было столь велико, что самому полководцу Лукуллу пришлось добиваться её благосклонности подарками и лестью. Впрочем, интерес Лукулла к Преции носил сугубо практический характер: ему требовалось от неё нечто, совершенно не связанное с сексом, – знакомство с её любовником Цетегом. Он добился своего, и влиятельный Цетег помог ему получить наместничество в одной из провинций.

История Преции не так уж сильно отличается от политических браков республиканской эпохи, заключавшихся ради взаимной выгоды двух семей. Ухаживая за Прецией, Лукулл получает доступ к Цетегу. Преция, появляясь в обществе Лукулла, повышает собственный престиж, что может принести ей

материальную выгоду: другие люди тоже захотят купить её влияние. А Цетег знакомится с восходящей политической звездой Лукуллом, что в будущем может оказаться полезным и ему. Все довольны. По крайней мере до тех пор, пока Лукулл, получив желаемое, не решает, что Преция и Цетег ему больше не нужны, и не бросает обоих. Можно предположить, что Лукулл не хотел запятнать свою virtus общением со знаменитой проституткой. А можно просто заключить, что он был расчётливым человеком, преследовавшим исключительно собственную выгоду.

Тем временем и императоры, находившиеся на самой вершине общества, проявляли интерес к древнейшей профессии. Светоний сообщает, что Калигула устроил великолепный публичный дом прямо в императорском дворце. Правда, с одной особенностью: проститутками в этом заведении служили почтенные замужние женщины и свободнорождённые юноши. Поскольку обе категории подпадали под действие закона Скантиния, Калигула предлагал своим посетителям возможность вкусить запретный плод и насладиться противозаконным удовольствием нарушения табу.

Тацит рассказывает похожую историю, описывая пир, устроенный для Нерона начальником преторианской гвардии Тигеллином. Среди развлечений были многочисленные публичные дома, сооружённые на берегу озера, причём в них работали свободнорождённые женщины высокого происхождения. На случай если этого окажется недостаточно, чтобы угодить повелителю, Тигеллин держал наготове целую толпу обнажённых проституток самого низкого положения.

Помимо подобных императорских затей мы встречаем упоминания о проституции, существовавшей непосредственно во дворце. Нимфидия была матерью префекта преторианской гвардии Нимфидия Сабина, который убедил гвардейцев оставить Нерона и тем самым вынудил императора бежать из Рима и покончить с собой. В исторических сочинениях Нимфидии уделено всего несколько строк, но каких! Тацит описывает её как женщину, торговавшую своим телом среди дворцовых рабов и вольноотпущенников. Впрочем, одними слугами она не ограничивалась: говорили, что она состояла в связи и с Калигулой, который, как сухо замечает Тацит, питал слабость к блудницам. Позднее её сын утверждал, что его отцом был Калигула. Однако это было неправдой: наиболее вероятным кандидатом на роль отца являлся гладиатор по имени Марциан.

Очевидно, Нимфидия была широко известна, поскольку Плутарх вкладывает в уста преторианца Антония Гонората слова, в которых тот задаётся вопросом, следует ли им «избирать сына Нимфидии своим цезарем»[10]. Обратите внимание: достаточно просто назвать её имя, и нет необходимости объяснять, чем именно она занималась. Вот, пожалуй, мы наконец и обнаружили знаменитую проститутку.

Если даже император занялся организацией роскошных публичных домов, вполне можно предположить, что другие поступали так же. Однако найти подтверждения этому непросто. Вообще обнаружить убедительные свидетельства существования публичных домов – задача чрезвычайно трудная[11]. По каким признакам можно определить, что то или иное здание служило борделем?

Как мы уже говорили в предыдущих главах, римляне были людьми довольно грубоватыми и любили запечатлевать свою грубость на стенах зданий. Но следует ли считать надпись вроде «Я переспал здесь со множеством девок» доказательством того, что перед нами публичный дом? И точно так же: достаточно ли обилия откровенных эротических изображений, чтобы признать здание борделем? Если да, то Помпеи пришлось бы считать городом, где на каждого гражданина и его раба приходилось по собственному публичному дому. А вырезанные на мостовой фаллосы – действительно ли они указывали дорогу к борделю или просто служили символами удачи? Подсчитать количество публичных домов в городе, чудесным образом сохранившемся почти нетронутым на протяжении двух тысячелетий, вовсе не так просто, как может показаться.

Согласно новейшим исследованиям, в Помпеях насчитывалось тридцать пять публичных домов – примерно по одному на каждые семьдесят пять взрослых свободных мужчин. При этом в расчёт не включены люди, приезжавшие в Помпеи по торговым делам или ради развлечений, а также те, кто предпочитал совместить одно с другим, заглянув в бордель. Сколько было таких посетителей, мы установить не можем.

Один из известных публичных домов Помпей, Лупанар, расположен позади городских терм. Здание это производит мрачное впечатление. Первый этаж разделён на пять узких помещений, напоминающих камеры. Почти всё пространство в каждом из них занимают каменные ложа, на которые, вероятно, укладывали мягкие матрасы и подушки. Ни в одной из комнат нет окон, и никаких следов дверей археологи не обнаружили. Предполагается, что от посторонних взглядов их отделяли лишь занавески, а возможно, даже и занавесок не было. На втором этаже находились ещё пять комнат, немного просторнее нижних, но также оборудованных каменными ложами.

Внутри борделя обнаружено более ста граффити, и все они носят откровенно сексуальный характер. Среди настенных надписей встречаются цены, назначавшиеся отдельными женщинами, и перечни услуг, которые можно было получить. Например: «Эвплия сосёт за пять ассов». Есть и отзывы довольных или недовольных посетителей: «Соллемн, ты отлично трахаешься!» – словом, вся та непристойная болтовня, которую, вероятно, и следует ожидать в заведении, торгующем сексом. Стены украшены эротическими росписями, самые известные из которых изображают пары в разнообразных сексуальных позах. Это заставило некоторых исследователей предположить, что

изображения служили чем-то вроде меню. Неужели посетитель смотрел на картинки и выбирал желаемую позу? Мысль остроумная, но никаких доказательств её справедливости у нас нет.

Считалось ли посещение публичного дома постыдным? Артемидор, наш непревзойдённый толкователь сновидений, полагал, что да: «Сношение с проститутками, находящимися в публичных домах, предвещает небольшой позор и некоторые расходы, ибо мужчины, вступающие с ними в связь, испытывают стыд и теряют деньги»[12].

Вероятнее всего, посетителями борделей были преимущественно люди низкого положения. Богачи обычно не ходили в публичные дома просто потому, что не нуждались в них: они могли позволить себе купить рабов для удовлетворения любых сексуальных прихотей. Возникает вопрос: существовали ли вообще публичные дома высокого класса, рассчитанные на состоятельных и взыскательных клиентов? Судя по известным примерам из Помпей – богатого и процветавшего города, – скорее всего, нет.

Однако публичные дома были далеко не единственным местом, где можно было купить секс. Судя по всему, весьма оживлённая торговля шла и в тавернах. Множество граффити, найденных в Помпеях и Геркулануме, содержат хвастливые рассказы о связях с трактирными служанками. Очевидно, кое-кто пытался уклониться от налога на проституцию, утверждая, что девушки всего лишь подают напитки и ничем другим не занимаются. Но законодатели прекрасно понимали эту уловку: «Если содержательница таверны предоставляет женщин за плату (а многие имеют обыкновение держать проституток под видом трактирных служанок), то она по праву именуется сводней»[13].

В надписи, обнаруженной в Эзернии, сохранилась забавная шутка. Хозяйка постоялого двора предъявляет постояльцу счёт: один асс за хлеб и вино, один – за мясо, два асса – за сено для мула и ещё два – за секс со служанкой. Постоялец отвечает: «Этот мул меня разорит!»

На самом дне этой иерархии находились уличные проститутки. Английское слово fornication («блуд», «внебрачная половая связь») происходит от латинского fornices – «арки», под которыми проститутки поджидали клиентов. Поскольку арки были характерным элементом практически всех римских общественных зданий, мест для подобных встреч имелось предостаточно. Насколько низким было положение уличных проституток, показывает следующее стихотворение Марциала:

> Мне нужна доступная девка, бродящая по улицам в плаще,
> Та, что уже отдавалась моему рабу,
> Та, что продаёт себя целиком за денарий или два…[14]

Разумеется, чем больше людей собиралось в одном месте, тем больше возможностей заработать появлялось у проституток. Поэтому пространства возле театров, цирков и амфитеатров были особенно привлекательны для

работниц этой сферы, несомненно рассчитывавших, что зрелища разожгут похоть публики. Посетив театр, зрители могли увидеть проституток и на сцене: они были постоянными персонажами комедийных пьес.

В комедиях Плавта постоянно повторяется один сюжет: молодой человек влюбляется в прекрасную проститутку и мечтает, чтобы она принадлежала только ему. Затем следует череда приключений и недоразумений, в ходе которых юноша с помощью хитроумного раба пытается собрать деньги, чтобы выкупить возлюбленную. В конце выясняется, что девушка вовсе не проститутка, а свободнорождённая. Это и считается счастливой развязкой, поскольку теперь молодой человек может на ней жениться.

Такой сюжет встречается в пьесе «Пуниец», где героиню, которую считают проституткой, ещё младенцем похитили из Карфагена. В конце она воссоединяется с отцом, который раскрывает её свободное происхождение. Та же схема использована в «Куркулионе», где юная проститутка встречает своего брата, и тот обнаруживает, что она свободнорождённая, благодаря чему девушка получает возможность выйти замуж за любимого. Подобная история повторяется и в «Псевдоле», хотя там проститутка Феникия в конце пьесы не оказывается свободнорождённой, но всё равно обретает счастливую судьбу рядом с влюблённым в неё юношей.

Любопытно, что один из постоянных элементов подобных сюжетов – похищение свободнорождённой девушки с последующей продажей в рабство или проституцию. Не отражал ли Плавт тем самым реальный страх римлян? Утрата свободы, общественного положения и гражданских прав, несомненно, была настоящим кошмаром для любого римлянина, жившего в обществе с жёсткой сословной иерархией, строгими нравственными оценками и столь значительными привилегиями гражданства.

Известны случаи, когда свободнорождённых людей, несмотря на защиту закона, продавали в рабство. В 69 году н. э., во время гражданской войны между Отоном и Вителлием, был разграблен город Кремона. К ужасу Тацита, солдаты захватывали свободнорождённых римских граждан и продавали их в рабство.

Ещё один вывод, который можно сделать из пьес Плавта, касается строгих ограничений, существовавших в римском обществе в сфере ухаживания. Как мы уже выяснили, брак представлял собой соглашение между семьями, а добродетель свободнорождённых женщин тщательно охранялась. Поэтому истории Плавта о юношах, влюбляющихся в проституток, были социально приемлемыми любовными сюжетами: проститутки не пользовались защитой норм о stuprum, а значит, молодой человек мог ухаживать за ними и любить их. Важно, что в конце пьесы проститутка оказывается свободнорождённой девушкой. Следовательно, любые её прежние поступки, которые считались бы неподобающими для свободнорождённой женщины, не могли быть поставлены ей в вину, поскольку она не знала о своём происхождении.

В Риме существовали разные виды сценического искусства и различные категории исполнителей: танцоры и мимы, комедийные актёры и те, кто со всей страстью отдавался исполнению греческих трагедий. Однако характер исполняемых ролей никак не влиял на общественный статус актёра: профессия в целом считалась бесчестной и подпадала под категорию infamia. Исполнитель серьёзной трагедии был в глазах закона столь же опозорен, как и участник грубого, непристойного мима. Брачные законы запрещали представителям высших сословий жениться не только на актёрах и актрисах, но даже на их сыновьях и дочерях. Актёры вообще считались весьма сомнительными людьми, о чём свидетельствует следующий указ III века. Обратите внимание: возница колесницы упомянут без каких-либо оценок, тогда как актёр назван «презренным»: «Если изображение шута в коротком одеянии, или возницы со сморщенной грудью, или презренного актёра будет установлено в общественных портиках либо в любом другом месте города, где обычно воздвигаются наши статуи, оно должно быть немедленно удалено; впредь также запрещается выставлять изображения подобных низких людей в местах, достойных уважения»[15].

Указ завершается оговоркой: статуи этих «низких людей» разрешалось устанавливать в портиках театра – там, где им и надлежало находиться. Ювенал считал театр местом, возбуждающим женскую похоть: «Они готовы заплатить целое состояние, лишь бы расстегнуть застёжку на одежде актёра»[16], – язвительно замечает он. Овидий советует театр как подходящее место для знакомства с женщинами: «Здесь целомудрие обречено».

Скандальная репутация Марка Антония включала и его похождения в актёрской среде. Он дружил с несколькими исполнителями мимов настолько близко, что даже посещал их свадьбы. На одном из таких торжеств Антоний в полной мере воспользовался возможностью выпить за чужой счёт и пьянствовал всю ночь. Последствия оказались плачевными: когда его вызвали на Форум по государственным делам, его вырвало прямо на собственную тогу.

Но если оставить в стороне рвоту во время исполнения священных общественных обязанностей, самым знаменитым приключением Антония в актёрской среде стал его роман с актрисой Киферидой. Она сопровождала Антония в носилках во время поездок по городу и, как сообщает Плутарх, имела столько же прислужников, сколько Антоний предоставил собственной матери. Это приводило Цицерона в невероятное негодование: «Антоний, со своей стороны, возит Кифериду в открытых носилках, словно вторую жену»[17]. И добавляет: «Посмотрите, до какого позора нас довели!»

Он презрительно именует Антония «любовником Киферид», что, вероятно, поставило его в неловкое положение, когда однажды он оказался с этой женщиной за одним обеденным столом. «По правде говоря, я и не

подозревал, что она там будет»[18], – оправдывался Цицерон. Однако затем он мужественно преодолевает смущение, объясняя своему корреспонденту: «Подобные вещи не привлекали меня и в молодости, тем более теперь, когда я стар». Как будто Киферида непременно собиралась броситься ему на шею! В действительности её «преступление» заключалось в том, что она вела себя как добропорядочная женщина: посещала званые обеды и сопровождала Антония в официальных поездках. Иными словами, она возомнила о себе слишком много и попыталась занять положение, не соответствовавшее её месту в сословной иерархии.

Актёры, очевидно, обладали необыкновенной сексуальной привлекательностью. Они не только сводили женщин в театре с ума от желания, но и могли завоёвывать любовников самого высокого положения в государстве. Калигула был без ума от актёра пантомимы по имени Мнестер: «Если кто-нибудь из зрителей издавал хотя бы малейший звук, пока танцевал его любимец, Калигула приказывал вытащить виновного с места и собственноручно подвергал его бичеванию»[19].

Подобно Антонию, Калигула заходил в своей страсти слишком далеко: его видели публично целующим Мнестера. Светоний замечает: «Привязанность его к тем, кого он любил, превращалась в безумие»[20].

После убийства Калигулы было принято решение переплавить все монеты с его изображением. Императрица Мессалина, жена нового императора Клавдия, попросила разрешения воспользоваться этим металлом. И воспользовалась: заказала отлить бронзовую статую Мнестера. Это стало первым намёком на то, что актёр, возможно, пришёлся ей по вкусу. Впоследствии она заставила Мнестера стать её любовником, что вызвало недовольство публики. Зрители тоже обожали Мнестера и были возмущены тем, что он перестал выступать перед ними, поскольку оказался занят выступлениями совсем иного рода – для Мессалины.

Среди других актёров, привлекавших внимание императорской семьи, был Парис, состоявший в связи с Домицией, женой Домициана, – по крайней мере до тех пор, пока Домициан не приказал его убить. Марциал посвятил ему довольно трогательную эпитафию: «Кем бы ты ни был, путник, ступающий по Фламиниевой дороге, не проходи равнодушно мимо этой славной гробницы. Здесь погребены услада города, остроумие Нила, искусство и изящество, игривость и радость, слава и скорбь римского театра, все его Венеры и Купидоны – вместе с Парисом»[21].

Очевидно, Парис, подобно Мнестеру до него, пользовался огромной популярностью у публики. Впрочем, не следует путать его с другим Парисом, тоже актёром, но жившим во времена Нерона. Того Париса Нерон приказал убить за отказ обучать его искусству мима.

Если проституция вполне благополучно существовала в римском обществе и не вызывала особых замечаний в наших источниках, то об актёрах и театре такого сказать нельзя. С ними постоянно возникали неприятности.

Актёры не только сеяли раздоры внутри императорских семей, но и становились причиной беспорядков на улицах Рима. Помните слова о том, как привязанность Калигулы к любимому актёру Мнестеру превращалась в безумие? Калигула был далеко не одинок в подобных чувствах. У актёров появлялись преданные поклонники, объединявшиеся в группировки, готовые любой ценой защищать честь и репутацию своих кумиров. Наверное, вы уже догадались, к чему всё шло. Совершенно верно: между враждующими группировками вспыхивали настоящие уличные сражения, весьма напоминавшие драки футбольных хулиганов прежних времён.

Насилие достигало таких масштабов, что власти были вынуждены принимать суровые меры. При императоре Тиберии нескольких актёров изгнали из Рима вместе с их поклонниками. «Когда ссора в театре закончилась кровопролитием, он изгнал вожаков группировок, а также актёров, послуживших причиной раздора, и никакие мольбы народа так и не смогли склонить его вернуть их»[22].

Тацит сообщает дополнительные подробности этого происшествия. Во время беспорядков погибли несколько солдат и центурион, а один преторианец был ранен при попытке восстановить порядок. И это был далеко не единичный случай. Похожие истории о бунтах и изгнаниях из Рима встречаются и в правление Нерона, хотя на этот раз дрались актёры пантомимы. Светоний рассказывает, что Нерон лично посещал театр, чтобы подстрекать дерущихся актёров, и что, «когда они переходили к драке, бросаясь камнями и обломками скамей, он и сам метал в толпу множество предметов и даже разбил голову одному претору»[23].

Ничего подобного мы не слышим о проституции. Актёры обладали опасной сексуальной притягательностью – настолько опасной, что она становилась причиной крайнего насилия. Стоит ли после этого удивляться, что римляне относили их к infames?

Гладиаторы

Гладиаторы также относились к категории infames, причём подавляющее большинство из них составляли рабы. Можно было стать гладиатором и добровольно, но для этого требовалось на определённый срок или на установленное число поединков отказаться от правовой защиты. Сколько мужчин поступало таким образом, мы не знаем. Большинство сохранившихся надписей о гладиаторах свидетельствует, что они были рабами.

Положение гладиаторов представляло собой удивительное противоречие. С одной стороны, их относили к самым презренным членам общества. С другой – они обладали необычайной храбростью и боевым мастерством, то есть именно

теми качествами, которые римляне связывали с virtus. Перед обществом вставала непростая дилемма: достойны ли эти люди общения с порядочными гражданами или же они столь же лишены чести и доброго имени, как остальные infames? Разрешить это противоречие оказалось непросто, и гладиаторы занимали в римском обществе совершенно особое положение.

Гладиаторы пользовались такой славой, что их изображения превращались в ходовой товар: ими украшали масляные светильники и стеклянную посуду. Вольноотпущенник Тримальхион, любящий роскошь герой «Сатирикона» Петрония, с гордостью демонстрирует собственные предметы с гладиаторскими изображениями: «А на моих кубках изображены поединки Герера и Петраита, и каждый кубок тяжёлый; ведь я ни за какие деньги не продам своего умения ценить прекрасное»[24].

Они становились предметом настоящего обожания, о чём свидетельствует граффити, найденное в гладиаторских казармах Помпей: «Целад, фракийский гладиатор. Девушки считают его великолепным!» Правда, поскольку имена девушек не указаны, а надпись обнаружена именно в гладиаторских казармах, поневоле возникает подозрение: не сам ли Целад её написал? Возможно, он просто пытался повысить собственную популярность?

Учитывая, что гладиаторы сражались почти обнажёнными, выставляя напоказ свои мускулы, неудивительно, что среди женщин у них было немало восторженных поклонниц. Ювенал рассказывает историю Эппии, бросившей мужа-сенатора и детей ради бегства с гладиатором Сергием. При этом, утверждает Ювенал, Сергий вовсе не отличался красотой: «Лицо его было сильно обезображено: натёртая шлемом борозда, огромная шишка на переносице и отвратительная болезнь, заставлявшая один глаз беспрестанно слезиться»[25].

Но, заключает Ювенал, он был гладиатором – и уже одно это придавало ему привлекательность, делало сексуально желанным вопреки внешности. Удивительно другое: при всей прославленной сексуальной притягательности гладиаторов мы почти не встречаем историй, подобных рассказу об Эппии. Если актёры становились любовниками императоров, императриц и других представителей высшей знати, то о гладиаторах ничего подобного практически не известно. В гладиаторском мире не было своих Парисов, Киферид или Мнестеров.

Правда, в гладиаторских казармах Помпей было найдено тело богато одетой женщины. Эта находка породила множество предположений, будто она явилась туда ради интимного общения с обнажёнными богами арены. Однако существует другое, более вероятное объяснение: женщина просто искала укрытия, когда дождь вулканического пепла стал настолько сильным, что продолжать путь было невозможно.

Ближе всего к подобным историям стоит предположение о том, что Фаустина, жена Марка Аврелия, могла состоять в связи с гладиатором. Этим

пытались объяснить, как столь великий человек, как Марк Аврелий, сумел произвести на свет такого никчёмного, помешанного на гладиаторских боях сына, как Коммод. В одном из вариантов рассказа Фаустина даже не вступает с гладиатором в половую связь, а лишь испытывает к нему непреодолимую страсть. Немедленно признавшись во всём мужу, она заставляет императора обратиться к придворным магам. Те советуют императрице искупаться в крови этого гладиатора, а затем вступить в половую связь с мужем. История умалчивает, сколько именно крови Фаустине следовало налить в ванну и пережил ли несчастный гладиатор такое кровопускание. Вообще кровь гладиаторов считалась чрезвычайно сильнодействующим средством: её использовали для приготовления любовных зелий, а также для лечения эпилепсии и бесплодия.

Стоит обратить внимание на то, что все три профессии – проститутки, актёра и гладиатора – объединяло публичное выступление перед зрителями. Сама мысль о подобном занятии приводила любого добропорядочного римлянина в ужас. Появление на публике в качестве исполнителя считалось настолько постыдным, что бесчестье могло сохраняться на протяжении нескольких поколений. «Они уже умерли, и я считаю своим долгом перед их предками не называть их имён»[26], – говорит Тацит о представителях всаднического сословия, участвовавших в представлениях Нерона. Самого императора он характеризует ещё более суровыми словами: достойный сожаления, унизительный, развращённый, позорный. Преступлением Нерона было не то, что он любил играть на лире, управлять колесницей или сочинять стихи. Преступлением было то, что он делал всё это публично.

При этом римляне совершенно спокойно пользовались общими уборными, купались нагими вместе с другими людьми в общественных термах и привычно занимались сексом в присутствии рабов, не придавая этому никакого значения. Следовательно, неприязнь к публичным выступлениям никак не была связана с нашими современными представлениями о частной жизни. Скорее она проистекала из самого факта доставления удовольствия другим людям (что объясняет, почему сюда же попадали проститутки), причём публичность подобного занятия добавляла ещё одну степень позора, совершенно невыносимую для римского сознания.

Инцест

В древнем мире существовали общества, где кровосмесительные браки укоренились на самом высоком уровне. Вероятно, наиболее известный пример – Древний Египет, где фараонам стало принято жениться на собственных сёстрах. Клеопатра, например, успела побывать замужем за двумя своими братьями.

В римском пантеоне боги тоже были прекрасно знакомы с кровосмешением. Юпитер, царь богов, состоял в браке со своей сестрой Юноной, а от другой сестры, Цереры, имел дочь Прозерпину. Впоследствии Прозерпину

похитил её собственный дядя Плутон и женился на ней. Церера родила ещё одну дочь от своего брата Нептуна. И этот перечень можно было бы продолжать до бесконечности.

В отличие от божеств некоторых других религий, римские боги отнюдь не служили образцами для подражания или источниками нравственного вдохновения. Их жизнь была наполнена насилием, сексом, связями с животными и супружескими изменами столь невероятных масштабов, что ни один здравомыслящий человек не захотел бы следовать их примеру – да и попросту не смог бы за ними угнаться. Богов следовало бояться, умилостивлять и задабривать жертвоприношениями и дарами.

Сексуальные отношения с детьми при определённых обстоятельствах могли пользоваться культурной терпимостью и даже одобрением, однако к инцесту римляне относились совершенно иначе. Я говорю это с уверенностью, поскольку обвинения в кровосмешении постоянно появляются в язвительных речах, которыми римские политики осыпали друг друга с яростью камней, выпущенных из пращи.

Цицерон, непревзойдённый мастер беспощадных обличительных речей, не оставлявших от репутации противника камня на камне, охотно прибегал к обвинениям в инцесте. Особенно часто он нападал на Публия Клодия, которого неоднократно обвинял в кровосмесительной связи с сестрой Клодией. Иногда он делал это с лукавым намёком: «Я не ссорился с мужем этой женщины – простите, с её братом, хотел я сказать; я всё время их путаю»[27]. Можете представить себе понимающий смех слушателей.

Иногда же Цицерон высказывался куда прямолинейнее. Например, в речи против Клодии он призывает на помощь память о её славных предках и спрашивает, что они подумали бы о её поведении: «Неужели ради этого я провёл в Рим воду, чтобы ты могла омываться ею после своих кровосмесительных соитий?»[28]

Учитывая выдающееся положение Цицерона в политической жизни своего времени, неудивительно, что подобные обвинения выдвигались и против него самого: «Этот человек, на протяжении всей жизни проявлявший столь безмерную распущенность и нечистоту, что не щадил даже ближайших родственников, отдавал собственную жену внаём и был любовником своей дочери»[29].

Обвинения императоров в инцесте встречаются в наших источниках так часто, что поверить им – даже отчасти – становится практически невозможно. Они производят впечатление очередного обязательного пункта в общепринятом перечне пороков, которыми следовало наделить развращённого правителя. Назовите любого императора, прославившегося излишествами, и я почти наверняка смогу найти обвинение в кровосмешении и против него.

Калигула? Спал со всеми тремя сёстрами. Нерон? С собственной матерью. Домициан? Роман с племянницей. Коммод? Опять сёстры. Каракалла? И здесь не обошлось без матери.

Однако за некоторыми из этих обвинений скрывается не только стремление представить императора человеком, совершенно лишённым virtus, и законченным извращенцем, но и изрядная доля женоненавистничества. Особенно отчётливо это проявляется в истории Агриппины.

Семейные интриги: Агриппина Младшая

Агриппина принадлежала к числу тех женщин императорской семьи, которые состояли в родстве буквально со всеми. Она была внучкой Юлии, дочери Августа, племянницей Клавдия и сестрой Калигулы. Ей удалось пережить интриги Сеяна, изгнание, устроенное собственным братом, и мелочную мстительность Мессалины. Теперь же она твёрдо решила сделать своего сына императором.

Наблюдать за этой решимостью – само по себе захватывающее зрелище. Ради того чтобы облачить сына в императорский пурпур, Агриппина была готова практически на всё. Стоил ли он таких усилий – вопрос спорный. Позднее даже она сама начала в этом сомневаться.

Первым шагом стало намерение женить сына на Октавии, дочери императора Клавдия. Октавия уже была помолвлена с другим мужчиной, но для Агриппины это не представляло непреодолимого препятствия. Внезапно о женихе Октавии, Торквате, поползли странные и неприятные слухи: его обвиняли в противоестественной связи с собственной сестрой. Слухи распространились настолько широко, что Клавдий начал сомневаться, стоит ли выдавать за него дочь. Вскоре помолвку расторгли. Первый этап плана был успешно осуществлён.

Теперь, когда сын Агриппины стал женихом императорской дочери, она приступила ко второму этапу своего грандиозного замысла по превращению сына в императора – решила сама стать императрицей. К счастью для неё, прежняя императрица Мессалина незадолго до этого была обезглавлена за чрезвычайно скандальные любовные похождения, так что место освободилось. Оставалась лишь одна небольшая проблема: Клавдий приходился Агриппине дядей, а любые отношения между ними считались бы кровосмесительными и противозаконными.

Но разве нравственные и юридические нормы общества способны остановить женщину с подобными амбициями? Для неё это всего лишь сухая веточка, которую можно с лёгкостью переломить и отбросить с дороги. К тому же одно из преимуществ императорской власти состоит в возможности изменять досадные законы, мешающие осуществлению собственных желаний. Именно так Клавдий и поступил, а уже на следующий день женился на Агриппине.

Помимо несметного богатства и верховной власти, Клавдий, по-видимому, обладал немногими привлекательными качествами: «Изо рта у него выступала пена, из носа текло; к тому же он заикался, а голова постоянно тряслась, особенно при малейшем напряжении»[30].

Возможно, именно это объясняет третий этап плана Агриппины – убийство мужа. Клавдия отравили блюдом из грибов – из всех возможных средств было выбрано именно это. Очевидно, Агриппина умело пользовалась своими чарами на протяжении всего брака: ведь Клавдий сделал наследником престола не собственного сына Британника, а её сына Нерона.

После того как женщина соблазнила своего далеко не красавца-дядюшку, занималась распространением политических слухов и организовала убийство исключительно ради сына, можно было бы ожидать от него хотя бы некоторой благодарности. Но мальчики-подростки, как известно, редко отличаются особой почтительностью к матерям. Стоит ли удивляться, что Агриппина пришла в ярость, когда Нерон внезапно стал проводить всё своё время с любовницей – императорской вольноотпущенницей Актой? Она теряла власть над сыном, а вместе с ней – и собственное влияние.

Согласно нашим источникам, реакция Агриппины была весьма крайней: она принялась соблазнять собственного сына, предлагая ему уединение в своих покоях. Светоний, разумеется, приводит самую пикантную версию: «Всякий раз, когда он ехал в носилках вместе с матерью, он вступал с ней в кровосмесительную связь, о чём свидетельствовали пятна на его одежде». Какая мерзость!

Однако стоит заметить, что непосредственно перед этой цитатой Светоний произносит слова: «как говорят». Как говорят! А кто именно говорит? Неизвестно. Нигде не названо ни одного свидетеля этого кровосмешения. События весьма удобно помещены в закрытые носилки и за запертые двери. Поэтому, на мой взгляд, можно уверенно заключить, что всё это полнейшая чушь.

Чушь – несомненно. Но эта история многое говорит о том, как римляне воспринимали Агриппину и других влиятельных женщин. Женщины не могли занимать государственные должности или голосовать и были полностью исключены из политической жизни. Поэтому римский мужчина исходил из предположения, что в распоряжении женщины имеется лишь одно средство влияния на события – собственное тело. То, что Агриппина была чрезвычайно умна, попросту не приходило им в голову. Источником её власти считался секс: сначала с братом Калигулой, затем с дядей Клавдием и, наконец, с сыном Нероном. А как иначе она могла добиться столь высокого положения?

Агриппина, конечно, пользовалась сексуальными связями. Позднейший роман с влиятельным вольноотпущенником Паллантом, несомненно, помог ей удержаться на плаву во время ожесточённой борьбы между дворцовыми вольноотпущенниками. Но её возможности и способности далеко не исчерпывались этим.

Есть один вопрос об инцесте, которого мы ещё не касались и который необходимо поставить. В предыдущей главе мы уже говорили о том, насколько тесно переплетались брачные связи внутри правящих династий Рима. Особенно запутанной в этом отношении стала семья Юлиев-Клавдиев. Например, женившись на Юлии, дочери Августа, Тиберий взял в жёны свою сводную сестру, которая к тому же приходилась мачехой его первой жене. Его брат Друз по сравнению с ним отделался сравнительно легко, женившись всего лишь на своей сводной кузине. Так что давайте зададимся вопросом: что именно римляне считали кровосмешением?

То обстоятельство, что Клавдий узаконил браки между дядями и племянницами, вовсе не сделало их модными. Неприязнь к подобным связям сохранялась, что видно по тому, как изображается брак Клавдия и Агриппины. Аналогичное отвращение проявляется и в рассказах о предполагаемом романе Домициана с племянницей Юлией, хотя такая связь уже не была незаконной и формально не считалась инцестом. Особенно беспощаден к Домициану Ювенал: «Домициан, этот недавний прелюбодей, запятнал себя гибельным союзом». Затем следует отвратительная картина: «А Юлия, его племянница, извергала содержимое созревшего чрева с помощью снадобий, вызывающих выкидыш, и исторгала куски плоти, напоминавшие её дядю»[31].

Закон, введённый Клавдием, был весьма конкретным. Агриппина являлась дочерью его брата Германика, но брак мужчины с детьми собственной сестры по-прежнему считался кровосмесительным. Женщина также не могла выйти замуж за племянника – независимо от того, был ли он сыном её брата или сестры. Эта странная двойная норма, возникшая, по-видимому, исключительно потому, что Клавдий пожелал жениться на Агриппине, была окончательно устранена лишь в IV веке. Тогда соправители Констант и Констанций объявили брак мужчины с племянницей, будь она дочерью его брата или сестры, одним из многочисленных преступлений, каравшихся в ту эпоху смертной казнью.

Юрист III века Павел утверждал, что кровосмесительным считается брак мужчины с женщиной, являющейся его прямой родственницей по восходящей или нисходящей линии. Такое определение исключало бы из категории инцеста практически все браки, заключавшиеся внутри династии Юлиев-Клавдиев.

Большинство законов об инцесте касалось наследственных прав и приданого: «Кровосмесительные браки не дают права на приданое, поэтому муж может быть лишён всего полученного, даже если это имущество поступило к нему как прибыль»[32].

В Древнем Риме внимание к инцесту было сосредоточено прежде всего на его законности или незаконности. Почти не встречается понимания того, что кровосмешение может представлять собой сексуальное насилие, как мы воспринимаем его сегодня. Однако сохранилось одно довольно тревожное юридическое постановление: «Если прелюбодеяние совершается одновременно с кровосмешением – например, с падчерицей, невесткой или мачехой, –

женщина также подлежит наказанию, причём даже тогда, когда прелюбодеяния как такового не было»[33].

Это положение вызывает ужасающие образы падчерицы, подвергшейся насилию со стороны отчима и затем привлечённой к суду за преступление, совершённое против неё. Однако подобная проблема, по-видимому, совершенно не занимала сознание древних римлян. Законы об инцесте были сосредоточены на наследственных правах и на том, что происходило, когда человек, сам того не зная, вступал в кровосмесительный брак. Судя по всему, подобные случаи встречались достаточно часто, чтобы законодатель счёл необходимым специально оговорить их. Вместе с тем в этих положениях проявляется определённая снисходительность: женщин могли освободить от обвинения в инцесте ввиду их возраста или незнания закона. Правда, речь шла именно об инцесте, совершённом посредством незаконного брака; в противном случае участники связи подпадали бы также под действие законов о супружеской измене.

Означает ли это, что сексуальное насилие внутри семьи было неизвестно Древнему Риму? Отнюдь нет. Оно появляется в некоторых сновидениях, собранных Артемидором: в его сочинении есть разделы о снах, в которых мужчина совершает половой акт с дочерью или сыном. Они помещены под общим заголовком «Противоестественные сношения». Артемидор совершенно недвусмысленно осуждает подобные действия: «Ни один человек в здравом уме не стал бы проникать в кого-либо столь юного возраста, тем более в собственного сына»[34]. Речь здесь идёт о детях младше пяти лет. А тот факт, что обвинения в инцесте вновь и вновь встречаются в политических оскорблениях, показывает, насколько сильным было табу на кровосмешение и насколько противоестественным, по выражению Артемидора, считали его римляне.

Скотоложство

Артемидор относил скотоложство к наиболее противоестественным видам половых отношений. Подобно инцесту, оно широко представлено в историях о богах. Юпитер похитил Европу, приняв облик быка, и оплодотворил Леду, обратившись в лебедя. Минотавр появился на свет в результате союза царицы Пасифаи с быком, к которому она воспылала страстью. Для осуществления этого замысла Пасифая спряталась внутри специально изготовленной деревянной коровы и стала ждать, пока предмет её желания взберётся на соблазнительное искусственное животное, предварительно заняв необходимое положение.

Скотоложство изображалось и в произведениях искусства. Среди них – впечатляющая статуя Пана, совокупляющегося с козой. Её заперли в Секретном кабинете Неаполитанского музея, поскольку она оказалась уж слишком хороша (к этой статуе мы ещё вернёмся в одной из следующих глав). История Леды и лебедя пользовалась особенной популярностью среди домовладельцев Помпей, о чём свидетельствует в том числе недавно обнаруженная фреска. На масляных

светильниках также встречались изображения противоестественных совокуплений людей с животными – собаками, пони и ослами.

В литературе Апулей, с которым мы уже встречались, когда он успешно защищался от обвинения в колдовстве, написал роман «Золотой осёл». В нём, как вы, вероятно, уже догадались, присутствует сцена сексуальной связи женщины с ослом. В одном довольно тревожном, хотя и исполненном чувственности эпизоде осёл – на самом деле главный герой Луций, по ошибке превращённый в осла колдовской мазью, – опасается причинить вред своей партнёрше: «Но меня терзал немалый страх: как сумею я, обладая столь огромными ногами и таким телом, взобраться на нежную благородную даму? Как сможет моя госпожа выдержать столь громадный мужской орган?»[35]

Ювенал утверждает, что женщины настолько похотливы, что не прочь вступать даже в анальные сношения с животными: «Стоит лишь не оказаться рядом мужчинам – и она, не теряя ни мгновения, охотно подставит свой зад грубым ласкам осла»[36].

К этому моменту, полагаю, все мы уже готовы согласиться с Артемидором, относившим всё перечисленное к противоестественным половым отношениям. Однако невольно возникает вопрос: что вообще происходило с этими людьми? Неужели скотоложство действительно служило в Древнем Риме своеобразным эротическим развлечением – чем-то, что можно было изобразить на предметах домашнего убранства или вставить в качестве побочного эпизода в комический роман?

Ранее мы уже говорили, что поступки богов определённо не предназначались для подражания, хотя их истории охотно изображались в искусстве, в том числе и сюжеты о связях с животными. И у Ювенала, и у Апулея заметно стремление использовать стереотип о чрезмерно похотливой и ненасытной женщине. Поэтому вполне возможно, что перед нами сатира, а не отражение реальной жизни.

Но существует один рассказ о скотоложестве, который не так легко отмахнуться как от шутки. Он встречается в цикле стихотворений Марциала, посвящённых зрелищам.

Гладиаторские игры проходили по определённой программе. Утро отводилось травле диких зверей, а после полудня начинались гладиаторские бои. Между этими двумя чрезвычайно популярными развлечениями, примерно в полдень, проводились казни преступников.

Поскольку в Риме не существовало ни действующей полиции, ни системы уголовного правосудия в том виде, в каком мы понимаем их сегодня, наказания должны были совершаться публично, чтобы отпугивать потенциальных преступников. Ради усиления устрашающего эффекта они должны были быть кровавыми и мучительными. Однако зрелища эти не отличались особой занимательностью, на что жаловался Сенека в одном из писем: «Это чистое убийство. Люди ничем не защищены. Всё их тело открыто для ударов, и ни один

удар не пропадает даром [...] Утром людей бросают львам и медведям, а в полдень – зрителям»[37].

Чтобы сделать эту необходимую часть общественного механизма более привлекательной для публики, преступников наряжали в костюмы и заставляли участвовать в инсценировках известных мифов, причём по ходу представления их неизбежно ожидала санкционированная государством смерть. Марциал упоминает несколько таких мифологических постановок. В одной воспроизводилась история Прометея, печень которого выклёвывал орёл. Однако, видимо, подходящей птицы найти не удалось или она отказалась сотрудничать, поэтому её заменили медведем, который вырывал внутренности осуждённого на потеху толпе. Другая изображала Дедала: крылья подвели его, и он рухнул вниз – в данном случае прямо к ещё одному медведю.

«Когда тебя терзал луканский медведь, как же сильно ты, должно быть, мечтал вновь обрести свои крылья!» – замечает совершенно не склонный к сочувствию Марциал. И это подводит нас к следующей инсценировке, которой он посвятил стихотворение. Речь идёт об уже знакомом нам мифе о Пасифае и быке:

> Пасифая и вправду сочеталась с критским быком –
> Поверьте: мы видели это, древнее сказание оказалось правдой.
> Пусть седая древность не кичится своими чудесами, Цезарь:
> Всё, о чём поют легенды, твоя арена являет воочию.[38]

Здесь возникает чрезвычайно неприятный вопрос: неужели римляне действительно казнили осуждённых женщин, заставляя быка совершить над ними сексуальное насилие? Марциал больше ничего об этом не сообщает, и других упоминаний о подобных действиях на арене у нас нет. Впрочем, эта часть игр вообще редко привлекала внимание древних авторов, оставаясь в тени увлекательной охоты на зверей и великолепных гладиаторских боёв.

Если вспомнить Спора, любимого евнуха Нерона, то он предпочёл самоубийство участию в постановке мифа о похищении Прозерпины. Вителлий намеревался изобразить насилие, составлявшее центральную часть этой истории, по-настоящему. Возможно, это означает, что и миф о Пасифае разыгрывался на арене без всякого притворства. Но правда заключается в том, что мы попросту не можем знать этого наверняка. И всё же от одной мысли об этом остаётся крайне неприятный осадок.

Глава 15

Сексуальные изображения

На верхнем этаже Британского музея есть зал, посвящённый Римской империи. Здесь собрано всё, что вы и ожидаете увидеть: множество монет, амфоры, бюсты давно умерших императоров и одна по-настоящему устрашающая голова Августа[1]. Но среди экспонатов имеется и другой предмет, признанный настолько важным, что ему отвели отдельную стеклянную витрину. Это серебряный сосуд для питья (см. иллюстрацию 26).

Привлечённые блеском полированного серебра, вы подходите к витрине. Всматриваясь сквозь стекло, начинаете различать искусно вырезанную на чаше сцену и вдруг понимаете, что перед вами изображён молодой мужчина, опускающийся на эрегированный пенис пожилого бородатого мужчины. В этот момент вы либо смущённо отступаете, заливаясь краской, либо немедленно отправляетесь в музейный магазин за копией чаши. Возможны оба варианта.

Так называемая чаша Уоррена относится к эпохе Августа. Её происхождение окутано некоторой тайной. Британский музей сообщает, что она могла происходить из Леванта, предусмотрительно добавляя слово «вероятно». Чаша «якобы была найдена» неподалёку от Иерусалима и «скорее всего» изготовлена по заказу представителя греческой общины Восточного Средиземноморья. На языке музейных хранителей всё это означает примерно одно: остаётся лишь пожать плечами.

Чаша Уоррена – вовсе не единственный предмет подобного рода. Она принадлежит к целому ряду изделий, украшенных аналогичными сюжетами. И хотя изысканная резьба и драгоценный материал выделяют её среди прочих образцов этого жанра, изображения мужчин, занимающихся сексом, встречаются на чашах, камеях, перстнях и всевозможной посуде.

Чаша Уоррена была дорогой вещью, и едва ли её владелец – кем бы он ни был – прятал её от посторонних глаз. Такой чашей следовало хвастаться перед гостями. Собственно говоря, именно этим Британский музей занимается и сегодня.

Во время раскопок Помпей и Геркуланума археологи обнаружили огромное количество подобных предметов, что привело первых исследователей в немалое замешательство. Неужели культура, породившая Цицерона, Августа и Сципиона, была той самой культурой, представители которой держали у себя статую бога Пана, совокупляющегося с козой? И это ещё не говоря о терракотовых фаллосах, которыми археологи заполняли ящик за ящиком.

А ведь существовали ещё и фрески, украшавшие стены богатых домов. Некоторые из них показались исследователям настолько шокирующими, что те откалывали изображения от стен и спешно увозили их вместе с целыми тачками

керамических пенисов в потайную комнату Неаполитанского музея, где им и предстояло провести долгие годы.

Так появился знаменитый Секретный кабинет Неаполитанского музея – хранилище откровенно непристойных предметов, объяснить назначение которых археологам было весьма трудно. Признаться, и сегодня мы справляемся с этой задачей не намного лучше. Нам кажется, что мы понимаем, для чего предназначались многочисленные изображения фаллосов, но в действительности многое по-прежнему остаётся лишь предположением.

Раскопки Помпей открыли перед нами общество, буквально окружённое изображениями, которые мы назвали бы сексуальными или даже эротическими. Человек мог пить из чаши со сценой анального секса, любоваться фреской на стене собственного дома, где мужчина и женщина предавались любовным утехам, а над входом повесить резной фаллос. Затем он мог выйти на улицу, подойти к ближайшей стене и нацарапать признание в том, как сильно любит оральный секс, – на случай, если кому-нибудь это интересно. Мир, прямо скажем, озадачивающий. Стоит ли удивляться, что археологи предпочли сложить все находки в шкаф, запереть его на ключ и договориться разобраться с ними когда-нибудь потом?

О чём думал обычный житель Помпей, приглашая художников расписать стены своего дома и заказывая им огромное изображение женщины, совокупляющейся с лебедем? Для телепередачи о ремонте мечты – явно не лучший сюжет. Почему повсюду столько пенисов – высеченных на мостовых и каменных стенах, изображённых на ожерельях и кольцах, изготовленных из керамики для украшения жилищ? Кому принадлежала великолепная статуя Пана с козой и зачем её купили? И почему изображение анального секса считалось подходящим украшением для любимой чашки?

Здесь нам предстоит во многом разобраться. В десятой книге «Метаморфоз» Овидий рассказывает историю Пигмалиона – скульптора, влюбившегося в собственное творение. Однако в изложении Овидия эта история гораздо меньше напоминает сюжет фильма «Манекен» и гораздо больше – рассказ о странном одиноком человеке, разочаровавшемся в женщинах и находящем удовольствие в ласках статуи из слоновой кости. «Он укладывает изваяние на ложе, покрытое тканями, окрашенными тирским пурпуром, называет его своей подругой и склоняет его шею на мягкие подушки, словно та способна что-то чувствовать», – с придыханием повествует Овидий. «Он целует её и воображает, будто она отвечает на его поцелуи; разговаривает с ней, обнимает и представляет, что пальцы его вдавливаются в живую плоть».

Пигмалион, успевший, надо полагать, вдоволь насладиться обществом своей возлюбленной из слоновой кости, отправляется на местный праздник в честь богини Венеры. Принеся жертву у алтаря, он просит богиню даровать ему жену, подобную его статуе. Венера исполняет желание и превращает статую в живую девушку.

У Плиния Старшего есть история о другой пленительной статуе – на этот раз самой богини Венеры, созданной знаменитым скульптором Праксителем. Плиний восторгается её необыкновенной красотой: «Она восхитительна со всех сторон!» – восклицает он, а затем добавляет: «Рассказывают, что некий человек, влюбившийся в статую, ночью спрятался в храме и заключил её в страстные объятия; пятно на ней свидетельствует о его похоти»[2].

Я привожу эти две истории потому, что нам предстоит поговорить о важном обстоятельстве: изображения, которые мы воспринимаем как откровенно эротические, а порой даже как настоящую порнографию, римляне видели совершенно иначе. Хотя, как показывают оба приведённых рассказа, иногда они воспринимали их именно так, как воспринимаем мы.

«Неужели и в твоём доме, где изображения великих мужей прошлого, написанные рукой художника, украшают стены, не найдётся где-нибудь маленькой картины, показывающей различные способы совокупления и любовные позы?» С этими словами Овидий, находясь в изгнании[3], обращается – представьте себе! – к самому императору Августу. Причём его «неужели» – вовсе не вопрос, а утверждение. Поэт отказывается верить, что даже у Августа, этого неутомимого поборника нравственности, дома нет подобных изображений. Подразумевается совершенно очевидное: они есть у всех.

По крайней мере об одном человеке мы можем сказать с уверенностью, что у него такие изображения действительно были. Это пасынок и преемник Августа, Тиберий. Светоний сообщает, что Тиберий собирал самые непристойные картины и скульптуры, а также устроил у себя «эротическую библиотеку». Полагаю, речь идёт о собрании эротических книг, а не об особенно соблазнительном помещении, предназначенном для приятного времяпрепровождения.

В 53 году до н. э. парфяне были потрясены, обнаружив в обозе римских воинов, которых только что наголову разбили в засаде, собрание эротических рассказов. Их изумляло, что римляне даже отправляясь на войну не могли расстаться со своими книгами о сексе.

Любопытно и одно из предписаний Сорана, касающееся женщин, страдавших заболеванием, которое, возможно, было гонореей: им не следовало показывать картины с изображениями соблазнительных тел или рассказывать эротические истории. Уже сам факт существования подобного совета позволяет предположить, что разглядывание возбуждающих изображений и рассказывание пикантных историй были привычным и вполне допустимым развлечением.

Находки из Помпей и Геркуланума, безусловно, подтверждают уверенность Овидия в том, что изображения совокуплений и различных сексуальных поз встречались едва ли не в каждом доме. В доме Веттиев, например, сохранилась фреска, изображающая пару в миссионерской позе, а также другая, где мужчина вступает в половой акт с женщиной сзади. В доме Цецилия есть фреска, на

которой женщина сидит верхом на мужчине, повернувшись к нему спиной. В доме Столетия обнаружено похожее изображение женщины, присевшей на пенис мужчины и также обращённой к нему спиной. И этот перечень можно продолжать.

Но ведь всё это частные дома. Неужели эротические фрески предназначались исключительно для личного удовольствия хозяев – подобно эротической коллекции императора Тиберия? Ответ, возможно, скрывается в том, где именно находились изображения. Если они украшали спальню, можно было бы предположить, что служили для возбуждения фантазии хозяина и пробуждения его желания перед тихим вечером с супругой (или другим избранным партнёром). Но если они висели в столовой, такое объяснение выглядело бы уже менее убедительным.

Дома богатой римской знати одновременно служили и общественным, и частным пространством. Римлянин мог ожидать, что его клиенты и другие люди, нуждавшиеся в его покровительстве, будут собираться в атрии; нескольких доверенных помощников он мог пригласить в кабинет для обсуждения дел, а важных гостей – принимать в столовой. Помещения общественного назначения располагались ближе ко входу, тогда как спальни и семейные комнаты находились в глубине дома. Помогает ли это понять назначение эротических фресок? Не особенно.

В доме Цецилия одна из главных эротических сцен, выполненная с исключительным мастерством (и, надо полагать, обошедшаяся весьма недёшево), находилась в небольшой комнате между столовой и кабинетом. В доме Столетия эротические фрески располагались в глубине здания, за столовой. В доме Веттиев такие изображения украшали стены совсем крошечной комнаты рядом с кухней. В другом доме открытая обеденная площадка была украшена изображениями любовной пары и нескольких извергающих семя фаллосов. Картина получается весьма пёстрая: никакой очевидной закономерности или устойчивых правил не просматривается.

Однако эротические фрески встречаются не только в частных жилищах, но и в общественных зданиях. Неудивительно, что одним из таких мест был публичный дом Лупанар, где сохранилось шесть изображений половых актов между мужчинами и женщинами. Учёные долго спорили, представляли ли эти картины своеобразное меню для посетителей борделя, но окончательного ответа так и не нашли.

Сексуальные изображения в публичном доме никого особенно не удивляют. А вот их присутствие в общественных банях – уже несколько неожиданнее. Пригородные термы, расположенные непосредственно за городскими стенами Помпей, были роскошнее других общественных бань внутри города. Их помещения были просторнее и лучше освещены, а помимо обычных банных удобств здесь имелся бассейн с подогреваемой водой. Особенно примечательно, что раздевалка была всего одна – общая для мужчин и женщин[4]. Я подчёркиваю

это обстоятельство потому, что именно здесь и находились интересующие нас эротические фрески.

Над каждым из восьми изображений был проставлен номер. Сюжеты заметно отличались от тех, что встречались в частных домах. Первые две картины вполне обычны: на одной женщина опускается на пенис партнёра, на другой пара готовится к половому акту. Но дальше начинается нечто гораздо более странное.

Следующее изображение показывает женщину, совершающую фелляцию мужчине; затем – мужчину, ласкающего женщину ртом; далее следуют две женщины вместе. После этого появляется сцена с тремя участниками: стоящая на коленях женщина вступает в половой акт с мужчиной, находящимся позади неё, а тот, в свою очередь, принимает сзади другого мужчину. На следующей картине степень необычности ещё возрастает: перед нами уже четверо участников – одна женщина совершает куннилингус другой, а мужчина делает фелляцию второму мужчине.

Между тем, как мы уже обсуждали, и куннилингус, и фелляция между мужчинами считались в Древнем Риме табуированными действиями, совершенно несовместимыми с virtus, оскверняющими и отвратительными. Мы также выяснили, что сексуальные отношения между взрослыми мужчинами и мальчиками, с определёнными оговорками, могли считаться социально допустимыми, тогда как отношения между мужчинами примерно одного возраста и общественного положения – нет. Наконец, мы уже видели, что римляне относились к лесбийским связям весьма неодобрительно. Но на фресках Пригородных терм изображено всё перечисленное. Что же здесь происходит?

Ответ кроется в последовательности картин: каждое следующее изображение демонстрирует всё более высокую степень разврата, пока мы не доходим до сцены с четырьмя участниками. Но главное объяснение даёт последняя картина, о которой мы ещё не говорили. Здесь изображены не двое, не трое и даже не четверо, а один-единственный мужчина. Он стоит обнажённым перед столом и читает свиток. Взгляд зрителя немедленно притягивают его чудовищно увеличенные яички. Вероятно, это символ сексуальной неудовлетворённости или накопившегося полового возбуждения. Вместо того чтобы предаться любому из изображённых ранее удовольствий, мужчина предпочитает чтение. Перед нами шутка: вся последовательность эротических сцен предназначалась для того, чтобы посетители обоих полов смотрели на неё и смеялись[5].

Фрески в термах заставляют иначе взглянуть и на ту «эротику», которой украшали свои дома жители Помпей. Если женщины, приходившие в бани, свободно видели изображения самых скандальных сексуальных действий, едва ли кто-либо старался скрывать от них подобные картины в частных домах. Равным образом, учитывая разнообразие эротических сцен в общественных

зданиях, нет оснований думать, что хозяева домов не показывали гостям свои новейшие настенные росписи.

Секс не был чем-то скрытым от посторонних глаз, чем-то тайным. На него смотрели, над ним смеялись, и делали это самые разные представители общества. Очевидно, что между восприятием человека XXI века и восприятием древнего римлянина существовала огромная пропасть.

Мы видим в этих изображениях неуместную, возбуждающую, предназначенную для интимного пользования порнографию. Римляне же не усматривали в них ничего неподобающего, о чём свидетельствует огромное количество изображений разнообразных сексуальных поз, обнаруженных в самых разных помещениях. Перед нами словно приподнимается завеса истории, открывая мир, нравы которого настолько чужды нашим, что ставили в тупик целые поколения археологов.

Чаша, полная загадок

Один из примеров этого разрыва в нашем понимании – предмет, о котором мы говорили в начале главы, чаша Уоррена. Она представляет собой нечто большее, чем просто изображение анального секса. В её облике множество деталей, порождающих вопросы, на которые мы не можем ответить.

В одной из предыдущих глав мы рассматривали допустимые формы однополых отношений и пришли к выводу, что подходящим пассивным партнёром взрослого мужчины – римского гражданина – считался мальчик-раб. На чаше Уоррена один из участников бородат, что указывает на его старший возраст, но второй вовсе не мальчик: оба изображены примерно одного роста. К тому же почему старший мужчина вообще носит бороду? Чаша относится ко времени до Адриана, когда римские мужчины обычно не носили бород. Вокруг чаши Уоррена возникло множество теорий, и долгое время её даже считали подделкой из-за необычности изображений.

Возможно, перед нами сатира на законы Августа о нравственности. Причёска молодого мужчины соответствует моде той эпохи. Не изображает ли он какого-нибудь младшего члена императорской семьи? Не является ли сцена намёком на лицемерие самого Августа и нравы его родственников? Или борода старшего мужчины указывает на его иноземное происхождение, а вся сцена представляет собой аллегорию упадка римского могущества, где Рим в образе юноши буквально подвергается сексуальному унижению со стороны врага?

Узнать наверняка мы не можем, поскольку не разделяем культурного опыта и представлений древних римлян. Смысл изображения для нас утрачен. Возможно, каждая деталь чаши Уоррена – от фигур мужчин и их поз до складок постельного белья – имела для римлян определённое значение. А возможно, перед нами просто изображение двух мужчин, занимающихся сексом.

Фаллосы, фаллосы повсюду

Однажды Мэри Бирд весело заявила в эфире британского телевидения в самое популярное вечернее время: «Понять, что перед вами римская вещь, можно по обилию пенисов». До сих пор мы рассматривали изображения любовных пар и половых актов, но в Древнем Риме существовал один образ, от которого невозможно было укрыться нигде, – фаллос. Он встречался повсюду: на стенах и мостовых, в украшениях сосудов для питья, в виде подвесок на ожерельях, гравировок на камнях перстней, резьбы на стенах Колизея – словом, практически везде, где только можно вообразить. Откуда такое невероятное количество пенисов?

В научных статьях, посвящённых фаллическим изображениям в Риме, постоянно встречается слово апотропеический. Оно означает «отвращающий зло», «защищающий от дурных влияний и несчастий». И вдруг все эти бесчисленные изображения пенисов начинают приобретать смысл.

Среди предметов, которые маленькие римские мальчики носили в своих буллах – защитных амулетницах, – нередко находились фаллические обереги. Они должны были отводить дурное влияние взрослых, способных лишить мальчика его virtus. Фреска с изображением Приапа и его огромного эрегированного пениса на стенах дома Веттиев, несомненно, выглядит забавно, однако предназначалась она для защиты дома от несчастий (см. иллюстрацию 29). Колокольчики в форме пениса с конскими ногами, которые вешали в лавках, должны были оберегать торговлю и самого владельца от неудач. В мире, где смерть и нищета были вполне реальными повседневными угрозами, каждому человеку и каждому зданию требовался собственный фаллический защитник.

Почему и каким образом пенис стал считаться талисманом удачи и оберегом от зла – вопрос из тех, что не дают спокойно спать исследователям античности. Возможно, это связано с агрессивным и угрожающим языком, которым римляне описывали действия, совершаемые их половыми органами над другими людьми. Пенис как могущественное оружие против всяческих напастей? В действительности никто не знает. Загадка на редкость любопытная.

«На редкость любопытная загадка» – пожалуй, столь же удачное определение для всего невероятного разнообразия изображений половых органов и сексуальных актов, покрывавших всевозможные поверхности в римском мире. Мы уже не обладаем тем пониманием их смысла, которым обладали сами римляне. И именно поэтому эти изображения, как и римское общество в целом, становятся для нас ещё более притягательными.

Человек с козой

Пожалуй, ни одна статуя не вызывает такого недоумения и не демонстрирует столь наглядно разницу между нашим восприятием и восприятием древних, как скульптура бога Пана, совокупляющегося с козой.

Кому вообще пришло бы в голову купить изображение скотоложства, пусть даже выполненное с поразительным мастерством?

Частично ответ можно найти, выяснив, где именно обнаружили статую: на Вилле папирусов в Геркулануме. Это один из крупнейших домов, найденных в городе. Вилла занимала около 250 метров береговой линии, открывая своим обитателям великолепный вид на море. Принято считать, что когда-то она принадлежала тестю Юлия Цезаря. Но кем бы ни был её владелец в 79 году н. э., он, несомненно, был образованным и просвещённым человеком. Мы знаем это благодаря обстоятельству, давшему вилле её название.

Виллой папирусов её называют из-за находившейся здесь библиотеки. В общей сложности обнаружено около 1800 свитков, обуглившихся во время извержения Везувия. Этого количества вполне достаточно, чтобы целые группы археологов с удовольствием проводили годы, пытаясь расшифровать написанное, а специалисты по античной литературе с надеждой ожидали обнаружения какого-нибудь великого утраченного произведения.

При раскопках виллы были найдены и подлинные шедевры искусства, впоследствии попавшие в Археологический музей Неаполя. Среди них – наша статуя Пана, проявляющего чрезмерную нежность к козе. Согласно археологическим отчётам, скульптура стояла в саду, точнее – в его южной части, между портиком и прудом. В том же месте располагались статуи или бюсты танцовщика, воина, египетского фараона Птолемея II, греческого поэта Анакреонта, неизвестного эллинистического царя, какого-то философа и ещё один бюст, который прежде считали изображением Сенеки, но теперь все дружно решили, что это не он.

Перед нами странное собрание изображений, между которыми, казалось бы, нет никакой связи. Впрочем, недавно Кен Лапатин, хранитель античных коллекций музея Гетти в Лос-Анджелесе, предположил, что статуя Пана могла стоять рядом с изображением греческого поэта Паниасида Галикарнасского, образуя своеобразную игру слов, предназначенную для развлечения образованного владельца виллы и его гостей. Пан – Паниасид. Улавливаете?[6]

Да, шутка довольно слабая, и мне хотелось бы думать, что наш богатый и образованный хозяин Виллы папирусов был способен на нечто более остроумное. Хотя, возможно, и нет. В одной из предыдущих глав мы говорили о «Спящем Гермафродите» и его неизменной притягательности. Вероятно, статуя Пана производила сходное впечатление, вызывая одновременно шок и веселье. Сначала зрителя поражало само изображённое действие, а затем, по мере того как он разглядывал детали, возникала улыбка – особенно при виде необыкновенно нежного, почти любовного взгляда, которым обменивались Пан и его коза. Гости, прогуливавшиеся по саду, наверняка улыбались этой нелепой сцене. Вероятно, за ужином она становилась поводом для оживлённых разговоров. Возможно, именно ради этого статую и приобрели.

Глава 16

Сексуальная жизнь императоров

На протяжении этой книги мы исследовали, какое сексуальное поведение считалось в Древнем Риме допустимым, а какое – неприемлемым. Мы разбирались в нравственных нормах и запретах, в том, что разрешалось и запрещалось законом, и во всех многочисленных оттенках между этими крайностями. Однако книга о сексе и сексуальности в Древнем Риме была бы неполной, если бы мы не обратились к самым крайним проявлениям сексуального поведения той эпохи – к жизни римских императоров.

Историки античности собрали о правителях Рима поистине невероятный перечень всевозможных извращений. Многим из этих историй трудно поверить – скорее всего, потому, что описываемых событий никогда не было. Почему же такие рассказы возникали? Потому что, как мы уже неоднократно видели, римляне считали поведение человека в частной жизни прямым отражением его общественного характера. Чем отвратительнее он вёл себя в спальне, тем хуже, следовательно, был как человек.

Поэтому каждому императору, которого считали плохим правителем, наряду с описанием его государственных неудач приписывали едва ли не невероятные частные развратные похождения. И наоборот, если император заслуживал репутацию хорошего правителя, его сомнительные пристрастия находили благожелательное объяснение. Вот, например, как Кассий Дион говорит о Траяне: признав, что император питал чрезмерную склонность к мальчикам, историк тут же добавляет: «В своих отношениях с мальчиками он никому не причинял вреда»[1]. А Светоний почти оправдывает Августа, нарушавшего собственные законы о прелюбодеянии: «Даже друзья не могли отрицать, что он часто изменял жене, но, разумеется, в оправдание говорили, будто делал он это ради государственных интересов, а вовсе не из простой страсти»[2]. Ну конечно, ради государственных интересов!

Завершая наше путешествие по сексуальной жизни древних римлян, я выбрала несколько императоров, чьи неудачи в государственных делах, возможно, были связаны с изнурительной насыщенностью их частной жизни. Каждый из них самым наглядным образом показывает, какие сексуальные табу существовали в римском обществе, поскольку нарушает их одно за другим. Предупреждаю: следующие истории содержат поистине ошеломляющие подробности, которые породят в вашем воображении картины, избавиться от которых будет непросто. Я вас предупредила!

Со вторым императором Рима мы уже встречались, когда говорили о его жене, отличавшейся чрезвычайной склонностью к супружеским изменам, и о мести, которую Тиберий совершил за пережитое унижение, унаследовав престол её отца. Но у Тиберия есть и собственная история.

Как мы уже обсуждали, Тиберий занимал важное место в династических планах Августа. Он исполнял высокие государственные должности, командовал войсками в опасных пограничных областях империи, а также был женат – против собственной воли – на дочери Августа Юлии. Одним словом, кандидат на роль преемника из него получался вполне подходящий.

Если не считать несчастной личной жизни – его заставили развестись с любимой женщиной и жениться на той, которую он не любил, – в биографии Тиберия до восшествия на престол не обнаруживается ничего особенно предосудительного. Да, он был мрачным, угрюмым человеком, имевшим репутацию любителя крепко выпить. Но ничто не указывало даже намёком на то, что за его молчаливой и замкнутой внешностью скрывалось что-нибудь подозрительное.

Первые годы его правления в Риме тоже не дают особых поводов для скандальных рассказов. Светоний упоминает пир, на котором присутствовал Тиберий и где все служанки подавали блюда совершенно обнажёнными, но, по-видимому, таков был обычай хозяина дома. Правда, после развода с Юлией Тиберий так и не женился вновь, однако, учитывая, насколько несчастливым оказался этот брак, едва ли стоит его за это осуждать. Можно предположить, что он так и не смог забыть развод с Випсанией, хотя, будучи императором, обладал полной властью потребовать, чтобы она развелась со своим мужем и снова вышла за него. Но Тиберий этого не сделал. Какие выводы из этого следует извлечь – решайте сами.

Читая рассказ Тацита о правлении Тиберия, приходится продираться сквозь множество сведений о постановлениях, судах и государственных делах, зато скандальных подробностей там почти нет. Всё меняется, когда в 27 году н. э. Тиберий удаляется на остров Капри.

Тацит сообщает, что император отправился туда в сопровождении нескольких сенаторов, любимого астролога и нескольких учёных мужей. Надо полагать, позднее Тиберий вызвал к себе и других спутников, поскольку спустя несколько страниц Тацит рассказывает, что император проводил время в тайных оргиях и мрачных помыслах. Едва ли подобные занятия особенно привлекали учёных мужей.

Но самые сочные подробности жизни Тиберия на Капри мы находим у непревзойдённого распространителя скандальных историй Светония. Тот сообщает: «Некоторые проявления его преступной непристойности столь отвратительны, что о них почти невозможно говорить, не говоря уже о том,

чтобы в них поверить». Затем Светоний услужливо перечисляет все обвинения во всех подробностях, предоставляя читателю возможность самому оценить степень их отвратительности и правдоподобия.

Говорили, что Тиберий питал особую страсть к эротическим – а под эротическими здесь следует понимать откровенно непристойные – изображениям. Он украсил комнаты двенадцати дворцов, построенных им на Капри, развратными картинами. Среди них была и вольная интерпретация мифа о неразделённой любви Мелеагра к Аталанте.

Согласно мифу, Мелеагр был влюблён в охотницу Аталанту, которая не желала выходить замуж и стремилась сохранить девственность. Вместе они участвовали в охоте на вепря и сумели убить зверя. Однако Мелеагр отдал награду Аталанте, поскольку именно она первой ранила вепря. Это привело его дядей в ярость: они не могли смириться с тем, что награда досталась какой-то женщине.

Началась ссора, а поскольку дело происходило в греческом мифе, закончилось всё кровавой бойней. Мелеагр убил всех своих дядей и ещё нескольких зрителей, оскорбивших Аталанту, после чего сам погиб от руки собственной матери. Для греческой мифологии, надо признать, количество жертв на редкость скромное. Как бы то ни было, художник, расписывавший покои Тиберия, каким-то образом умудрился включить в эту историю охоты и массового убийства сцену, в которой Аталанта совершает оральный половой акт с Мелеагром. Картина занимала почётное место в спальне императора.

Однако Тиберий не ограничивался созерцанием изображений половых актов. Согласно рассказам, в его распоряжении находились многочисленные привлекательные юноши и девушки, которых заставляли совокупляться перед ним в необычных позах. Чтобы зрелища не наскучили, император выписал из дальних стран особенно пикантные книги, из которых выбирал позы для воспроизведения своими исполнителями.

Когда и эти живые представления ему надоедали, Тиберий добавлял в них элементы театральной игры. Участников наряжали панами и нимфами и заставляли прятаться в укромных уголках леса, чтобы император мог совершенно «случайно» их обнаружить.

Но его поведение, согласно этим рассказам, далеко выходило за пределы простого подглядывания. Во время одного жертвоприношения император обратил внимание на двух юношей, участвовавших в церемонии. Сразу после завершения обряда он увёл их из храма и подверг сексуальному насилию. Когда они пожаловались, Тиберий приказал переломать им обоим ноги. Женщина по имени Маллония после совершённого над ней императором сексуального насилия предпочла покончить с собой, назвав его «этим грязноротым, волосатым, вонючим стариком». Упоминание рта в её обвинении указывало на принудительный куннилингус.

Дальше – хуже. Рассказывали о так называемых «рыбках» – группах маленьких мальчиков, которых обучали плавать под водой и совершать сексуальные действия с телом Тиберия, пока тот наслаждался утренним купанием. А если вам кажется, что ниже в описаниях чудовищного разврата опускаться уже некуда, то императору приписывали и сексуальное насилие над младенцами.

Перед нами поистине невероятный перечень извращений, особенно если вспомнить, что Тиберию в то время было уже за семьдесят. Неужели он впал в старческий маразм? Или разочарования в любви и императорской жизни довели его до безумия? И, что ещё интереснее, откуда у него брались силы на все эти безумства?

Как мы уже отмечали, сексуальная биография Тиберия в молодости ничем не примечательна. Он прошёл через отрочество и юность – возраст, особенно благоприятный для всевозможных скандальных похождений, – не запятнав своего имени. Но если верить нашим источникам, всё это время ему каким-то образом удавалось подавлять противоестественные желания, пока на Капри они не вырвались наружу подобно чудовищам из ящика Пандоры. Полностью исключить такую возможность нельзя, но и особенно правдоподобной она не кажется.

Император находился за много миль от Рима. Годами его никто не видел, а доступ к нему и на Капри строго контролировался. Даже во времена пребывания в Риме Тиберий отличался характером, который трудно было понять. «К тому же слова Тиберия, даже когда он вовсе не стремился что-либо скрыть, по привычке или по самой природе его характера всегда были нерешительными и загадочными»[3]. Возможно, именно этим и объясняется появление стольких историй о нём. Если император совершенно непостижим, о нём можно рассказывать всё что угодно – и любая история покажется правдоподобной.

Тиберий умер в 37 году н. э., не вызывая ни у кого любви. Народ кричал: «Тиберия – в Тибр!» Теперь у римлян появился новый император – Калигула, золотой принц, воспитанный при Тиберии, которому предстояло почти сравняться со своим предшественником по числу приписываемых ему извращений.

Коммод

Коммод унаследовал престол своего отца Марка Аврелия в 180 году н. э. Предыдущие три года он уже был соправителем отца. Это первый известный случай, когда император оказался «рождённым в пурпуре», то есть появился на свет, когда его отец уже занимал императорский престол. Кроме того, это был лишь второй случай, когда сын непосредственно наследовал отцу. Первым был Тит, который, в отличие от Коммода, уже достиг зрелого возраста, когда его отец стал императором. Четверо его предшественников пришли к власти, когда их, уже взрослых людей, усыновлял правящий император; вместе с Нервой,

которого избрал сенат, они за разумное и умелое правление вошли в историю как «пять хороших императоров». Коммод положил этой эпохе внезапный и решительный конец.

Казалось бы, Коммод должен был стать превосходным императором. С самого детства его воспитывал отец, мудрый Марк Аврелий. Однако уже в ранние годы стало ясно, что он совершенно не способен выполнять обязанности правителя. Автор его биографии в «Истории Августов» заранее готовит нас к рассказу о грядущем разврате: «Уже с самых ранних лет он был низким, бесчестным, жестоким и похотливым, осквернённым устами и развращённым»[4]. И снова обратите внимание на значение, которое придаётся рту: мы неоднократно встречали это на протяжении книги.

Но осквернение рта – далеко не единственная норма римской культуры, которую Коммод решил нарушить. Если верить нашим источникам, он был настоящей ходячей коллекцией нарушенных табу. Дошло до того, что даже актёры обвиняли его в разврате! Да-да, те самые актёры, которые занимали самое дно римской социальной иерархии, были запятнаны infamia и считались совершенно неподходящими людьми для приличного общества. Если уж они полагали, что император – извращенец, значит, дело действительно было серьёзным.

Опуститься ниже актёра – лишь одно из достижений Коммода в нарушении общественных запретов. Приготовьте список, чтобы отмечать остальные:

Публичные поцелуи с мужчиной-партнёром. «Он держал среди своих приближённых людей, которым давал имена, происходившие от названий половых органов обоих полов, и любил их целовать. Был в его окружении и человек, чей мужской орган превосходил размерами органы большинства животных»[5].

Превращение в сводника. Коммод собрал триста самых красивых женщин империи, составив из них личный гарем. При этом он нарушил и закон Скантиния, поскольку среди его наложниц были свободные женщины, фактически похищенные им.

Выступления в роли гладиатора и возницы колесницы. Он подражал занятиям infames, причём делал это публично!

Нарушение установленных гендерных ролей. Коммод появлялся на публике в женской одежде.

Разнообразные унижения сенаторского сословия.

Безмерное тщеславие. Среди прочего Коммод переименовал все месяцы года в свою честь, полностью отвергнув скромность, столь высоко ценившуюся в представлении о virtus. К этому следует прибавить отсутствие милосердия и небрежность в исполнении государственных обязанностей.

Рассматривая историю Тиберия, мы задавались вопросом, насколько правдивы приписываемые ему рассказы. И на протяжении всей книги неоднократно сомневались в достоверности наших источников (особенно тебя

это касается, Светоний!). Но в случае Коммода у нас есть настоящий очевидец – историк Кассий Дион, лично присутствовавший, когда император вздумал выступать гладиатором. Кассий Дион описывает, как Коммод праздновал победу в поединке с префектом претория и постельничим: «Закончив тренировочный бой, в котором он, разумеется, победил, он прямо в шлеме целовал этих своих спутников»[6]. Это всё-таки несколько отличается от рассказа «Истории Августов», где Коммод открыто предавался страстным поцелуям со своим любовником. Но именно так из маленьких желудей вырастают огромные деревья сплетен.

Кассий Дион, лично знавший Коммода, в целом судит о нём гораздо справедливее, чем автор «Истории Августов». Коммод, по его словам, «не был злым от природы; напротив, он отличался такой простодушной наивностью, какой едва ли обладал кто-либо другой». Главная беда Коммода, по мнению Кассия Диона, заключалась в том, что он слишком легко поддавался чужому влиянию. Именно это привело его к тому, что историк называет «похотливыми и жестокими привычками».

Примечательно, что в рассказе Кассия Диона о правлении Коммода почти отсутствуют сексуальные похождения. Он не упоминает ни публичный дом со свободными женщинами, ни другие проявления разврата, перечисленные в «Истории Августов». К сожалению для любителей скандальных историй, это означает, что подобные рассказы, скорее всего, выдуманы или, по меньшей мере, преувеличены до полной неузнаваемости.

Зато Кассий Дион подробно описывает манию величия и бредовые представления императора: золотую статую самого себя, которую Коммод приказал изготовить; переименование всех месяцев года в свою честь; и невероятный набор титулов, которыми он требовал обращаться к нему в сенате: «Император Цезарь Луций Элий Аврелий Коммод Август Благочестивый Счастливый Сарматский Германский Величайший Британский, Умиротворитель всей земли, Непобедимый, Римский Геркулес, Великий понтифик, восемнадцатикратный обладатель трибунской власти, восьмикратный император, семикратный консул, Отец Отечества, приветствует консулов, преторов, трибунов и счастливый Коммодианский сенат».

У Кассия Диона Коммод приветствует сенаторов в амфитеатре, облачённый в шёлковую тунику с золотыми нитями, затем ненадолго удаляется переодеться в пурпурное одеяние, расшитое золотыми блёстками, и дополняет наряд индийской короной, украшенной множеством драгоценных камней. Коммод в изображении Кассия Диона одновременно смешон и страшен. Но нигде это сочетание не проявляется так ярко, как в одном из самых поразительных эпизодов, сохранившихся во всей римской истории. Особенно поразителен он потому, что всё это действительно произошло и позволяет понять, каково было служить императору, окончательно утратившему связь с действительностью.

Кассия Диона и других сенаторов вызвали в амфитеатр смотреть, как император изображает гладиатора. Представление продолжалось четырнадцать дней. Коммоду не терпелось продемонстрировать, с каким блеском он способен уничтожать диких животных. Кассий Дион тщательно перечисляет убитых им существ, среди которых были тигры, бегемоты и слоны. Однажды, во время очередной кровавой бойни, произошло следующее:

«Убив страуса и отрубив ему голову, он подошёл к тому месту, где мы сидели. В левой руке он держал голову птицы, а правой высоко поднимал окровавленный меч. Не произнося ни слова, он ухмылялся и покачивал головой, показывая, что намерен поступить с нами точно так же. И многие действительно погибли бы там же от меча за то, что смеялись над ним (ибо нас охватил скорее смех, чем негодование), если бы я сам не начал жевать лавровые листья, взятые из моего венка, и не убедил сделать то же самое сидевших рядом со мной»[7].

Эта история исчерпывающе характеризует Коммода: он был смешон, но смеяться над ним было смертельно опасно. В конце концов, после нескольких неудачных покушений, его удалось убить. Его любовница Марция подала ему блюдо отравленной говядины. Когда императора вырвало, к нему послали борца по имени Нарцисс – какая ирония! – который и задушил его.

Гелиогабал

Варий Авит Бассиан стал императором в 218 году н. э., когда ему было всего четырнадцать лет. При вступлении на престол он получил новое, блистательное имя – Марк Аврелий Антонин. Однако ни прежнее, ни новое имя за ним не закрепилось. В историю он вошёл как Гелиогабал, по имени солнечного божества, верховным жрецом которого когда-то служил.

Гелиогабал правил всего четыре года – гораздо меньше, чем Коммод или Тиберий. Но количество разврата, распутства, роскоши и всевозможных сомнительных выходок, которые он, согласно источникам, умудрился вместить в эти четыре года, действительно впечатляет. Удобно было и то, что всю настоящую работу по управлению государством, включая участие в заседаниях сената, выполняли его мать Юлия Соэмия и бабушка Юлия Меса. Благодаря этому у него оставалось достаточно времени для развлечений.

Чем же он занимался? Предоставим слово Кассию Диону: «Он использовал своё тело как для совершения, так и для претерпевания множества странных действий, о которых никто не смог бы ни рассказать, ни выслушать без отвращения. Но самые заметные его поступки, скрыть которые было невозможно, заключались в следующем»[8].

Гелиогабал представлял собой воплощение женоподобного мужчины, о котором мы говорили в одной из предыдущих глав. По словам Кассия Диона, внешне он ещё сохранял некоторое подобие мужчины, но выдавал себя поведением и голосом. Особенно показательными были его движения: «Он имел обыкновение танцевать не только на сцене, но, можно сказать, даже во время

ходьбы, совершения жертвоприношений, приёма приветствий и произнесения речей»[9]. Это вызывает множество вопросов. Неужели император был просто непоседливым подростком? Или он действительно ощущал, как энергия танца переполняет всё его тело?

Гелиогабал довёл женоподобие до крайности. Он не только удалял все волосы с тела, но и пользовался косметикой, носил сетку для волос и отправлялся в местные таверны в женском парике. В однополых связях он предпочитал пассивную роль, обзавёлся несколькими мужьями и называл себя их женой или любовницей. Одержимый интересом к мужчинам с крупными половыми органами, он посылал специальных агентов разыскивать таких людей по всей империи, чтобы пополнять свою коллекцию. Он даже открыл общественные бани, надеясь встретить там ещё больше особо одарённых мужчин. И наконец, если у кого-то оставались сомнения относительно мужественности Гелиогабала, источники сообщают следующее: «Он довёл своё распутство до того, что просил врачей посредством хирургического разреза создать в его теле женское влагалище, обещая за это огромные деньги»[10].

Думаю, можно уверенно сказать, что некоторые из этих историй выдуманы. Это подтверждается и тем, что среди многочисленных преступлений, приписываемых Гелиогабалу, фигурируют человеческие жертвоприношения. Подобные обвинения всегда подозрительно напоминают попытку очернить человека самым страшным, что только можно придумать, – как это было со скандалом вокруг вакханалий, о котором мы говорили в одной из предыдущих глав. Неудивительно, что Гелиогабала обвиняли также в пытках и принесении в жертву детей. Как же нам следует воспринимать рассказы об этом императоре? Среди всех странных историй о нём постоянно повторяется одна тема – игра.

Возьмём, например, следующий рассказ Кассия Диона: «Он отвёл во дворце особую комнату, где предавался своим непристойным занятиям. При этом он всегда стоял обнажённым у дверей, подобно проституткам, и покачивал занавесью, висевшей на золотых кольцах, нежным и томным голосом приглашая прохожих. Разумеется, среди них были люди, заранее получившие указания сыграть свои роли»[11].

Во время посещений местных таверн Гелиогабал также играл роль проститутки. Во дворце он устраивал поездки на колеснице, превращая императорских вольноотпущенников, всадников и сенаторов в собственную публику. Помимо косметики, он, как сообщают источники, занимался прядением шерсти – традиционно женским занятием. А ещё были его браки с мужчинами. Он словно беспрестанно примерял на себя различные роли, используя власть императора для создания нужных ему обстоятельств и сцен. В этом Гелиогабал напоминает Нерона, который также выстраивал собственную реальность вокруг представления о себе как о художнике и, по-видимому, любил сексуальные ролевые игры.

Но, думаю, нам следует помнить, что, став императором, он был всего лишь подростком – и, судя по всему, не особенно зрелым. Нерону тоже было всего шестнадцать, когда он взошёл на престол, и мы прекрасно знаем, чем всё закончилось. Получив практически неограниченную свободу делать всё, что ему заблагорассудится, Гелиогабал принялся исследовать собственную сексуальность, мужественность и личность, оставив государственные дела родственницам. В Риме это не могло встретить одобрения – и не встретило. Римское государство с его подчёркнуто мужскими ценностями достигло предела терпимости к женоподобным выходкам Гелиогабала. Он был убит в результате дворцового переворота, когда ему исполнилось всего восемнадцать лет.

Примечания

Глава 1. Язык

1. Катулл, стихотворение 16.

2. Катулл, стихотворение 21.

3. Катулл, стихотворение 37.

4. Вероятнее всего, подобные наказания родились в воображении таких авторов, как Ювенал, которые размышляли о том, каким унижениям оскорблённый муж мог подвергнуть любовника своей жены, вплоть до оскопления.

5. Исследователи до сих пор спорят, использовал ли Катулл непристойности как остроумный поэтический приём или же попросту приходил в такую ярость, что выражал свои мысли без всяких церемоний. Употреблению бранной лексики у Катулла посвящено множество комментариев и научных статей. Читать их весьма занимательно; заодно они позволяют составить некоторое представление о том, чем целыми днями занимаются профессора античной филологии.

6. Аппиан, «Гражданские войны», V, 3, 19. О Фульвии он говорит, что ею «двигала женская ревность».

7. Современная Перуджа, город в итальянской области Умбрия.

8. Марциал, «Эпиграммы», XI, 20.

9. Значительная часть помпейских граффити, не содержащих непристойностей, представляет собой цитаты из литературы, например из «Энеиды» Вергилия. Огромное количество письменных материалов, найденных в Помпеях, – от настенных надписей до юридических документов и надписей на сосудах – позволяет предположить, что большинство жителей города в той или иной степени умели читать. Мэри Бирд подробно рассматривает этот вопрос в книге «Помпеи. Жизнь римского города», с. 184.

10. В 47 году н. э.

11. Тацит, «Анналы», XI, 2.

12. Плутарх, «Помпей», 48.

13. Но также вследствие усиливавшегося политического насилия на улицах.

14. Плутарх, «Юлий Цезарь», 4.

15. Марциал, «Эпиграммы», I, 42.

16. Цицерон, «В защиту Целия», 48.

17. Плутарх, «Антоний», 10.

18. Тацит, «Анналы», IV, 4, 3.

Глава 2. Обуздание желания: краткая история законов о нравственности

1. Тацит, «Германия», 19.

2. Тит Ливий, «История Рима».

3. Плутарх, «Эмилий Павел».

4. Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», 114, 9.

5. Плутарх, «Катон Старший», 16, 5.

6. Ювенал, «Сатиры», VI, 88.

7. Тит Ливий, «История Рима», XXXIV, 3.

8. Ростры – ораторская трибуна на Римском форуме. С ней связано множество знаменательных исторических событий, в том числе знаменитая речь Марка Антония перед римлянами после убийства Юлия Цезаря.

9. Плутарх, «Катон Старший», 19, 3.

10. Марциал, «Эпиграммы», X, 8.

Глава 3. Идеалы: добродетельный мужчина

1. Гален, «О страстях и заблуждениях души», 10, 55–56.

2. Лигуры населяли северо-западную часть Италии.

3. Плутарх, «Эмилий Павел», 39, 8.

4. Там же, 5, 4.

5. В честь него назван американский город Цинциннати.

6. Тит Ливий, «История Рима», III, 26.

7. Колумелла, «О сельском хозяйстве», предисловие, 1, 17.

8. Там же, I, 8, 15.

9. Гораций, «Наука поэзии», строки 161–165.

10. Цицерон, «В защиту Целия», 42.

11. Цицерон, «Вторая речь против Катилины», 23.

12. Плавт, «Куркулион».

Глава 4. Идеалы: целомудренная женщина

1. Многочисленные поправки к этому закону свидетельствуют о том, что его применение и возможность злоупотреблений вызывали вполне серьёзную обеспокоенность.

2. Для тех, кто не знаком с этой историей: Эдип, как известно, сам того не ведая, убил своего родного отца и женился на собственной матери. Обнаружение этой страшной истины составляет сюжет трагедии Софокла.

3. Ювенал, «Сатиры», VI.

4. Соран Эфесский, «Гинекология», II, 10, 79.

5. Артемидор, «Онейрокритика» («Толкование сновидений»), I, 15.

6. Оксиринхские папирусы, № 744.

7. Эта практика была прекращена при императоре Антонине Пии (131–161 годы н. э.).

8. Соран Эфесский, «Гинекология», 9, 34.

9. Марциан, «Институции», книга X, 7.

10. Corpus Inscriptionum Latinarum (CIL), I², 1221 (ILS 7472); CIL I, 1221 = CIL VI, 9499 (ILS 7472).

11. Тит Ливий, «История Рима», I, 58.

12. Децемвир – важная должность в Римской республике. Децемвиров было десять, откуда и происходит название.

13. Тит Ливий, «История Рима», III, 45, 7.

14. Там же, III, 45, 11.

15. 218–201 годы до н. э.

16. Приводимые античными авторами сведения о потерях в сражениях notoriously ненадёжны. В данном случае источники утверждают, что погибло 50 тысяч римлян, что почти наверняка является преувеличением. Однако каковы бы ни были реальные потери, поражение стало страшным унижением для Рима, и римляне никогда его не забыли.

17. Сивиллины книги представляли собой собрание пророчеств, приписываемых знаменитой прорицательнице. К ним обращались во времена общегосударственных бедствий, в том числе и в данном случае.

18. Овидий, «Фасты», IV, 319.

19. В амфитеатрах места распределялись в соответствии с общественным положением зрителей: впереди сидели сенаторы, за ними – всадники, далее – свободные мужчины, а в самых дальних рядах – женщины и рабы.

20. Плиний Младший, «Письма», 43.

21. «История Августов», «Гелиогабал», 6, 6.

22. Плиний Младший, «Письма», VI, 24.

23. История Аррии изложена в шестнадцатом письме третьей книги писем Плиния.

24. Римская система наказаний отличалась вопиющей несправедливостью. Если обычный гражданин мог оказаться на арене, то представителю высшего сословия присылали письмо с предписанием покончить жизнь самоубийством – в противном случае его ожидала казнь.

25. Следует отметить, что этот «дом» принадлежал некоему Милону, отправленному в изгнание. Во время его изгнания муж Турии приобрёл эту недвижимость. Люди, от которых

Турия отбивалась, были сторонниками Милона. Вполне понятно, что Милон был не в восторге от того, что его дом без его согласия продали другому человеку.

26. Впрочем, Светоний, наш главный собиратель сплетен об императорах, написал целую серию биографических очерков под названием «О знаменитых блудницах». К сожалению, эта книга затерялась где-то между античностью и нашими днями.

27. Светоний, «Август», 73, 1.

28. Тацит, «История», I, 73.

29. Несколько видных представителей двора Нерона подверглись преследованиям как со стороны Гальбы, так и со стороны самочинных мстителей. То обстоятельство, что Кальвии удалось избежать подобной участи, несмотря на громкие требования расправы, свидетельствует о её политической ловкости.

30. Тацит, «История», I, 73.

31. Ювенал, «Сатиры», VI, 1.

Глава 5. Ни мужчина, ни женщина

1. Плиний Старший, «Естественная история», книга VII, 33.

2. Все рассказы о перемене пола содержатся в седьмой книге «Естественной истории» Плиния Старшего.

3. Плиний Старший, «Естественная история», VII, 36.

4. Из медицинского свода, составленного в VII веке.

5. «История Августов», «Александр Север», 23, 4.

6. Аммиан Марцеллин, XIV, 11.

7. Сеян продал Пезона за невероятную сумму – 50 миллионов сестерциев.

8. Стаций, «Сильвы», III, 4.

9. Вергилий, «Энеида», I, 12.

10. Марциал написал несколько стихотворных просьб к секретарю Домициана Парфению, умоляя его передать императору свои стихи.

11. Фригийский колпак несколько напоминает шапочку смурфиков. В Риме его называли колпаком свободы, поскольку такой головной убор носили вольноотпущенники.

12. Овидий, «Фасты», IV, 4.

13. Ульпиан, «Об обязанностях проконсула», книга VII.

14. «Мнения Павла», книга III, 4а.

Глава 6. Как стать привлекательным: красота и мода

1. Овидий, «Средства для ухода за женским лицом».

2. Овидий, «Наука любви», III, 3.

3. Впрочем, это средство далеко не столь чудодейственно, как капуста, которую римляне считали лекарством буквально от всего – от головных болей и растяжений до свищей и опьянения вином. Кроме того, капуста якобы улучшала зрение.

4. Ювенал, «Сатиры», VI.

5. Плиний Старший, «Естественная история», XIII, 20.

6. Морской продукт, запах разложения которого особенно беспокоит Плиния, – пурпурная краска, получаемая путём раздавливания морских моллюсков.

7. Марциал, «Эпиграммы», III, 55.

8. Рекомендую посмотреть на YouTube видео исследовательницы исторических причёсок Джанет Стивенс, которая предпринимает весьма достойные попытки воссоздать древние укладки, в том числе знаменитую причёску женщины эпохи Флавиев.

9. Марциал, «Эпиграммы», III, 43.

10. Овидий, «Наука любви», I, 39.

11. Согласно замечательному сайту ORBIS Стэнфордского университета, позволяющему рассчитать время путешествия практически между любыми пунктами античного мира.

12. Овидий, «Наука любви», III, 4.

13. Марциал, «Эпиграммы», X, 90.

14. Плиний Старший, «Естественная история», XXIX, 26.

15. Марциал, «Эпиграммы», IX, 27.

16. Светоний, «Отон».

17. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 14.

18. Плиний Старший, «Естественная история», XI, 78.

19. Гораций, «Сатиры», I, 2.

20. На территории современного Ливана.

21. Овидий, «Наука любви», II, 4.

22. Марциал, «Эпиграммы», XI, 100.

23. Там же, X, 47.

24. Гораций, «Сатиры», I, 2.

25. При этом если иудей обрезал своего раба, не являвшегося иудеем, ему грозили изгнание или смертная казнь.

26. «Приапея», 12.

27. Там же, 27.

28. Там же, 25.

29. Сенека, «Естественно-научные вопросы», I, 16.

30. Марциал, «Эпиграммы», IX, 60.

31. «История Августов», «Гелиогабал», 5, 3.

32. Аристофан, «Облака».

33. Если вы действительно хотите прочитать стихотворение целиком, ищите его в одиннадцатой книге «Эпиграмм», № 21. Правда, найти его в английском переводе чрезвычайно трудно – очевидно, оно настолько отвратительно, что никто не захотел его переводить. Считайте, что я вас предупредила. Разумеется, как сатирик Марциал намеренно стремился шокировать и провоцировать читателей.

34. Марциал, «Эпиграммы», VII, 18.

Глава 7. В поисках любви: ухаживания на улицах Рима

1. Плавт, «Куркулион».

2. Тибулл, I, 2.

3. Там же, I, 2.

4. Проперций, I, 16.

5. Овидий, «Наука любви», I, 6.

6. Гораций, «Сатиры», I, 2.

7. Я несправедлива к Овидию. Он написал также два крупных произведения – «Фасты» и «Метаморфозы», которые по праву пользуются высокой оценкой.

8. Это несколько сбивает с толку, поскольку источники, по-видимому, совершенно ясно указывают, что на играх женщины сидели отдельно от мужчин. Следовательно, либо разграничение мест было не столь строгим, как принято считать, либо Овидий целиком выдумал этот эпизод.

9. Овидий, «Наука любви», книга I, 7.

10. Ювенал, «Сатиры», VI.

11. Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», 51.

12. Пенелопа – верная и преданная жена Одиссея. Елена – неверная супруга, измена которой послужила причиной Троянской войны.

13. Светоний, «Август», 69, 1.

14. «История Августов», «Луций Вер», 5, 2.

15. Как ни ужасно, рабы постоянно становились жертвами сексуального насилия со стороны своих хозяев.

Глава 8. Переходим к делу: секс

1. Плиний Старший, «Естественная история», X, 171.

2. Соран Эфесский, «Гинекология», I, 7.

3. Он утверждает, будто жёны Брута, Помпея и братьев Гракхов были вполне готовы на это, но не приводит ни малейших доказательств.

4. Овидий, «Наука любви», II, 19.

5. У Овидия есть и другая версия: Тиресий, вместо того чтобы оставить змей в покое, снова бьёт их палкой. Очевидно, в своём прежнем обличье он не усвоил ровным счётом ничего.

6. Артемидор, «Толкование сновидений», I, 79.

7. Вас, вероятно, нисколько не удивит известие, что Зигмунд Фрейд был знаком с трудом Артемидора.

8. Артемидор, «Толкование сновидений», I, 78, 6.

9. Там же, IV, 59.

Глава 9. Сексуальные проблемы и способы их решения

1. Гален, «О смесях», II, 4.

2. Овидий, «Наука любви», III, 7.

3. Артемидор, «Толкование сновидений», I, 45.

4. Гораций, «Эподы», 12.

5. Плиний Старший, «Естественная история», XXX, 49.

6. Соран Эфесский, «Гинекология», III, 29.

7. Там же, IV, 26.

8. Гиппократ, «О семени» и «О природе ребёнка», 13.

9. Тертуллиан, «О душе», 25.

10. Овидий, «Наука любви», II, 14.

11. Предполагаемым отцом ребёнка называли её дядю Домициана, что, вероятнее всего, является выдумкой.

12. Соран Эфесский, «Гинекология», I, 35.

13. Цельс, «О медицине», IV, 28.

14. Упоминается в главе 4.

Глава 10. Любовь причиняет боль: когда всё идёт не так

1. Небольшая подборка жалоб из «Элегий» Проперция.

2. Бедняга Проперций, похоже, постоянно жил как на иголках, опасаясь вспыльчивого характера Кинфии.

3. См. IV, 8, где она физически нападает на несчастного Проперция: «Ударила меня по лицу свирепыми руками, оставила след на шее, зубами пустила кровь и, более всего, била по глазам, заслужившим это».

4. Плутарх, «Лукулл», 34.

5. Там же, 38.

6. Позднее Цезарь разведётся с Помпеей, заявив в своё оправдание, что «жена Цезаря должна быть выше подозрений».

7. Катулл, 79.

8. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 18.

9. Катулл, 87.

10. Катулл, 85.

11. Катулл, 70.

12. Катулл, 32.

Глава 11. Управление сердечными делами: религия и магия

1. Найдено в Бате, Великобритания.

2. ILS 8753; цитируется по книге Джо-Энн Шелтон As the Romans Did («Как поступали римляне»).

3. Найдено в поле близ Болдока, графство Хартфордшир.

4. Среди других групп, которых неоднократно изгоняли из Рима за причиняемые беспорядки, были иудеи, философы и танцовщики.

5. Следует отметить, что Плиний столь же скептически относился к богам и загробной жизни.

6. Овидий, «Наука любви», III, 6.

7. Артемидор, «Толкование сновидений», I, 78.

8. Плавт, «Хвастливый воин», строка 691.

9. Марциал, «Эпиграммы», VII, 54.

10. Ювенал, «Сатиры», VI.

11. Закон Корнелия (Lex Cornelia), цитируется по «Мнениям Павла», V, 23, 14.

12. Проперций, «Элегии», III, 6.

13. Там же.

14. «Греческие магические папирусы», PGM 61.

15. Там же, PGM IV, 296.

16. Тибулл, «Элегии», I, 2.

17. Там же.

18. Гораций, «Эподы», 5.

19. Ювенал, «Сатиры», VI.

20. Цитируется по книге Роберта Кнаппа Invisible Romans («Невидимые римляне»), с. 14.

21. Найдено в Египте и датируется III или IV веком н. э. См. статью Кристофера А. Фараоне «Когда заклинания творят чудеса» (When Spells Work Magic), опубликованную в журнале Archaeology, т. 56, № 2, март–апрель 2003 года.

22. Там же.

23. «Сентенции Павла», V, 23, 15–18.

24. Апулей, «Апология».

25. Овидий, «Фасты», IV.

26. Тит Ливий, «История Рима», книга XXXIX.

27. Там же.

Глава 12. Супружеская измена

1. Гораций, «Сатиры», I, 2.

2. Мэри Бирд, SPQR. История Древнего Рима, с. 316.

3. Кассий Дион, LIV, 16.

4. Вероятно, ситуацию усугубило то, что он бросил свою жену Октавию, которая приходилась сестрой Октавиану Августу, ради Клеопатры.

5. Цицерон, «В защиту Целия», 35.

6. Для занятия государственных должностей в Риме существовали возрастные ограничения. Кандидату в квесторы должно было исполниться не менее тридцати лет, а для занятия высшей должности консула требовалось достичь сорока двух. Август полностью игнорировал эти многовековые нормы: он разрешил своему пасынку Друзу занимать государственные должности на пять лет раньше установленного срока, а собственных внуков Гая и Луция назначил будущими консулами, когда им было всего по двадцать лет.

7. Светоний, «Август», 64.

8. В том числе прекрасные акведуки и исправно действовавшую канализацию. А также все сражения, в которых Август когда-либо участвовал, – вернее, не участвовал, поскольку для подобных дел у него имелся Агриппа.

9. Светоний, «Тиберий», 68.

10. Макробий, «Сатурналии», II, 5.

11. Там же.

12. У римлян существовала довольно странная привычка давать всем дочерям одно и то же имя. Например, у Марка Антония было две дочери, и обеих звали Антониями. Иногда для различения добавляли определения Младшая или Старшая, но такой способ годился лишь в семье с двумя дочерьми.

13. Это несколько напоминает обсуждения скандальных выходок Мадонны в 1990-е годы, когда телевизионные комментаторы рассуждали, что единственное, чем она ещё способна потрясти публику, – это рождение ребёнка. Вскоре после этого она действительно родила.

14. Папиниан, «О прелюбодеянии», книга II.

15. Ульпиан, «О прелюбодеянии», книга VIII.

16. Папиниан, «О прелюбодеянии», книга II.

17. Там же.

18. Зосим, II, 29, 2.

19. Зонара, «Эпитома», XIII, 2.

Глава 13. Гомосексуальность

1. Авл Геллий, VI, 12; цитируется по книге Эми Ричлин The Garden of Priapus («Сад Приапа»).

2. Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», 114, 6.

3. Светоний, «Калигула», 52.

4. Ювенал, «Сатиры», II, 1.

5. Цицерон, «Против Пизона», 11, 25.

6. Ювенал, «Сатиры», II, 2.

7. Марциал, «Эпиграммы», VII, 58.

8. Ювенал, «Сатиры», VI.

9. Светоний, «Калигула», 36.

10. Сенека Старший, «Контроверсии», IV.

11. Петроний, «Сатирикон», 75.

12. Гораций, «Сатиры», I, 2.

13. «Мнения Юлия Павла», II, 32.

14. Светоний, «Нерон», 29.

15. Тацит, «Анналы», XV, 37.

16. Светоний, «Нерон», 29.

17. Светоний, «Вителлий», 12.

18. Тацит, «История», II, 57.

19. Катулл, 48.

20. Катулл, 99.

21. Тибулл, I, 4.

22. Марциал, «Эпиграммы», XII, 75.

23. Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», 47, 7.

24. Павсаний, «Описание Эллады», VIII, 9, 9.

25. «История Августов», «Адриан».

26. Марциал, «Эпиграммы», X, 8.

27. «История Августов», «Александр Север», 24.

28. Канон 12.

29. Кодекс Феодосия, IX, 7, 3.

30. Ювенал, «Сатиры», VI.

31. Марциал, «Эпиграммы», I, 90.

32. Марциал, «Эпиграммы», VII, 70.

33. Лукиан, «Любовные истории» (Amores), 28.

34. PSI I, 28, строка 12 и далее.

Глава 14. Нежелательные партнёры

1. «Правила Ульпиана», 13.

2. Светоний, «Отон», 2.

3. Ульпиан, «О законе Юлия», книга II.

4. Антония принадлежала к числу женщин императорской семьи, связанных родственными узами едва ли не со всеми. Она была племянницей Августа, невесткой Тиберия, бабушкой Калигулы и прабабушкой Нерона.

5. Никаких доказательств этому нет. Это исключительно предположение.

6. Кассий Дион, книга LXV, 14.

7. Кассий Дион, книга LXI, 7.

8. Плутарх, «Помпей», 2.

9. Плутарх, «Лукулл», 6.

10. Плутарх, «Гальба», 14.

11. Этот вопрос довольно подробно рассматривается в книге Мэри Бирд «Помпеи».

12. Артемидор, «Толкование сновидений», I, 78, 3.

13. Ульпиан, «Об эдикте», в «Дигестах», 23, 43.

14. Марциал, «Эпиграммы», IX, 2.

15. Указ императоров Феодосия, Аркадия и Гонория, адресованный префекту претория Руфину.

16. Ювенал, «Сатиры», VI.

17. Цицерон, «Письма к Аттику», X, 10.

18. Письмо 477 (F IX, 26), Цицерон – Пету.

19. Светоний, «Калигула», 55.

20. Там же.

21. Марциал, «Эпиграммы», XI, 13.

22. Светоний, «Тиберий», 37.

23. Светоний, «Нерон», 26.

24. Петроний, «Сатирикон», 52.

25. Ювенал, «Сатиры», VI.

26. Тацит, «Анналы», XIV.

27. Цицерон, «В защиту Целия», 32.

28. Там же.

29. Кассий Дион, XLVI, 18.

30. Светоний, «Клавдий», 30.

31. Ювенал, «Сатиры», II, 1.

32. Павел, «Комментарии к Сабину», книга IV.

33. Папиниан, «Вопросы», 32.

34. Артемидор, I, 78, 8.

35. Апулей, «Золотой осёл», книга X.

36. Ювенал, «Сатиры», VI.

37. Сенека, «Письма».

38. Марциал, «Книга зрелищ», 5.

Глава 15. Сексуальные изображения

1. Знаменитая голова Августа из Мероэ (которая для меня навсегда останется «жуткой головой Августа»). Её глаза не просто следят за вами, куда бы вы ни переместились по комнате, – кажется, что они проклинают вас из каждого её угла.

2. Плиний Старший, «Естественная история», XXXVI, 4.

3. Причины изгнания Овидия остаются неясными. Существует множество предположений: был ли он замешан в скандале вокруг Юлии, дочери Августа, или же его «Наука любви» слишком противоречила нравственным установкам эпохи? А возможно, дело в том, что благодаря его наставлениям в цирке появилось целое множество назойливых охотников за женщинами.

4. До сих пор продолжается неразрешённый спор о том, существовали ли в римских термах особые часы или дни, отведённые для женщин, либо мужчины и женщины купались совместно.

5. Подробное обсуждение этих изображений см. в книге Джона Р. Кларка Looking at Lovemaking («Изображения любовных соитий»).

6. Как обсуждается в колонке Мэри Бирд «Жизнь профессора» (A Don's Life) в издании Times Educational Supplement.

Глава 16. Сексуальная жизнь императоров

1. Кассий Дион, LXVIII, 6.

2. Светоний, «Август», 69.

3. Тацит, «Анналы», I, 9.

4. «История Августов», «Коммод», 1, 7.

5. «История Августов», «Коммод», 10.

6. Кассий Дион, LXXIII, 19.

7. Там же, LXXIII, 21.

8. Там же, LXXX, 13.

9. Там же, LXXIX, 14.

10. Там же, LXXIX, 16, 7.

11. Там же, LXIX, 13.

Библиография

Словарь классической мифологии издательства Penguin (The Penguin Dictionary of Classical Mythology), под редакцией Стивена Кершоу. Penguin Books, 1991.

Апулей, Луций. «Золотой осёл» (The Golden Ass). Перевод Роберта Грейвса. Penguin Classics, 1990.

Артемидор. «Толкование сновидений» (The Interpretation of Dreams). Перевод Мартина Хэммонда. Oxford World's Classics, 2020.

Бирд, Мэри. «SPQR. История Древнего Рима» (SPQR: A History of Ancient Rome). Profile Books, 2016.

Бирд, Мэри. «Помпеи. Жизнь римского города» (Pompeii: The Life of a Roman Town). Profile Books, 2008.

Бирли, Энтони Р. «Адриан: беспокойный император» (Hadrian, the Restless Emperor). Routledge, 2000.

Катулл. «Малые стихотворения» (The Shorter Poems). Перевод Джона Годвина. Oxbow Books, 2007.

Кларк, Джон Р. «Изображения любовных соитий: конструирование сексуальности в римском искусстве» (Looking at Lovemaking: Constructions of Sexuality in Roman Art). University of California Press, 2001.

Кристал, Пол. «В постели с римлянами» (In Bed with the Romans). Amberley, 2017.

Колумелла. «О сельском хозяйстве» (De Re Rustica).

Данцигер, Дэнни; Пёрселл, Николас. «Империя Адриана» (Hadrian's Empire). Hodder and Stoughton, 2005.

Дики, Мэтью. «Магия и маги в греко-римском мире» (Magic and Magicians in the Graeco-Roman World). Routledge, 2001.

Данн, Дейзи. «Покрывало Катулла» (Catullus' Bedspread). William Collins, 2017.

Дюпон, Флоранс. «Повседневная жизнь в Древнем Риме» (Daily Life in Ancient Rome). Blackwell, 1992.

Эдвардс, Кэтрин. «Политика безнравственности в Древнем Риме» (The Politics of Immorality in Ancient Rome). Cambridge University Press, 1993.

Гален. «Избранные сочинения» (Selected Works). Перевод П. Н. Сингера. Oxford University Press, 1997.

Голдхилл, Саймон. «Любовь, секс и трагедия: почему античность имеет значение» (Love, Sex & Tragedy: Why Classics Matters). John Murray, 2004.

Граф, Фриц. «Магия в Древнем мире» (Magic in the Ancient World). Harvard University Press, 1997.

Халлетт, Джудит П.; Скиннер, Мэрилин Б., редакторы. «Римские сексуальности» (Roman Sexualities). Princeton University Press, 1977.

Гиппократ. «Сочинения» (Hippocratic Writings). Перевод профессора Джеффри Эрнеста Ричарда Ллойда. Penguin Books, 1983.

«История Августов». «Жизнеописания поздних цезарей» (Lives of the Later Caesars). Перевод Энтони Бирли. Penguin Classics, 1976.

Гораций. «Эподы» (Epodes). Перевод А. С. Клайна, 2005.

Юстиниан. «Кодекс Юстиниана» (The Code of Justinian). Перевод Сэмюэла П. Скотта. Цинциннати, 1932.

Ювенал. «Шестнадцать сатир» (The Sixteen Satires). Перевод Питера Грина. Penguin Books, 2004.

Кнапп, Роберт. «Невидимые римляне» (Invisible Romans). Profile Books, 2013.

Лес, Кристиан; Струббе, Йоханн. «Молодёжь в Римской империи: бурные годы юности» (Youth in the Roman Empire: The Young and Restless Years). Cambridge University Press, 2014.

Тит Ливий. «Ранняя история Рима» (The Early History of Rome). Перевод Обри де Селинкурта. Penguin Classics, 1971.

Тит Ливий. «Рим и Средиземноморье» (Rome and the Mediterranean). Перевод Генри Беттенсона. Penguin Books, 1976.

Мараньон, Грегорио. «Тиберий: исследование обиды и озлобленности» (Tiberius: A Study in Resentment). Hollis and Carter, 1956.

Аммиан Марцеллин. «Поздняя Римская империя» (The Later Roman Empire). Перевод Уолтера Гамильтона. Penguin Classics, 1986.

Марциал. «Эпиграммы» (The Epigrams). Перевод Джеймса Мичи. Penguin Books, 1978.

Мастерсон, Марк. «Мужчина с мужчиной: желание, гомосексуальность и власть в представлениях о мужественности позднего Рима» (Man to Man: Desire, Homosexuality and Authority in Late Roman Manhood). Ohio State University Press, 2014.

Макгинн, Томас А. Дж. «Проституция, сексуальность и право в Древнем Риме» (Prostitution, Sexuality and the Law in Ancient Rome). Oxford University Press, 1998.

Мор, Мелисса. «Чёрт возьми! Краткая история сквернословия» (Holy Shit: A Brief History of Swearing). Oxford University Press, 2013.

Овидий. «Фасты» (Fasti). Перевод А. Дж. Бойла и Р. Д. Вударда. Penguin Books, 2004.

Овидий. «Любовные стихотворения» (The Love Poems). Перевод А. Д. Мелвилла. Oxford World's Classics, 2008.

Павсаний. «Путеводитель по Греции» (Guide to Greece). Перевод Питера Леви. Penguin Classics, 1971.

Петроний. «Сатирикон» (The Satyricon). Перевод П. Г. Уолша. Oxford World's Classics, 2009.

Плиний Старший. «Естественная история. Избранное» (Natural History: A Selection). Перевод Джона Хили. Penguin Books, 1991.

Плиний Младший. «Письма» (The Letters of the Younger Pliny). Перевод Бетти Рэдис. Penguin Books, 1969.

Плутарх. «Римские жизнеописания» (Roman Lives). Перевод Робина Уотерфилда. Oxford World's Classics, 1999.

Помрой, Сара Б. «Богини, блудницы, жёны и рабыни: женщины в классической древности» (Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity). Pimlico, 1994.

Ричлин, Эми. «Сад Приапа» (The Garden of Priapus). Oxford University Press, 1992.

Робертс, Пол. «Жизнь и смерть в Помпеях и Геркулануме» (Life and Death in Pompeii and Herculaneum). British Museum Press, 2013.

Сенека. «Письма стоика» (Letters from a Stoic). Перевод Робина Кэмпбелла. Penguin Books, 2004.

Шелтон, Джо-Энн. «Как поступали римляне: сборник источников по социальной истории Рима» (As the Romans Did: A Sourcebook in Roman Social History). Oxford University Press, 1988.

Смит, Р. Р. Р. «Антиной: юноша, ставший богом» (Antinous: Boy Made God). Ashmolean, 2018.

Саутерн, Эмма. «Агриппина: императрица, изгнанница, интриганка, блудница» (Agrippina: Empress, Exile, Hustler, Whore). Unbound, 2018.

Соран Эфесский. «Гинекология» (Gynaecology). Johns Hopkins Press, Балтимор, 1956.

Саутерн, Пэт. «Домициан: трагический тиран» (Domitian: Tragic Tyrant). Routledge, 1997.

Стаций. «Полное собрание сочинений» (Complete Works). Delphi Classics, 2014.

Светоний. «Двенадцать цезарей» (The Twelve Caesars). Перевод Роберта Грейвса. Penguin Books, 1989.

Тацит. «Анналы императорского Рима» (The Annals of Imperial Rome). Перевод Майкла Гранта. Penguin Books, 1989.

Тацит. «История» (The Histories). Перевод Кеннета Уэллсли. Penguin Books, 1995.

Тонер, Джерри. «Как управлять своими рабами» (How to Manage Your Slaves). Profile Books, 2015.

Тонер, Джерри. «Массовая культура в Древнем Риме» (Popular Culture in Ancient Rome). Polity Press, 2009.

Тафер, Шон. «Евнух в истории и обществе Византии» (The Eunuch in Byzantine History and Society). Routledge, 2008.

Тюркан, Робер. «Культы Римской империи» (The Cults of the Roman Empire). Blackwell, 1996.

Уильямс, Крейг А. «Римская гомосексуальность» (Roman Homosexuality). Oxford University Press, 1999.